

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
Императорскаго Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла В. В. Миллера

и

Товарища Председателя Н. А. Плинка.

МОСКВА.

Т-во Скорен. А. А. Леоновичъ. Коммисіонера Императорскаго Общества Любителей Естество-
знанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.

1901.

Печатано съ разрѣшеніи Снятъи Императорскаго Общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Духовные стихи изъ Курской губерніи. <i>М. Н. Сперанская</i>	1
II. Сословно-поземельный вопросъ и райлская зависимость въ Дагестанѣ. Часть третья. Современное положеніе крестьянъ и раятъ въ Дагестанѣ. <i>П. В. Гидулянова</i>	67
III. Свадебные обычаи и обряды и брачное право у новыхъ армянъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда, Эриванской губерніи. <i>Д. I Назарьянца</i>	109
IV. Смѣсь:	
Изъ народныхъ суевѣрій, прихѣтъ и обычаевъ Ереванской волости, Рыбинскаго уѣзда. <i>Ив. Костоловскаго</i>	129
Къ литературѣ сна Богородицы.	139
V. Критика и библіографія.	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ:	
Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи въ Россію. Библиографич. замѣтка. <i>Н. Державина</i> (139).—И. Степенов. Певцы И. П. Котляревскаго. 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтъ критики. <i>А. Крымская</i> (143).—D-r Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. <i>А. Максимова</i> (149).—А. Г. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. <i>Ею же</i> (153). Собраніе малоазійскихъ надписей (Библиографич. замѣтка). <i>В. Г.</i> (154).— <i>Gustav Sundbärg</i> . Sveriges land och folk. (Швеція, страна и народъ). <i>Ею же</i> . (154).	
2. Обзоръ журналовъ и газетъ.	166
3. Новости этнографической литературы.	160

VI. Хроника:

Освященіе памятника на могилѣ П. В. Шейна. — Проектъ международнаго этнографическаго указателя по этнографіи. — Преміи имени М. И. Михельсона. — Адольфъ Ивановичъ Доб- рянскій. — Разныя этнографическія свѣдѣнія (изъ „Hufvud- stadsbladet“). Вл. Г.	164
Иванъ Николаевичъ Ждановъ. (<i>Некрологъ</i>).	180
Опечатки въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и рабская зависимость въ Дагестанѣ“	183

VII. Объявленія объ изданіяхъ Этнографическаго Отдѣла. 184

Духовные стихи изъ Курской губерніи.

Собранные мною духовные стихи по содержанію новаго ничего почти не даютъ, но они любопытны, какъ образчикъ современнаго состоянія народнаго стиха, а собранныя мною свѣдѣнія при записываніи стиховъ дадутъ, можетъ быть, не лишenne интереса матеріалы и для уясненія условій существованія, сохраненія и, можетъ быть, даже своеобразнаго развитія духовнаго стиха въ наше время.

Прежде, чѣмъ обратиться къ самымъ записаннымъ мною стихамъ, познакомлю немного съ ихъ исполнителемъ Григорьемъ Артамоновымъ. Это не будетъ лишнимъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Какъ извѣстно, напр., послѣ статьи Гальфердинга ¹⁾, наблюденій, сдѣланныхъ нами лѣтъ пять назадъ въ Москвѣ надъ Рябининнымъ (статья Е. А. Ляцкого) ²⁾ и надъ вопленицей Федосовой, личность и нѣкоторыя черты жизни пѣвца сказателя являются въ нашихъ глазахъ далеко не всегда безполезнами для уясненія произведенія, имъ сообщаемаго, для уясненія самаго процесса той творческой работы, которую совершаетъ пѣвецъ или сказатель, воспроизводя традиціонное для него содержаніе пѣсни ³⁾. Въ частности же для исторіи духовныхъ стиховъ мы находимся и въ лучшемъ положеніи, нежели по отношенію къ былинѣ: если относительно послѣдней мы по недостатку матеріала должны ограничиться только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями относительно слагателей и носителей быliny въ старое время, каковы, напр., предположенія В. Ө. Миллера о скоморо-

---

1) Онежскія былины, предисловіе.

2) Э. О. XXIII, 125 слѣд.

3) Ср. А. Гальпердинга у. с. I ч., 33.

хахъ, то для духовнаго стиха мы имѣемъ передъ собою довольно опредѣленный живучій культурный типъ „калѣки перехожаго“, установленный для весьма давняго времени въ трудахъ И. И. Срезневскаго, Н. С. Тихонравова А. Н. Пыпина ¹⁾; иначе мы о духовномъ стихѣ, какъ явленіи сравнительно съ былинной позднѣмъ, знаемъ болѣе, что касается его жизни и исполненія. Духовный стихъ болѣе специализированъ въ силу своего религіознаго содержанія, своихъ исполнителей, нежели „мірская“ былина, пѣсня. Вотъ что говоритъ А. Θ. Гильфердингъ (I ч. 15.) объ отношеніи быliny и духовнаго стиха: „пѣніе былинъ... остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать „старины“. Профессиональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ „каликъ“ на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики не знаютъ былинъ ²⁾. Я встрѣтилъ только одного пѣвца по профессіи (Ивана Феонова), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ какъ на нѣчто второстепенное, постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ быliny, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя челоуѣка Божія, Егорія храбраго, Авику воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ быliny“... Нищие по профессіи „знали только духовные стихи“ (ibid. 17). Какъ и два вѣка назадъ, такъ и теперь духовный стихъ поютъ слѣпцы, нищие, поютъ они его для назиданія, спасенія души своихъ слушателей; въ этомъ заключается польза (а не только удовольствіе), приносимая слѣпцомъ слушателямъ въ ихъ глазахъ; слѣпецъ, какъ поющій божественное, душеполезное, приближается по своей роли къ церковному учителю; за это онъ получаетъ милостыню; это его законный заработокъ. Поэтому-то, по традиціи, мѣсто слѣпца у

¹⁾ (резнезскій, „Крута Каличъ“ (Сиб. 1862); Его же, Русскіе навики древняго времени (Зап. Аг. Н. I, 2, Сиб. 1862); Тихонравовъ, Собр. соч. I, 331 слѣд.; Пыпинъ, Исторія литературы, I, 366 слѣд.

²⁾ Тутъ повидимому у А. Θ. неточность: А. Н. Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ каликъ; какъ онъ отмѣчаетъ самъ (II, № 2, 3, 4), (всѣ отъ одного), 5, 6, 11 (отъ того же, что и № 2. 4), 13, 15, и т.д.), и пишетъ въ письмѣ въ Д. А. Хомякову (ibid, XIV).

церкви, поэтому-то появляется онъ большею частью тамъ, гдѣ собирается народъ по случаю церковнаго торжества. Поэтому-то, наконецъ, калика временъ кievскаго періода, по уставу, приписываемому (хотя и ошибочно) самому святому Владимиру, калика—человѣкъ церковный; отъ этого калики идетъ по традиціи и нашъ „калика“-слѣпецъ. Теперь „калика“-слѣпецъ все еще въ большинствѣ случаевъ не забавникъ, а носитель серьезнаго, религіознаго, божественнаго. Такъ и самъ онъ смотритъ на себя, внося въ свой репертуаръ рядомъ съ духовнымъ стихомъ и прямо одинъ изъ его источниковъ: церковное пѣснопѣніе; онъ и его исполняетъ на напѣвъ духовнаго стиха, сопровождаетъ пѣніе игрой на „лирѣ“, если таковыя въ ходу въ той мѣстности, гдѣ онъ поетъ или откуда онъ вышелъ (на сѣверѣ „лиры“ въ большинствѣ случаевъ уже нѣтъ). Таковъ типъ калики-слѣпца въ нашей средѣ. Эти историческія черты калики могъ я провѣрить отчасти, а отчасти и дополнить по живому экземпляру, Григорію Артамонову, съ которымъ я познакомился лѣтомъ прошлаго года въ іюлѣ въ с. Капустинѣ, Курской губ., Рыльского уѣзда. Этотъ слѣпецъ найденъ мною въ 7—8 верстахъ въ дер. Чупахиной (теперь сельцѣ, съ тѣхъ поръ какъ построена тамъ церковь, приписанная къ сосѣднему селу Киселевкѣ) на храмовомъ праздникѣ Одигитріи. Меня пѣсколько заинтриговала его молодость; затѣмъ я узналъ, что онъ не пришлый, а мѣстный уроженецъ, такъ сказать, произведеніе туземное, а это опять давало надежду почерпнуть больше фактовъ и для его языка и для характеристики здѣшней народной пѣсни, а его характеристику позволяло сдѣлать болѣе опредѣленной. И, дѣйствительно, не ошибся въ выборѣ: Григорій Артамоновъ, явившійся съ поводыремъ Степкой, мальчикомъ лѣтъ 10-ти, черезъ день (по окончаніи праздника), оказался интереснымъ, толковымъ, а затѣмъ очень простымъ человѣкомъ. Сначала онъ какъ будто опасливо относился къ разспросамъ, какъ онъ самъ признавался потомъ, боялся, не вышло-бы чего; да и чудно ему было, по его словамъ, что баринъ заинтересовался такъ; положимъ, его звали и раньше, по его рассказамъ, въ с. Ивановское къ управляющему кн. Барятинскаго ¹⁾, заставляли пѣть и сказывать стихи, что-то записывали, да

¹⁾ Курской же губ., Львовскаго уѣзда.

такъ не допрашивали, да и не долго слушали, видно баловались, даже портретъ сняли. Это сдѣлалъ и я, да неудачно. Держалъ себя Григорій просто, безъ всякой аффектаціи, рисовки, будто дѣлалъ, распѣвая стихи, дѣло самое обычное, удивить не стремился; уставши, самъ останавливался, закуривалъ махорочную цыгарку, затѣмъ самъ заявлялъ: дальше; видимо, по времени самъ входилъ во вкусъ пѣнія и, несмотря на мои предложенія передохнуть, не хотѣлъ останавливаться; „постой, постой я еще“. Запись же я производилъ такъ: сперва подъ пѣніе старался записать, что возможно (а это, первое время особенно, не легко удавалось), затѣмъ просилъ его сказывать по стихамъ, записывая и отмѣчая разныя мелкія особенности, напр. запинки, перестановки, сохраненіе или нарушеніе стиха; наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка, просилъ опять пѣть и по пѣнію провѣрялъ запись, отмѣчая уже новыя особенности. Такимъ образомъ дѣло подвигалось медленно, и не мудрено, что за два дня я записалъ только тысячу съ небольшимъ строкъ—весь духовный репертуаръ Григорія; но за то получилъ я полную довольно картину исполненія записи; одно, что не удалось мнѣ вополнѣ—это языкъ; всѣ особенности говора порознь я могъ себѣ отмѣтить, но въ каждомъ данномъ словѣ, вслѣдствіе привычки къ грамматическому письму, оттѣнки соблюсти не удалось. Григорій текстъ знаетъ твердо, повторяетъ безъ большихъ измѣненій, поэтому варіантъ, поправокъ сравнительно мало въ его пѣсняхъ; при повтореніи о своей судьбѣ и о своемъ положеніи онъ разсказалъ просто, какъ будто дѣло это самое обычное, сохраняя при этомъ какое-то эпическое, такъ сказать, спокойствіе: будто онъ разсказывалъ не про себя, а про кого-то другого, либо пѣлъ свой стихъ. Вотъ, что разсказалъ онъ про себя: теперь ему 23 года, родомъ онъ изъ села Гломаздина (это сосѣдняго съ Рыльскимъ, Дмитріевскаго уѣзда; Капустино и его волость Петровская пограничныя съ этимъ уѣздомъ; до Гломаздина всего 10—12 верстъ), живетъ по большей части въ дер. Малышовкѣ, недалеко отъ того же Гламаздина, гдѣ у него и надѣлъ. Ослѣпъ онъ 18 лѣтъ отъ оспы; женился онъ уже слѣпымъ, чтобы „жена мыла его, въ чистотѣ содержала, кормила“, но жена-такая-сякая—черезъ годъ его бросила. Онъ было поселился у матери, но и та его прогнала, такъ какъ сама вторично замужъ вышла. Такъ и осталось одно: идти въ слѣпцы-нишіе.

Началъ онъ каличить; стихи училъ онъ по книжкамъ отчасти, главнымъ же образомъ со словъ старшихъ. Съ тѣхъ поръ онъ и ходитъ со Степкой-поводыремъ, которому платитъ 8 рублей въ годъ, надѣлъ же свой отдалъ въ аренду сосѣду, чтобы онъ за него платилъ поземельныя. Въ этомъ разказѣ обратило мое вниманіе то, что онъ разучилъ стихи не только со словъ старшихъ слѣпцовъ, что въ его положеніи вполне понятно, да и естественно, но также по книжкамъ; онъ мнѣ это и объяснилъ, присоединяя просьбу, чтобы и я, какъ знающій стихи (я иногда его спрашивалъ, когда онъ путалъ: не такъ-ли, молъ; разспрашивалъ, знаетъ ли онъ такой или другой стихъ), написалъ ему книжку, а онъ бы разучилъ „хорошій“ стихъ, напр. о Голубиной книгѣ, про который онъ слыхалъ, но не знаетъ. Дѣло то оказалось вотъ въ чемъ: онъ проситъ написать ему стихъ—это и есть книжка—и, ходя по деревнямъ изъ избы въ избу, гдѣ найдетъ грамотнаго, проситъ ему читать, пока не заучитъ на память (а это происходитъ быстро: память у него, какъ можно было замѣтить, отличная, какъ и у большинства народныхъ пѣвцовъ и сказателей—условіе-необходимое при такомъ способѣ передачи, каковъ для устной словесности вообще). Музыку же, которая разнообразіемъ мотивовъ, сколько я могъ уловить, самъ не зная музыки, не отличается, подбираетъ онъ самъ ¹⁾. Судя по тону, въ которомъ передана была Артамоновымъ просьба и дано объясненіе, надо полагать, что онъ, дѣйствительно, „книжечкой“ пользовался. Изъ частныхъ разказа слѣпца Артамонова стоитъ отмѣтить его заявленіе, что, помимо духовныхъ стиховъ, онъ знаетъ и пѣсни (дѣйствительно, по требованію капустинской дворни, онъ пропѣлъ и сыгралъ, „Камаринскую“, „Бычка“ и „Оому съ Еремой“, я ихъ не записывалъ); но веселыхъ пѣсенъ онъ пѣть не любитъ, считая это дѣломъ негожимъ, но поетъ по необходимости, потому что не пѣть этихъ пѣсенъ, по его словамъ, убыточно; когда зовутъ въ деревнѣ пѣть пѣсни, то требуютъ веселыхъ и, если не пѣть, выругаютъ и изъ избы выгонять: „на то ты и слѣпецъ-нищій, долженъ народъ уважать“. Замѣтка-характерная не только для

¹⁾ Аналогичное же наблюденіе о способѣ заучиванія пѣсенъ, сперна словъ, параллельно съ которыми воспринимается и мотивъ, сообщаетъ Н. М. Лопатинъ. Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсенъ, (М. 1889), ч. I, стр. 3.

пѣвца, но еще больше для его слушателей. Затѣмъ, по его словамъ, слѣпцовъ-пѣвцовъ еще много въ ихъ мѣстахъ, даже есть свое домашнее производство „ляръ“, которыя изготовляются сапожникомъ той же Малышевки, правда, за довольно значительную сумму—пять рублей, но слѣпцы должны прятаться, потому что мѣстный становой ихъ гоняетъ и преслѣдуетъ: „все то вы глупости поете, только, молъ, народъ смущаете“. Часть слѣпцовъ якобы уже ушла въ Сибирь: тамъ, сказываютъ, вольнѣе. Последнее обстоятельство объясняется повидимому не только стараніями не по разуму усердной деревенской полиціи, но и тѣмъ, что въ репертуарѣ слѣпцовъ есть пѣсни, дѣйствительно „сомнительныя“, разумеется, въ глазахъ тѣхъ же охранителей общества отъ соблазновъ. Одну такую пѣсню, съ замѣчаніемъ, что ее пѣть не позволяютъ, пропѣлъ мнѣ, увѣрившись сперва, что за это ничего ему не будетъ, и Григорій Артамоновъ; это стихъ на смерть Александра II; этого стиха я еще коснусь; наконецъ, для характеристики личности моего слѣпца, до извѣстной степени, можетъ быть не лишена интереса и его просьба, нельзя ли написать прошенія самому императору, чтобы становые ихъ не обижали, и вопросъ: какъ я думаю, исполнить ли царь ихъ просьбу? они да, слѣпцы, давно уже объ этомъ промежъ себя толкуютъ.

Что касается другихъ наблюденій, между прочимъ пришлось замѣтить слѣдующее: больше ошибокъ, запинокъ—въ большихъ стихахъ; пѣвецъ неожиданно дѣлаетъ паузу, затѣмъ вспоминаетъ стихъ, хотя и не всегда складно; но, повторяю, такихъ запинокъ сравнительно немного; и когда, ошибившись, пѣвецъ восстанавливаетъ стихъ варіируя, прибавивъ: „коли хочешь, можно и такъ“, чувство ритма и стиха у него несомнѣнно есть: ошибочный по построению, но не по содержанію, стихъ выправляется со стороны построения, хотя и не всегда ¹⁾. Эти всѣ случаи мною тщательно отмѣчались.

Что касается говора пѣвца, то онъ мѣстный: сознанія формъ грамматическихъ въ сочетаніяхъ не всегда хватаетъ; отсюда путаница надежей; въ фонетикѣ обычныя особенности южно-великорусскаго говора: о - а внѣ ударенія довольно часто; въ томъ же положеніи е - и, е - я; а, я - е; но ни одна особенность послѣдовательно не проходитъ; то же надо сказать о смѣшеніи у и ѿ. II. — славян-

¹⁾ Ср. вторую категорію пѣвцовъ у А. Θ. Гильердинга 12, 4 1.

скій элементъ, присущій стиху, дающій ему окраску „божественнаго“, присутствуетъ и у нашего пѣвца, но мало и, кромѣ того, имъ уже не сознается: отсюда путаница и коверканье славянизмовъ. Книжный синтаксисъ стиховъ также не сознательный, а потому путанный. Что касается только что отмѣченныхъ недостатковъ по части грамматическихъ формъ, путаницы падежей въ рѣчи, то она оказывается сильнѣе, когда стихъ поется, и вообще въ стихѣ нежели въ разговорной рѣчи: ясно, что процессъ пѣнія, стремленіе сохранить ритмическую форму стиха отчасти отвлекаетъ вниманіе отъ соблюденія грамматической правильности. Это особенно часто совпадаетъ съ тѣми окончаніями, которыя въ музыкѣ протягиваются. Въ разговорѣ же рѣзкаго смѣшенія падежей, которое отмѣчаетъ въ обоянскомъ говорѣ В. И. Рѣзавовъ (Р. Ф. В. 1897, стр. 36, отд. отт.), не замѣчается. Что на смѣшеніе формъ оказываютъ вліяніе именно указанные причины, видно изъ того, что и въ былинахъ съвѣра наблюдается подобное же явленіе (напр. по текстамъ Гильфердинга), хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, причина чего, повидимому, въ томъ, что былина поется речитативомъ и что языкъ былинны болѣе народный, близкій къ живому, нежели языкъ духовнаго стиха, окрашеннаго колоритомъ стараго литературнаго, славяно-русскаго языка, источника самого стиха, а потому и болѣе чуждый живой рѣчи. Эту разницу въ фонетикѣ въ пѣніи и рѣчи отмѣчали и другіе собиратели ¹⁾. Остальныя подробности говора отмѣчены мною въ самыхъ стихахъ.

Если добавить еще одну мелочь, именно участіе поводыря при пѣніи, то, кажется, я сообщилъ всѣ вышнія условія, какія могъ замѣтить: мальчикъ, конечно, разучившій невольнo вслѣдствіе своей роли поводыря, отчасти стихи своего слѣпца, при запискѣ послѣдняго или подталкиваетъ его со словами: „ну, пой же, чего сталъ?“, или самъ ему подсказываетъ.—Еще наглядный образчикъ традиціонной передачи стиха.

Не рѣшалась обобщать пѣликомъ частный случай, каковъ несомнѣнно наблюденный мною, я бы хотѣлъ отмѣтить, подчеркнуть нѣкоторыя частности, имѣя въ виду другіе случаи и общія наблюденія надъ жизнью народной пѣсни со стороны ея *modus'a vivendi*. Эти общія наблюденія отчасти подтверждаются и нашимъ слу-

1) См. „Живая Старина“, 1900, III, 435.

чаемъ. Другой рядъ наблюденій даетъ непосредственное изученіе текстовъ, записанныхъ мною. Сначала о репертуарѣ слѣнца: въ отличіе отъ специалистовъ по духовнымъ стихамъ старшихъ слѣпцовъ, нашъ уже расширилъ его, принявъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ и свѣтскія пѣсни. Это расширеніе репертуара и именно въ эту сторону, показывая съ одной стороны уже ослабленіе прежняго серьезнаго воззрѣнія на духовный стихъ и въ частности на его исполнители: у слушателей, характеризуетъ ослабленіе традиціи ея у самого пѣвца во взглядѣ на самого себя: если нашъ Григорій Артамоновъ и не любитъ свѣтскихъ пѣсень, онъ всетаки ихъ поетъ, потому что это выгодно для него, его ремесло даетъ ему при этомъ условіи больше заработка. Старый калыка высоко цѣнилъ свое занятіе, м. б. видѣлъ въ немъ общественную заслугу свою, смотрѣлъ на себя съ уваженіемъ. Припомнимъ, напр., приведенное мною раньше наблюденіе Гильфердинга на счетъ профессиональнаго пѣвца духовныхъ стиховъ Ивана Фепопова. Пѣніе духовныхъ стиховъ у нашего пѣвца приблизилось уже болѣе къ представленію о ремеслѣ, дающемъ кусокъ хлѣба, и идеальная сторона пѣнія отступаетъ на второй планъ. Что это явленіе общее, подтверждаютъ и другія наблюденія: слышанные мною слѣпцы-пѣсенники по ту сторону Днѣпра за Кіевомъ прямо смотрѣли на себя, какъ на людей, на обязанности которыхъ потѣшать публику: они и начинали свое пѣніе, безъ приглашенія и заказа, прямо съ веселыхъ пѣсень, въ родѣ вновь сложеной пѣсни о земскихъ начальникахъ и о земскихъ низшихъ чинахъ (писарь, староста), пѣсни, записанной мною позапрошломъ лѣтѣ, при томъ довольно уже сатирическаго характера. Пѣвецъ, пѣвшій эту пѣсню, неохотно пѣлъ духовныя, да изъ нихъ онъ зналъ только общеизвѣстный стихъ о рождествѣ, а больше ему знакомы были церковныя пѣснопѣнія съ путаницей словъ и мотивовъ. Такой же, уже расширенный репертуаръ находимъ уже и въ Бѣлоруссіи, по словамъ А. Е. Грузинскаго. (Десять чтеній, 19). Подобно нашему слѣпцу и Бѣлорусскій знаетъ Фому и Ерему и рекрутскую пѣсню. Наблюденія надъ пѣсней на сѣверѣ констатируютъ тоже расширеніе специализаціи: пѣвцы духовныхъ стиховъ все чаще и чаще вводятъ въ свой репертуаръ былину, пѣсню ¹⁾. Выводъ изъ ска-

1) Такъ Рыбниковъ записалъ рядъ былинь отъ калыкъ (см. выше, прим.).

заннаго ясеня: паденіе интереса къ духовному стиху, какъ такому, замѣчается въ слушателяхъ, ихъ вкусъ требуетъ интереснаго веселаго даже отъ убогаго калики, и калика въ интересахъ заработка идетъ навстрѣчу этому желанію, становясь изъ лица полу-духовнаго въ рядъ простыхъ пѣсенниковъ увеселителей: старый калика и старый скоморохъ забавникъ, пѣвшій былины, старины, сближаются въ современномъ пѣвцѣ духовнаго стиха, слѣпецъ, подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ или, лучше сказать, подъ давленіемъ утраты прожняго чутья къ поэзіи у слушателей.

Затѣмъ, мнѣ кажется, не лишнее будетъ обратить вниманіе на способъ усвоенія новыхъ стиховъ каликой. Традиціонный способъ устной передачи нѣсколько расширяется путемъ письменной „книжки“ нашего Артамонова. Изъ древняго времени и даже изъ болѣе къ намъ близкаго, у собирателей стиховъ, мнѣ не приходило въ вѣстрѣчаться съ подобнымъ яснымъ указаніемъ на процессъ усвоенія стиховъ при помощи книжки ¹⁾. Какъ извѣстно, собранія духовныхъ стиховъ, попадавшихъ въ наши научные сборники, составлялись до сихъ поръ изъ двухъ источниковъ: изъ записей, сдѣланныхъ собирателями съ голоса, какъ это сдѣлалъ и я, и изъ старинныхъ (рѣдко, впрочемъ, XVII, чаще же XVIII-го вѣка) сборничковъ рукописныхъ, большею частью содержащихъ такъ называемые „псалмы“, т. е. стихи, заѣдомо книжнаго, большею частью учениковъ духовныхъ школъ производства ²⁾. Таковъ типичный составъ огромнаго собранія духовныхъ стиховъ, редактированныхъ Безсоновымъ, „Калѣки переходіе“. Между этими стихами въ рукописныхъ тетрадкахъ (ихъ не мало, напр., въ числѣ рукописей Тверскаго музея, въ собраніи Н. С. Тихонравова) попадаются и народныя, попадаютъ и намъ извѣстны сборники и другихъ произведеній народной словесности, каковы былины,

¹⁾ Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ исключительнымъ явленіемъ, видно изъ замѣтки Н. Кашина, сообщившаго въ недавно вышедшей книжкѣ Э. О. XII, стр. 139, любопытный, аналогичный до нѣкоторой степени фактъ: Петровъ, пѣвшій пѣсню объ Александрѣ II (я си коснусь ниже) поясняетъ между прочимъ, что есть книжки, въ которыхъ все содержаніе пѣсни подробно и хорошо рассказано. Или же это извѣстіе г. Кашина должно быть понимаемо въ смыслѣ указанія на книжный источникъ данной пѣсни, какъ полагаетъ г. Кашинъ.

²⁾ Ср. Житцкій, Мысли о малорусскихъ думахъ. (Кіевъ, 1893), стр. 57—58.

напр. знаменитый сборникъ Кирши Данилова, гдѣ есть въ рукописи (но не въ печатномъ изданіи Калайдовича) даже старый стихъ о Голубиной книгѣ и другіе ¹⁾, таковы же тетрадки конца XVII и XVIII в., по которымъ были изданы былины „старой записи“ Миллеромъ и Тихонравовымъ ²⁾. Въ этихъ случаяхъ всегда предполагается „запись“, т. е. стихъ, былина изъ устнаго обихода переходять въ книжку, нигдѣ же мы не находимъ яснаго, даже неяснаго указанія, чтобы стихъ переходилъ изъ книжки въ устное преданіе, если не считать намековъ извѣстнаго эпизода изъ Голубиной книги, изъ которой, и то по памяти, передаетъ царь Давидъ Іессеевичъ о тайнахъ мірозданія ³⁾, да и этотъ эпизодъ идетъ чуть ли не изъ книжнаго источника стиха—изъ Епистоли о недѣлѣ или Іерусалимской бесѣды стараго времени. Подобный же намекъ, пожалуй, можно видѣть и въ пѣсняхъ людей Божіихъ.

Дайте книгу Родословъ,
Прочитаешь Богословъ.

Но, кажется, правильнѣе будетъ видѣть здѣсь съ Тихонравовымъ ⁴⁾ намекъ не на книжное происхожденіе самаго стиха, а на книжную его перелачу въ репертуаръ устнаго сказателя. Въ рассказѣ Артамонова мы узнаемъ впервые объ обратномъ переходѣ, изъ книжки, въ оскудѣвающій репертуаръ слѣпца стиховъ новыхъ. Это, однако, случай не исключительный: съ подобной же просьбой—написать стишокъ хорошій для разучиванья—предложенной мнѣ Артамоновымъ, обращался въ Бѣлоруссіи одинъ изъ слѣпцовъ, по-бѣлорусски „старцовъ“, къ моему товарищу А. Е. Грузинскому, также записавшему стихи въ Лоевѣ Минской

¹⁾ Древнія русскія стихотворенія, изд. 3-е (М. 1878), стр. XVI, прим.

²⁾ Былины старой и новой записи (М. 1894) стр., 71 и слѣд.

³⁾ А ты гой еси, сударь, премудрый Ты прочти книгу Голубиную,
царь, Расскажи, сударь, намъ про бѣлый
Премудрый царь, Давидъ Евсеевичъ! свѣтъ...

Давидъ отвѣчаетъ:

А читать книгу—её нѣкому. Я скажу, братцы, да по памяти,
А сама книга и распечаталась, Я по памяти, якъ по грамоти.
Слова Божіи прочитались. (Безсоновъ, „Калѣки“, № 78).

⁴⁾ Н. С. Тихонравовъ, Собр. соч. I, 337 слѣд.

губерніи ¹⁾). Ясное дѣло, что въ такого рода просьбѣ мы въ правѣ предполагать уже прогрессъ въ методѣ передачи стиховъ: на помощь оскудѣвающей традиціи устной передачи является книжка хотя бы и старая, рукописная, которая все болѣе и болѣе съ развитіемъ грамотности пріобрѣтаетъ довѣріе, становится все необходимѣе и необходимѣе въ быту: слѣпой калика уже оцѣнвлъ ее въ примѣненіи даже къ своему традиціонному мастерству. Разъ дѣло обстоитъ такъ, полагаю, не будетъ большой смѣлостью зачислить и слѣпца, существующаго для удовлетворенія духовныхъ потребностей массы, зачислить въ число полезныхъ дѣятелей въ просвѣщеніи народа: направленный умѣло популярный слѣпецъ можетъ явиться хорошимъ проводникомъ полезныхъ и здоровыхъ идей въ массу въ родѣ странствующаго учителя. Поэтому гнать, отталкивать слѣпца не слѣдовало бы, а наоборотъ слѣдуетъ его поддерживать, направляя въ желанную сторону постепенно его дѣятельность. Какъ видно изъ репертуара слѣпцовъ, они не чужды современности, вопросовъ настоящаго времени и легко могутъ быть проводниками разумнаго и эстетичнаго развитія массы, какъ люди близко стоящіе къ этой массѣ, часто даже ближе, нежели наши учителя народныхъ школъ, при томъ, какъ люди, пользующіеся, несомнѣнно, довѣріемъ этого народа.

Перехожу непосредственно къ собраннымъ мною пѣснямъ. Всего, какъ я сказалъ, сообщилъ мнѣ Артамоновъ болѣе тысячи стиховъ. Къ этой тысячѣ строкъ не относится сказаніе о 12 пятницахъ, которое онъ мнѣ разсказалъ. Стихи же эти слѣдующіе.

- 1) Христе Царю (о страстяхъ Христовыхъ)—31 ст.
- 2) Родъ Еврейскій (распятіе и плачъ Богородицы)—20 ст.
- 3) Егорій Храбрый—187 ст.
- 4) Александръ II—77 ст.
- 5) Алексѣй, Божій человекъ—380 ст.
- 6) Два Лазаря—160 ст.

---

¹⁾ Кстати будетъ вспомнить, что нѣсколько аналогичный, но всякомъ случаѣ замѣчательный, фактъ перехода пѣсни изъ книги въ устную передачу, отмѣченъ былъ и по отношенію къ былинѣ А. О. Гильфердинговъ: я имѣю въ виду сербскую пѣсню про Іово и Мару въ переводѣ Н. Щербины, попавшую изъ его „Пчелы“ въ репертуаръ былинъ Матрены Меньшиковой (12, 20). Но это пона случай исключительный и имѣетъ въ силу положенія былинны пона иной смыслъ.

- 7) Михаилъ Архангелъ (страшный судъ)—61 ст.
- 8) Иной стихъ о томъ же.—52 ст.
- 9) Плачъ Іосифа Прекраснаго.—26 ст.
- 10) Рождество Христово.—16 ст.
- 11) Совѣ Богородицы.—78 ст.
- 12) Иже Христосъ Богъ нашъ (распятіе).—14 ст.

Всего стало-быть двѣнадцать номеровъ, съ „двѣнадцатью пятницами“—тринадцать. Изъ этихъ стиховъ одинъ весьма почтеннаго размѣра—объ Алексѣѣ—380 строкъ, два—Егорій и два Лазаря—средняго, одинъ 160, другой 187 стиховъ, остальные мелкіе отъ 76 до 14 стиховъ. Считать ли репертуаръ Григорія Артамонова выдающимся по объему или нѣтъ, сказать трудно, потому что, въ противоположность собирателямъ былинъ, послѣ А. Θ. Гальфердинга, ставшаго удѣлять не мало вниманія личности пѣвца и его репертуару, собиратели духовныхъ стиховъ обращали главное вниманіе на самый стихъ, удѣляя слишкомъ мало его самому слѣдцу. Поэтому даже въ лучшихъ по текстамъ и наиболѣе полныхъ сборникахъ, каковы Варенцова, Безсонова, отмѣчается далеко даже не всегда, отъ кого записанъ стихъ, стихи располагаются по содержанію, а не по пѣвцамъ¹⁾, а замѣтки о самихъ пѣвцахъ отсутствуютъ. Эта небрежность, скорѣе всего, находитъ объясненіе въ томъ, что до сихъ поръ духовный стихъ, какъ попадающійся часто сравнительно съ былинной, не былъ предметомъ такой заботливости, какъ она: исчезающая былина цѣнится и на ученомъ рынкѣ выше довольно обыкновеннаго духовнаго стиха²⁾. Насколько это справедливо, ясно изъ сказаннаго мною раньше: если былина, дѣйствительно, цѣнна, какъ выраженіе поэтическаго настроенія массы, то отсюда не будетъ вытекать сравнительная безцѣнность стиха, такого же выраженія поэтическаго же настроенія, но въ иной области мысли и чувства: *sunt cuique*. И къ духовному стиху, при теперешнихъ требованіяхъ науки, долженъ быть примѣненъ тотъ же методъ, что къ собиранію памятниковъ устной словесности вообще, разъ мы поставимъ культурно-психо-

¹⁾ Ср. А. Θ. Гальфердинга, и. с. I, 233.

²⁾ Ср. Крашенинникова-Самарина. О былинахъ въ сборникѣ П. С. Есенинъ (Труды Этногр. Отд. Люб. Естеств. Актрон. и Этногр., кн. V, вып. 2 (1878), стр. 1).

логическую цѣль нашему изученію. А съ этой точки зрѣнія важно не только содержаніе произведенія, но и личность поэта, въ частности его репертуаръ, какъ выраженіе его таланта, интересовъ, т. е. „полное собраніе сочиненій“, если такъ можно условно выразиться. Нѣкоторый матеріалъ, довольно, впрочемъ, ограниченный и не особенно точный, даютъ существующія собранія духовныхъ стиховъ для приложенія и къ нимъ того же метода, что и къ былинѣ: огромный сборникъ Безсонова „Калѣки переходящія“ даетъ возможность *до нѣкоторой степени* представить себѣ репертуаръ отдѣльных пѣвцовъ духовнаго стиха, говорю: „*до нѣкоторой степени*“, потому что, если редакторъ въ стихахъ, имъ записанныхъ (большая часть идетъ отъ Кирѣвскаго, Якушкина и другихъ собирателей, частью же изъ записей старшаго времени, собраній рукописныхъ кантъ), если онъ въ этихъ стихахъ обозначилъ имя пѣвца и мѣстность, гдѣ записанъ стихъ, то въ своихъ широко-вѣщательныхъ некрятичныхъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ онъ нигдѣ не сообщаетъ (не говоря уже о подробностяхъ касательно личности пѣвца, хотя это и общаетъ въ предисловіи къ I-му выпуску) о томъ, въ какой степени онъ исчерпалъ репертуаръ своихъ пѣвцовъ, какъ это сообщали Гильфердингъ и Рыбниковъ: у перваго размѣщеніе по пѣвцамъ дѣлаетъ необходимымъ и яснымъ это требованіе, второй (II, стр. XII) прямо заявлялъ, что у такихъ-то пѣвцовъ онъ записалъ „рѣшительно все“, а у Бутылки (фамилія пѣвца) многого записать не успѣлъ. Но относительно П. А. Безсонова скорѣе можно полагать, что вопросомъ о репертуарѣ онъ не интересовался: по плану его изданія, по присутствію „сводныхъ“ стиховъ видно, что онъ стремился къ полнотѣ содержанія, и стихъ, не дававшій ему новыхъ подробностей сравнительно съ положеннымъ въ основу (онъ его и печатаетъ первымъ въ группѣ однородныхъ, считая его „лучшимъ“ по сохранности), въ изданіе не включался. Все-таки, не смотря на это, я бы ослабилъ нѣсколько категорическій упрекъ Н. С. Тихонравова Безсонову, что послѣдній не различаетъ даже кантъ отъ стиховъ ¹⁾. Вниманіе Безсонова къ происхожденію стиха въ его собраніи (изъ чужой записи съ голоса, или изъ книжки или рукописи) сказалось въ обозначеніи всякій разъ, откуда взять этотъ или другой стихъ,

¹⁾ Рецензія въ Отчетѣ о 33 присужденіи Демидовскихъ премій, стр. 203, 223.

показываетъ, что Безсоновъ все-таки различалъ стихъ книжный и устный. Въ послѣдней категоріи онъ отмѣчалъ и пѣвца, котораго онъ самъ слышалъ или имя котораго нашелъ въ своемъ матеріалѣ (таковы были, повидимому, аккуратныя записи Отто изъ Валдайскаго уѣзда, перешедшія къ Безсонову)¹⁾. Выбравши на основаніи этихъ помѣтъ стихи, записанные отъ извѣстнаго пѣвца, мы получимъ *нѣкоторое* понятіе о репертуарѣ каждаго изъ нихъ; конечно, мы этотъ репертуаръ не будемъ, въ силу сказаннаго, считать безусловно полнымъ; но и въ этомъ видѣ репертуаръ пѣвцовъ, вошедшихъ въ „Калѣки переходжіе“, дастъ кое-какія любопытныя, хотя и приблизительно только опредѣленные наблюденія, особенно если мы сопоставимъ репертуаръ слѣпца съ репертуаромъ былиннаго пѣвца, извѣстнымъ намъ, благодаря методу Гильфердинга, вполне точно. Я такъ и сдѣлалъ: выбралъ репертуаръ отдѣльныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ „Калѣки переходжіе“; результаты этой работы убѣдили меня въ томъ, что Безсоновъ въ этомъ отношеніи былъ, повидимому, исправнѣе, чѣмъ въ другихъ: онъ, повидимому, дорожилъ устнымъ стихомъ и старался напечатать такой стихъ, а не выкидывать, разъ была хоть какая-нибудь для этого возможность; въ этомъ убѣждаетъ меня то обстоятельство, что, не имѣя въ мысляхъ представить репертуаръ того или иного пѣвца, Безсоновъ тѣмъ не менѣе напечаталъ приблизительно одинаковое число стиховъ каждаго изъ своихъ живыхъ источниковъ; едва-ли это случайность: число стиховъ отъ каждаго колеблется между 9 и 12, одинъ далъ 6, двое 3—4. Приблизительно тѣже цифры и тѣже колебанія дали Гильфердингу его былинныя пѣвцы и пѣвицы (если не считать, разумѣется, такихъ выходящихъ изъ ряда дарованій, какъ Калининъ, Прохоровъ, Рябининъ, Щеголенокъ). Это убѣждаетъ меня въ томъ, что, считая изданный Безсоновымъ записи отъ пѣвцовъ довольно близко выражающими ихъ репертуаръ, я не сдѣлаю большой ошибки. А составъ этого репертуара по содержанію, какъ мы увидимъ, не противорѣчитъ наблюденіямъ надъ репертуаромъ „каликъ“ вообще, сдѣланнымъ тѣмъ же Гильфердингомъ и Варенцовымъ. Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, по моему необходимымъ, мы можемъ сдѣлать сопоставленіе нашего пѣвца съ его старшими товарищами въ

¹⁾ Предисловіе къ первому выпуску.

безсоновскомъ сборникѣ. Изъ 10 пѣвцовъ и пѣвицъ у Безсонова пятеро оказались знающими 9—12 стиховъ, одна 6, одинъ 4, одинъ 3, двое по два стиха¹⁾; судя такимъ образомъ, по числу сюжетовъ—стиховъ, нашъ Артамоновъ будетъ принадлежать къ числу довольно богатыхъ по репертуару пѣвцовъ: у него 12 стиховъ, тринадцатое—апокрифическое сказаніе о пятицахъ. Такое же количество, конечно, приблизительно дають и пѣвцы былинъ: ясно, что такое количество сюжетовъ вмѣстѣ съ ихъ стихотворной формой подъ силу среднему пѣвцу, устно передающему свои произведенія: большее же количество указываетъ не только на дарованіе и способность пѣвца, но на дарованіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ въ средѣ носителей устной литературы²⁾. Но если обратимся къ объему былинъ и духовныхъ стиховъ, то увидимъ сейчасъ же, что дѣло былиннаго сказателя требуетъ гораздо большей и лучшей памяти, нежели дѣло слѣпца калики: при одинаковомъ почти количествѣ сюжетовъ мы сразу замѣтимъ, что былина въ общемъ гораздо больше по объему, нежели духовной стихъ: между послѣдними наиболѣе обширными приходится считать стихи: о Голубиной книгѣ, число стиховъ въ которой колеблется между 150 и 250 въ наиболѣе полныхъ ея спискахъ, стихъ о Егоріи Храбромъ (150—180 и 290), Феодорѣ Тиронѣ (120—220 ст.), Дмитріи Солунскомъ (230 ст.), Алексѣѣ—Божьемъ человѣкѣ (280—380), о Страшномъ судѣ (150—270 ст.)³⁾, т. е.

¹⁾ Именно 1) *Дюдюкинъ* (Сакарево, Моск. губ.) 12. 2) *Лукерія* (Кислое, Смол. губ.) 12 (прочемъ, при четырехъ стихахъ у Безсонова помѣта „рукоп. Лукер.“ стихи, записанные Лукеріей, но не сказано, чужіе ли ова записала, или свои). 3) *Теленковъ* (Кудяево, Орлов. губ.) 11. 4) *Бороздинъ* (Ицевскъ) 10. 5) *Ларіонъ* (Боръ, Валдайск. у.) 8. 6) *Прасковья* (Можайск. у.) 6. 7) *Дорженковъ* (Каменка, Тульск. г.) 4. 8) *Рыбинскій* (Орлов. губ. Болх. у.) 3. 9) *Антонъ* (Боръ, Валд. у.) 2. 10) *Онысѣй* (Осташковъ) 2. 11) *Антимъ* (Вокшино, Серп. у.) 2.

²⁾ По отношенію къ былинамъ я по Гильфердингу произвелъ такого рода подсчетъ: изъ числа 35 пѣвцовъ и пѣвицъ болѣе 10 былинъ знаютъ четверо; 7—8 былинъ шестеро; 6 былинъ шестеро; 5 былинъ трое; 4—3 былинъ восьмеро, двѣ—четверо, наконецъ по одной также четверо.

³⁾ По Безсонову: Голубиная кн. № 76—88, Егорій №№ 98—108, Феодоръ №№ 122—125, Дмитрій № 133, Страшный Судъ №№ 503—506; Алексѣй, стр. 218—238 по Варенцову или нашъ у Артамонова (см. выше). Разумѣется, „сводные“ стихи, какъ не существующіе на дѣлѣ, мною въ расчетъ не принимаются.

на кругъ самые обширные духовные стихи надо считать 200—300 строкъ; большинство же стиховъ гораздо меньше, отъ 10 до 50, 60. Между былинами же, по подобному разсчету, мы должны счесть самую короткую строкъ отъ 100 до 120, среднюю 200—400, большую 800—1000 строкъ; былины же меньше 100 строкъ рѣдки, а если есть, то отрывочны; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что трудность запоминанія былины увеличивается сводными былинами, т. е. такими, которыя соединяють въ одно нѣсколько сюжетовъ (напр. былины объ Ильѣ, Потокѣ, Добрынѣ, Вольгѣ и Микулѣ) ¹⁾. Если же мы присмотримся повнимательнѣе къ „старинамъ“ со стороны ихъ содержанія, то и въ этомъ отношеніи замѣтимъ нѣкоторое соотношеніе между сюжетомъ и объемомъ былины; если мы обратимъ вниманіе съ одной стороны на старую былинку, т. е. былинку кievскую и вообще южную по происхожденію, каковы былины объ Ильѣ, Добрынѣ, Потокѣ, Дунаѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, и старую новгородскую (Садко, Буслаевъ) и на позднюю суздальско-московскую, каковы такъ называемыя „историческія“ пѣсни о Татарщинѣ, Грозномѣ, Ермакѣ, взятіи Казани и т. д., то замѣтимъ, что старшая былина по объему будетъ обширнѣе, даже если она не циклическая, сводная у пѣвца, нежели поздняя, если даже удалимъ изъ нея такъ называемыя „повторенія общихъ мѣстъ“. Конечно, это наблюденіе безусловно точнымъ считать нельзя, имѣя въ виду, что много былинь передается въ силу индивидуальныхъ свойствъ пѣвца или сокращенно, или отрывочно, потому что сказатель уже забылъ часть своей былины или не мастеръ въ композиціи. Это наблюденіе, конечно, будетъ правильно главнымъ образомъ для лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ, а потому болѣе памятныхъ пѣвцовъ и лучше сохраняющихъ старую традицію; оно точнѣе всего формулируется такъ: въ общемъ въ числѣ былинь старшаго времени по происхожденію чаще будутъ встрѣчаться былины обширныя, нежели короткія, а въ средѣ былинь младшаго времени, наоборотъ, преобладать будутъ старины короткія надъ обширными. Или же такъ: большія и среднія по объему былины будутъ приходиться чаще на старыя „старины“, меньшія на младшія „старины“.

¹⁾ Если разложить сводную былинку, то придется ея части вачислить въ число среднихъ или малыхъ былинь, но тогда число былинь у каждаго пѣвца значительно увеличится. Соотношеніе къ духовному стиху останется въ силѣ.

Въ этомъ мы убѣдимся путемъ наблюденія надъ объемомъ „старинъ“ старшаго времени сравнительно съ былинами младшаго, если возьмемъ среднюю величину каждой отдѣльной былинны на отдѣльный сюжетъ. Не говоря уже о томъ, что въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ мы не встрѣтимъ по объему равныхъ былинамъ о Добрынѣ и Алешѣ или Добрынѣ и Казимирѣ, обвиняющимъ первая 1090 стиховъ, вторая 1020, мы не найдемъ среди нихъ и близко подходящихъ по объему къ былинамъ средней величины: самая крупная „старинка“ о Грозномъ въ среднемъ занимаетъ только стиховъ 170—180 въ общемъ, тогда какъ средняя цифра для былинъ о Потокѣ Михайловичѣ выразится цифрой 480—500; самая малая былина—о Вольгѣ и Микулѣ—обнимаетъ 100—110 стиховъ въ среднемъ, а пѣсни о Григоріи Отрепьевѣ только 40—45, при чемъ мы встрѣчаемъ между поздними пѣснями (Король Прусскій) даже пѣсни въ 20 строкахъ ¹⁾. Въ средѣ же историческихъ пѣсней не лишено интереса отмѣтить преобладаніе сравнительно краткихъ и даже весьма краткихъ стихотвореній и сравнительно небольшое ихъ численное количество: если былины о Грозномъ еще приближаются къ средней и малой старой былинѣ, то пѣсни

---

¹⁾ Для наглядности присоединяю табличку съ указаніемъ среднего числа стиховъ, полученнаго мною по былинамъ Гильфердинга, при чемъ указываю также самую краткую и самую полную былинну (не считая скопированнаго или безъ конца, который забылъ сканталь): Потыхъ 480—500 (284—1129), Дюжъ 430—450 (111—642), Садко 400—390 (115—601), Добрыня и змѣй 350—400 (336—589), Илья и Калинъ 330—340 (160—615), Дунайъ 290—300 (177—452), Добрыня и Алеша 250—300 (147—1090), Ставеръ 250—280 (192—371), Илья и Соловей 220—230 (107—471), Василій Буслаевъ 200 (144—260), Вольга 200 (195—205), Соловей Будимировичъ 190—180 (114—285), Илья и сынъ 160—180 (106—338), Илья и Идолище 140—160 (107—274), Королевичи изъ Кракова 140—150 (118—306), Хотенъ Блудовичъ 140—150 (109—182), Чурило (смерть) 140—150 (93—175), Повздки Ильи 120—130 (113—153), Добрыня и Мариня 110—120 (64—153), Вольга и Минула 100—110 (51—184), Грозный 170—180 (110—290), Назъдъ Литвы 160—170 (138—198), [Батыга 150—160 (49—265)], Аюдотъ Рязанка 140, [Ермакъ 130—140 (36—185)], Кострюкъ 100—110 (98—127), Азовъ 75—80 (60—92), Щелкачъ 70—80 (37—95), Земскій соборъ 70—75 (69—83) Скопняъ 70, Петръ Великій 60, Отрепьевъ 40—45 (30—68), Стенька Разинъ 40—45, Шведская война 30—40, Взятіе Казани 30—40, Король Прусскій 20. Пѣсни о Батыгѣ, какъ представляющія передѣлку былинъ объ Ильѣ, и Ермакъ, также созданный на основахъ подобныхъ же былинъ объ Ильѣ, считаю не характерными для даннаго случая и любопытными въ иномъ отношеніи.

о Щелканѣ, Скопинѣ, рѣдко, даже въ наиболѣе обширныхъ пересказахъ, заходятъ за предѣлы малой былины старшаго происхожденія; если мы можемъ насчитать отъ 35—40 сюжетовъ для былины старшаго времени, дожившихъ до нашихъ дней (Миллеръ, Вс., Очерки, 83), то для позднихъ былинъ мы найдемъ уже гораздо меньшее (отъ 15—20). При этомъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго: нѣкоторые сюжеты историческихъ пѣсенъ (Батыга, Ермакъ) представляютъ изъ себя ясное приспособленіе старой темы къ позднимъ событіямъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между историческимъ событіемъ и объемомъ этой исторической пѣсни: чѣмъ позднѣе событіе, тѣмъ въ большинствѣ случаевъ будетъ и короче пѣсня; конечно она будетъ, разумѣется, короче старой „старинки“. Эти общія наблюденія надъ былиной даютъ нѣкоторое право предполагать, что старая былина, перешедшая съ юга на сѣверъ или зародившаяся на сѣверѣ, дала происхожденіе поздней былинѣ (исторической пѣснѣ) тогда, когда былинное творчество вообще стало уже менѣе интенсивно: сюжеты Московскаго и, можетъ быть, даже московско-суздальскаго времени не могли уже излагаться въ такомъ обширномъ видѣ, какъ старшая былина; иначе: творчество уже ослабѣвало по части созданія былины, какъ въ смыслѣ объема, такъ и числа входящихъ въ обработку сюжетовъ. Расцвѣтъ же исторической пѣсни приблизительно надо относить къ XVI вѣку (Грозный, Ермакъ), но и тогда уже творчество въ этой области иногда оказывалось слабымъ настолько, что прибѣгало къ перелицовкѣ стараго репертуара на новый ладъ, какова былина о Ермакѣ, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ объемъ пѣсни все короче и короче.

Духовный стихъ, какъ извѣстно, точно также въ это время получаетъ свое развитіе: конецъ XV—XVII в.—время созданія стиха въ той формѣ, какъ мы его знаемъ теперь. А это хронологическое опредѣленіе вполнѣ подтвердится и объемомъ нашего духовнаго стиха, поскольку этотъ объемъ выражаетъ степень творческой силы: нашъ духовный стихъ, живущій тою же жизнью, что и былина, въ самыхъ крупныхъ своихъ представителяхъ едва достигаетъ объема средней, а чаще малой былины. Еще въ одномъ отношеніи можно замѣтить аналогію между былиной и духовнымъ стихомъ, именно въ особенностяхъ стиха: въ позднихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ въ устную передачу изъ кантовъ и псалмъ, можно замѣтить вліяніе школьныхъ виршъ въ видѣ стремленія сохра-

нить не только славянизмы условнаго школьнаго языка стихотворенія, но и риму, хотя, разумѣется, далеко не послѣдовательно, напр.

Жиды совѣтъ сотворали	И по смерти Его предати.
И они думали-гадали,	Иуда жидамъ и тѣчили,
И хотѣть Христа-Бога поймать,	Да самъ и прорѣзать и т. д. 1)

Это же вліяніе книжной римованной поэзіи, которое можетъ быть понятно въ духовномъ стихѣ, тѣсно связанномъ съ книжной литературой и возникавшемъ преимущественно въ связи со школой, это же явленіе находимъ и на сѣверѣ, гдѣ школьная лирика далеко не могла такъ далеко простираť свое вліяніе, какъ южнѣе, и въ исторической пѣснѣ, которую поетъ тотъ же сказитель, что и старую былинѣ; если здѣсь мы найдемъ еще меньше послѣдовательности въ стремленіи нѣ римѣ, то во всякомъ случаѣ должны будемъ замѣтить, что тяготѣніе къ созвучію въ концѣ стиха, весьма близкому уже къ римѣ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ становится замѣтнѣе; его не чужда и старая былина, но здѣсь она не бросается такъ въ глаза, и примѣры его довольно ограниченны, не пестрятъ такъ былинѣ, какъ въ болѣе позднихъ „старинкахъ“; это болѣею частью „эпическая“ тавтологія, усиливающая, какъ повтореніе съ небольшимъ новымъ отгѣнкомъ, первый членъ повторенія; напр.

126. Тутъ то Добрыня закручинился, Онъ повѣсилъ голову самѡй вени.
 Тутъ то Добрыня запечалился. Подходить къ ему родна матушка,
 Онъ приходилъ Добрыня во свой Она стала Добрынюшку выспрашивать
 какъ домъ, Она стала Добрынюшку вывѣдывать:
 Онъ садился на брусѡву нову „О чѣмъ ты, Добрынюшка, кручиннишься“
 лавочку, „О чѣмъ ты, Добрынюшка, печалишься?“

Отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушкѣ:

— Не объ чѣмъ я Добрыня не кручинюся
 — Не объ чѣмъ я Добрыня не печалуюсь.
 — Только дай-ко мнѣ-ка, матушка, прощеньице

140. — Только дай-ко мнѣ благословеньице...

Гильеердингъ (№ 64).

Далѣе въ той же былинѣ мы не найдемъ уже такой группировки созвучій въ концѣ. Если же мы возьмемъ позднюю былинѣ или пѣсню, то, кромѣ иного построенія стиха, уже болѣе короткаго, нежели въ старой былинѣ, замѣтимъ тяготѣніе къ созвучнымъ

1) Каганъ, IV, 199 (№ 372).

окончаніямъ, довольно рѣшительное у пѣвца. Если въ былинѣ о Кострюкѣ (№ 24) еще не такъ бросается въ глаза пристрастіе къ созвучіямъ, то всеже не обратить на него вниманія нельзя:

Въ той было столычѣ,	Съ Кострюкомъ-то поборотися
Въ дальнемъ гранитѣ	Съ удалымъ попытатися,
Была поляница та крымская,	Съ плеча да богатырскаго
Царица татарская	29. Съ личья-то молодецкаго.
5. Съ Кострюкомъ приунилася,	.....
Съ молодымъ сговарилася	32. Еще есть у меня борца на дворци
Въхаты въ царство русейской	Ай удалы добры молодцы,
8. Государство московское	Съ Кострюкомъ-то попытатися
.....	Съ молодымъ поотвѣдати
16. Чтoby палаты онъ разглаживалъ,	А ѣ плеча да богатырскаго,
А ѣвъ вѣсты-ты налаживалъ,	39. А личья его да молодецкаго.
А ѣвъ пята-ты да приставляивалъ,	.....
.....	44. И не бьются есть не борются,
24. Есть ли борца на дворци,	45. Одной кашки есть напорются.
Да удалы добры молодцы	

Такое же стремленіе замѣтно, напр. и въ пѣснѣ о князѣ Михайлѣ (№ 299), которая начинается прямо рифмованной пословицей:

Женился—не спросился,
 Повѣнчался—не сказался.
 Далѣе: Его матушка родима
 Скоро съ двора проводила,
 Парку баенку топила
 .....
 Князь Михайло прослезился,
 Въ Онегушко бросился...

Въ пѣснѣ объ Азовѣ прямо группами попадаютъ созвучія (№ 37):

54. Какъ пятьсотъ телѣжекъ просмотрели,
 Еще другіихъ телѣжекъ не суетили,
 Они всѣхъ они воевъ-то запустили,
 Они вачали въ Азовѣ торговати,
 А своихъ они товаровъ продавати,
 А заморскихъ они стали покупати,
 А булатныхъ воевъ тыхъ отдирати,
 Еще черныхъ воевъ тыхъ открывати,
 Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
 Еще зачали кавачи-то тутъ гуляти,
 Они начали въ Азовѣ шурмовати,
 65. Да начали турчановъ убивати.

Если въ пѣснѣ объ Азовѣ еще можно приписывать это тому, что эта былина пришлая (ср. Гильфердинга, I, 58—59), то въ пѣснѣ о Казани (№ 160), пѣтой Касьяновымъ рядомъ съ былинной о Дюкѣ и Потыкѣ, мы опять отмѣтимъ наклонность къ созвучнымъ окончаніямъ стиховъ ¹⁾:

5. Казань городъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подпоны подводилъ,
За Сулой за рѣку бочки съ порохомъ катилъ.
.....
9. А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похажности оказываютъ.
.....
18. Какъ тутъ всѣ пушкаріи привадувались
Привадувались да припечалились.
.....
21. Ты позволи, государь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить.
.....
26. Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
.....
31. Подъ святой Русью непобѣдиомою,
Непобѣдиомою Богомъ любимою ²⁾.

Еще рѣшительнѣе это же стремленіе отмѣтимъ въ балагурныхъ пѣсняхъ, шуточныхъ старинкахъ, напр. въ пѣснѣ про „Большого быка“ (№ 297). Здѣсь запѣвъ ясно риемуется:

Да всѣ-то теперь разбѣжались,	Да, бояра, послушайте.
Да всѣ-то теперь раскучались,	Да мужички ты земскіе
И со того со двора со боярскаго	И старички деревенскіе,
Да съ того помѣстья государскаго:	Да ребятишки мѣхотные
	Да крестьянушки пѣхотные.
Да, князья, послушайте,	.....

¹⁾ Касьяновъ грамотный, любитель церковныхъ книгъ (Гильфердингъ, II, 516). Однако это не отразилось въ сторону ремы въ его былинахъ. Ясно, что его грамотность здѣсь ни при чемъ. Вся пѣсня очень короткая—32 стиха.

²⁾ Число примѣровъ можно бы увеличить для „исторической пѣсни“ и еще: тѣ же, напр., особенности въ стилѣ и настроеніи найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣдующемъ времени кончая смертью Петра I, записанныхъ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Мордовцовой въ Саратовской губ. (см. „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, IV (1862, отд. 2, стр. 27 и сл.).

Въ самой старинѣ то же стремленіе:

21. Да не ѣлъ ли онъ да ни утятини,
Да не ѣлъ ли онъ да ни лебедятини
Захотѣлъ поѣсть урослой телятини.

Въ варьянтѣ (№ 303) еще чаще:

35. Да какъ самъ то похаживаетъ, Да какъ самъ то покрививаетъ, Бородой то потряхиваетъ, Да какъ санъ выговариваетъ.	Да завелъ быка въ рощицу, Привязалъ быка къ деревцу. Да какъ самъ то похаживаетъ, Да какъ самъ приговариваетъ — Да какъ кто-то быка-то увёлъ,
46. Да онъ часто по Волги ходѣлъ Да онъ много-то сѣлъ тамъ гро- милъ Да тамъ и голову кормилъ.	— Да и тотъ-то безвѣстно ушелъ, — Да какъ кто съ быка кожу сдерѣтъ — Да и тотъ кондомъ пропадѣтъ. Да какъ былъ то Алѣша масникъ,
54. Да какъ онъ воръ догадливъ былъ Быку лоповы лапотцы обулъ. Наперѣдъ онъ пятами повернулъ Да какъ быка-то увёлъ	Да у него кулаки мясны, Да у него клепки востры. Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ Да какъ ткнулъ клепкомъ то въ бокъ...

Говорить объ этихъ измѣненіяхъ въ стилѣ старинной былинны, какъ о результатѣ прямого вліянія книжной риемованной поэзіи (что вполне уместно въ духовномъ стихѣ), въ данномъ случаѣ едва ли можно. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, стремленіе къ созвучіямъ въ концѣ стиха характеризуетъ преимущественно пѣсню уже иного пошиба—шуточную, сатирическую, слабѣе историческую, еще слабѣе былинную. Въ этой послѣдней, кромѣ указаннаго выше примѣра „эпической тавтологіи“, можно замѣтить нѣкоторую склонность къ созвучіямъ въ „зачинахъ“ и концахъ былинъ, гдѣ начинъ или конецъ этотъ носитъ прибауточный характеръ (ср. Вс. Миллеръ, Очерки, 34—35) напр., въ былинѣ о Батыгѣ (№ 60, 18).

Толстобрюхія бабенки Дѣмшозѣрочки,
Ай пучеглазья бабенки Пошозѣрочки,
Ай Дунай, Дувай, Дунай,
Да боля пѣть впередъ не знай.

Эти прибаутки по своему характеру, отразившемуся въ иныхъ случаяхъ и на самой былинѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ когда то существовавшихъ специалистовъ въ обработкѣ былинъ—веселыхъ людей-скомороховъ (Миллеръ Вс., Очерки, 52). Люди

эти, сколько мы знаемъ о нихъ, ве были чужды нѣкотораго знакомства съ искусственной поэзіей, хорошо знали и народную, устную, существовали еще въ XVIII вѣкѣ (свидѣтельство В. Н. Татищева)¹⁾; они то и наложили свою печать на былинну, преимущественно повдню, на „былинну-новеллу“, по терминологіи Вс. О. Миллера, но коснулись и старой былинны, напр., о Василии Буслаевѣ, какъ это замѣтилъ И. Н. Ждановъ²⁾. Если мы представимъ себѣ скомороховъ, вообще старыхъ профессиональныхъ былинныхъ пѣвцовъ, такимъ посредствующимъ звеномъ между книжной поэзіей и устной, и отнесемъ на долю этихъ специалистовъ выработку и самой формы устной поэзіи, то не будетъ, полагаю, ошибкой, на долю этихъ специалистовъ отнести и стремленіе къ рѣмѣ. Хронологически эти „рѣмованныя“ пѣсни должны быть признаны поздними по происхожденію и своей обработкѣ, т. е. въ нихъ мы можемъ наблюсти уже иные вкусы относительно поэзіи и ея формы, отразившіеся и на старой былинѣ. Иной вопросъ: откуда идетъ эта форма? Отвѣтить на него можно только гадательно: рѣмованная поэзія книжная съ XVII вѣка получаетъ у насъ права въ литературѣ, нѣкоторое стремленіе къ созвучію (параллель такъ называемой „аллитераціи“ другихъ народныхъ словесностей) не чуждо и раньше нашей народной поэзіи, напр. загадкѣ, особенно пословицѣ. Поэтому, нельзя ли видѣть расширение этой черты народной поэзіи подъ вліяніемъ рѣмачества XVII—XVIII в. въ отмѣченномъ нами стремленіи къ созвучію и рѣмѣ и въ народной пѣснѣ указанного характера въ рукахъ профессиональныхъ пѣвцовъ, ближе соприкасавшихся съ книжной литературой, нежели пѣвцы и пѣвицы обрядовой пѣсни? Въ связи съ этимъ надо представлять себѣ и другое измѣненіе формы: укороченіе стараго былиннаго стиха въ исторической пѣснѣ и въ шутилой, на что указано было выше. Эта черта даетъ опять параллель къ искусственной поэзіи, которая также (до силлабовъ Полоцкаго и Кантемира) предпочитаетъ короткій стихъ длинному:

1) Исторія Россійская I, 44 (Сиб. 1768). Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыжалъ, въ которыхъ жень его именами, такожъ о сильныхъ людяхъ Иаѣ Муромцѣ, Алексѣ Поповичѣ, Соловѣ Газбойникѣ, Долиѣ Степановичѣ и проч. упоминають и дѣла ихъ прославляють“. Ср. Миллеръ Вс., Очерки, стр. 63--64.

2) Былевой вносъ, стр. 401.

нашъ кантъ и псалма ¹⁾ также въ отличіе отъ стараго стиха, построеннаго на манеръ старой былины (напр., стихъ о Теодорѣ Тиронѣ), и въ народной передачѣ сохраняетъ короткій стихъ, какъ и большинство духовныхъ стиховъ народнаго происхожденія предпочитаютъ стихъ болѣе короткій, нежели былинный.

Все сказанное до сихъ поръ о рѣмѣ и формѣ стиха въ былинѣ и духовномъ стихѣ заставляетъ еще разъ считать духовный стихъ и позднюю „старинку“ одинаково поздними по происхожденію, т. е. связать и форму стиха и объемъ ихъ съ позднимъ временемъ и измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ ²⁾. Съ другой стороны, отсюда же слѣдуетъ, что, если форма стиха, въ частности его короткость и стремленіе къ созвучіямъ, едва-ли могутъ быть и для „старинки“ и для духовнаго стиха возводимы къ одному источнику непосредственно: въ былинѣ это стремленіе объясняется вліяніемъ книжной поэзіи черезъ посредство народнаго созвучія и специалиста по народной поэзіи, въ духовномъ стихѣ непосредственно переходомъ канта и псалмы; въ менѣе книжныхъ стихахъ отношеніе къ народной былинѣ будетъ т. о. тѣснѣе. Такимъ образомъ, если аналогія, намѣченная нами выше, и есть, то объясненіе ея для каждой группы—былины и стиха—будетъ не одно и то же, а будетъ обобщаться только на почвѣ *общаго* источника, которымъ каждая группа воспользовалась иначе: аналогія будетъ указывать на общее измѣненіе вкуса въ позднее время XVII—XVIII вѣка.

Я умышленно остановился на формѣ и объемѣ духовнаго стиха и былины: сравненіе ихъ даетъ, какъ видимъ, матеріалъ для ихъ исторіи при взаимномъ ихъ сопоставленіи и оправдываетъ мысль, что эта связь между ними есть и на дѣлѣ въ условіяхъ времени, когда возникала поздняя былина и духовный стихъ. А это и внѣшнимъ образомъ подтверждается тѣмъ, что, не раздѣляя строго обѣ области поэзіи въ своемъ сознаніи, пѣвецъ былинъ объединяетъ въ своемъ репертуарѣ иногда и духовный стихъ, особенно былинно-образный, и настоящую богатырскую былинку и

¹⁾ Подробнѣе см. П. И. Житецкій. Мысли о малорусской думѣ (Кіевъ 1893), стр. 160 и сл.

²⁾ Сказанное справедливо будетъ относительно поздней исторической малорусской пѣсни—думы. См. Житецкій, у. с., стр. 3 и слѣд.

новеллу, а калика знаетъ также иногда и былины, нѣсколько окрашивая ихъ чертами своей профессіи. Здѣсь калика, впрочемъ, нѣсколько ригористичнѣе, какъ мы видѣли, былиннаго сказителя (Феноновъ, см. выше): причина этого въ томъ, что калика еще сохраняетъ черты ирофессіональнаго пѣвца, сказитель же былины уже пересталъ имъ быть. Наконецъ, и на сѣверѣ, гдѣ калика имѣетъ въ своемъ распоряженіи былинный матеріалъ для расширенія своего репертуара по требованію вкусовъ современныхъ ему слушателей, расширеніе это происходитъ въ ту же сторону, что и у южнаго калики, былинь не знающаго: онъ въ число своихъ задачъ включилъ уже и забаву слушателей и, хотя неохотно, внесъ въ репертуаръ уже шуточные произведенія: калика Феноновъ, пѣвшій духовные стихи и былины, такъ же какъ его учитель Мѣщаниновъ, поетъ веселыя „небылицы“ (Гильфердингъ, I, 456, прим.; ср. В. Миллеръ, Оч., 35), а также шуточную сатирическую „поэму“ Птицы (№ 62); пѣвецъ былинь Заваль (Гильфердингъ, III, 473—474) знаетъ только двѣ былины, а больше сказокъ, шутливыхъ повѣстиекъ, а въ числѣ ихъ и „Большого Быка“ (№ 303); человекъ это бывалый, исколесившій чуть не всю Россію, стало быть, до известной степени не представитель только мѣстныхъ узкихъ вкусовъ. Нашъ Артамововъ, какъ мы это уже видѣли, также, несмотря на свое каличество, невольно расширилъ свой репертуаръ въ ту же сторону, распѣвая Камаринскую и Ону съ Еремой. Ясно, что въ настоящее время потребность въ народной пѣснѣ, преимущественно шутливаго, забавнаго характера, можетъ считаться общераспространенной: отъ пѣсни требуютъ не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи. Вотъ и съ другой стороны мы приходимъ къ тѣмъ же наблюденіямъ, какія мы получили и раньше, на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ исполнителемъ духовнаго стиха: репертуаръ и содержаніе былинь и духовныхъ стиховъ даютъ намъ одинаковыя показанія. Такимъ образомъ, какъ былинѣ приходится считать у современныхъ исполнителей выраженіемъ старой традиціи, а историческую и шутивную пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также и духовный стихъ современнаго калики—остатокъ старой профессиональной традиціи, а его мірскія пѣсни уже искаженіе этой традиціи. Поэтому мы въ нашемъ изученіи современной каличьей

литературы смѣло можемъ раздѣлять эти области: рѣзкое различіе по характеру между духовнымъ стихомъ и веселой пѣсней не допускаетъ даже такого взаимовліянія двухъ областей, какое мы могли намѣтить въ былинѣ: духовный стихъ скорѣе пропадетъ самъ, нежели превратится въ шуточный. Въ немъ могутъ имѣть вліяніе другія—болѣе, такъ сказать, серьезныя—области творчества, каковы, напр., обрядовыя пѣсни, суевѣрія, но никакъ не балагурная шутка, это наслѣдіе скомороха и народнаго юмора. Поэтому, не рискуя сдѣлать ошибку въ методѣ, мы можемъ обратиться къ изученію духовнаго стиха Артамонова, оставя въ сторонѣ его Камаринскую и Оому съ Еремой, и обратиться прежде всего къ сравнительному изученію репертуара его. Кое-какія общія замѣчанія мною уже сдѣланы. Болѣе детальное ознакомленіе дастъ возможность дополнить сказанное.

По мѣстностямъ, гдѣ записаны стихи, мы можемъ отчасти судить о большей или меньшей популярности того или другого стиха вообще: чѣмъ разнообразнѣе эти мѣстности, тѣмъ шире районъ его распространенія. То же указаніе даетъ и частое или рѣдкое помѣщеніе того или другого стиха въ репертуаръ пѣвца: стихъ, помѣщаемый въ репертуаръ часто, записанный у многихъ пѣвцовъ, репертуаръ которыхъ извѣстенъ, надо признать любимымъ стихомъ, популярнымъ. На основаніи этихъ принциповъ Варенцовъ (Сборникъ духовныхъ стиховъ, Спб., 1860) призналъ любимыми мотивами каличьихъ пѣсень: житіе Алексѣя, Божьяго человѣка, притчу о Лазарѣ, стихи о страшномъ судѣ (стр. 5); тотъ же ходячій репертуаръ для каличь сѣвера призналъ и Гильфердингъ (Онежск. Былины, I, 15). То же наблюденіе вынесемъ и мы, если прослѣдимъ репертуаръ тѣхъ пѣвцовъ, съ которыми имѣлъ дѣло Безсоновъ. Пѣвцы эти идутъ изъ различныхъ мѣстностей: Орловск. губерніи, с. Руднева, Мценска, Болоховскаго уѣзда той же губ., Валдайскаю у., Осташкова, Серпуховскаго у., Можайскаго, Тульск. губ., Смоленской губ., Московск. губ. (Саларево) и др., вообще изъ средней полосы Россіи; стихи, ими пѣтые, могутъ считаться для этихъ мѣстъ популярными, если они часто встрѣчаются въ репертуарѣ пѣвцовъ ¹⁾).

¹⁾ Этотъ подсчетъ темъ и стиховъ я нѣсколько расширяю, прибавляя къ репертуарамъ нашихъ пѣвцовъ данныя изъ сборника Безсонова, при чемъ

На первомъ мѣстѣ по популярности придется поставить стихи о *Страшномъ судѣ*: пѣвцы и пѣвицы Безсонова ¹⁾ знали ихъ больше другихъ, при чемъ каждый исполнитель зналъ ихъ по нѣскольку разныхъ: такъ, Телѣнковъ зналъ 3, Ларіонъ 2, Дюдюковъ,

приняты во вниманіе только стихи, идущіе изъ записей отъ сказителей, и опускаются идущіе изъ старыхъ тетрадокъ. Въ вопросѣ о степени распространенія стиха въ наше время этотъ подсчетъ можетъ дать нѣкоторое представленіе о популярности, не претендуя на точное цифровое опредѣленіе. Здѣсь репертуаръ не играетъ такой роли, какъ въ анализѣ творческой способности пѣвца.

1) Для большей наглядности привожу составленные мною изъ Безсоновскаго сборника репертуары его пѣвцовъ (см. выше, прим.), присоединяя №№ по изданію (пальцо) и число строкъ въ каждомъ стихѣ (направо): I. *Телѣнковъ*: 1) 323. Жена милосердая (57), 2) 450. Страшный судъ (14), 3) 451. Тоже (39), 4) 500. Тоже (39), 5) 484. Чудная царице Богородице (65), 6) 575. Василій Кесарійскій (125), 7) 584. Двѣнадцать пятницъ (202), 8) 616. Сонъ Богородицы (70), 9) 662. Плачь Адама (62), 10) 675. Житіе человеческое (37), 11) 603. Прасковья-Пятница (27). II. *Ларіонъ*: 1) 321. Жена милосердая (54), 2) 374. Распятіе (и плачь Богородицы) (73), 3) 459. Страшный судъ (62), 4) 497. Тоже (116), 5) 483. Пречудная царице Богородице (81), 6) 573. Василій Кесарійскій (55), 7) 593. Двѣнадцать пятницъ (48), 8) 652. Плачь Адама (64). III. *Дюдюкинъ*: 1) 77. Голубиная книга (148), 2) 98. Егорій (152), 3) 122. Федоръ Тиронъ (214), 4) 140. Борисъ и Глѣбъ (126), 5) 317. Рождество Х-во (25), 6) 322. Жена милосердая (90), 7) 454. Страшный судъ (39), 8) 502. Тоже (62), 9) 377. Распятіе (и плачь Богор.) (12), 10) 656. Плачь Адама (32), 11) 23. Лазарь (134), 12) 48. Іоасафъ-царевичъ (52). IV. *Бороздинъ*: 1) 46. Іоасафъ-царевичъ (63), 2) 79. Голубиная книга (99), 3) 100. Егорій (188), 4) 372. Распятіе (36), 5) 485. Чудная царице Богородице (58). 6) 452. Страшный судъ (43), 7) 507. Тоже (180), 8) 613. Сонъ Богородицы (48), 9) 614. Тоже (86). 10) 664. Плачь Адама (71). V. *Лукерья*. 1) 25. Лазарь (148), 2) 32. Алексѣй, чел. Бож. (325), 3) 43. Плачь Іосифа (20) — („рукоп.“). 4) 44. Тоже (19) („рукоп.“), 5) 58. Іоасафъ-царевичъ (72). 6) 115. Егорій (133), 7) 134. Димитрій Солунскій (88), 8) 314. Рождество Х-во (32), 9) 465. Страшный судъ (26) („рукоп.“), 10) 466. Тоже (27), 11) 469. Тоже (71), 12) 511. Тоже (112). VI. *Прасковья*. 1) 20. Лазарь (117), 2) 113. Егорій (126 безъ конца), 3) 172. Дочь тысячника (41; безъ конца), 4) 391. Плачь Богородицы (42; „хождение“), 5) 400 д. Тоже (30), 6) 604. Прасковья-Пятница (12). VII. *Доржениковъ*. 1) 78. Книга Голубиная (139), 2) 47. Іоасафъ-царевичъ (90), 3) 99. Егорій (187), 4) 141. Борисъ и Глѣбъ (111). VIII. *Риппикскій*. 1) 574. Василій Кесарійскій (85), 2) 581. Двѣнадцать пятницъ (111), 3) 663. Плачь Адама (48). IX. *Антонъ*. 1) 461. Страшный судъ (68), 2) 653. Плачь Адама (116 въ полустихахъ). X. *Антимъ*. 1) 76. Голубиная книга (182), 2) 572. Василій Кесарійскій (162). XI. *Онисимъ*. 1) 84. Голубиная книга (165), 2) 331. Жена милосердая (70).

Бороздинъ по два, а Лукерья даже 4, нашъ Артамоновъ зналъ также два. Сюда же по содержанію надо присоединить стихъ о чудной царицѣ, который встрѣтился у троиухъ изъ нашихъ пѣвцовъ, тѣхъ, которые знали и предыдущіе стихи о Страшномъ судѣ. Это наблюденіе надъ рядомъ частныхъ случаевъ, каковы наши, подкрѣпляется и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: группа стиховъ о Страшномъ судѣ принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ и въ сборникѣ Безсонова (вып. 5): у него оказалось собранными изъ устъ сказителей *восемь* разновидностей этой темы въ 60 слишкомъ пересказахъ, не считая массы тѣхъ же стиховъ, найденныхъ въ тетрадкахъ; среди нихъ оказался по количеству наиболѣе популярнымъ стихъ съ началомъ:

Плачемъ ужасаемъ,
На Страшный часъ помышляемъ,

создавшійся, встаетъ сказать, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ известнаго церковнаго пѣснопѣнія въ чинѣ по усопшемъ; этотъ стихъ далъ Безсонову 22 записи. Его спѣлъ и нашъ Артамоновъ. Наименьшей популярностью въ этой группѣ пользуется стихъ съ началомъ:

Придетъ вамъ время предпоследня
Будетъ нашимъ грѣшнымъ душамъ разсужденія,

спѣтый только Лукерьей (Смол. губ., Краснинск. у. дер., Кислое; № 511). Но этотъ же стихъ знаетъ и Артамоновъ, озаглавливая его именемъ „Архангела Михаила“¹⁾, какъ это дѣлаютъ и другіе пѣвцы, относя это заглавіе къ стиху:

Еще бы зналъ человѣкъ житіе вѣку себя,
Своей бы силой поработать²⁾.

Затѣмъ, по популярности слѣдуетъ вторымъ у нашихъ пѣвцовъ поставить известный *плачъ Адама*: его дали шестеро изъ пѣвцовъ Безсонова. Это одинъ изъ самыхъ старыхъ стиховъ, встрѣчающихся въ нашей письменности и давно уже извѣстный по своей связи съ апокрифич. сказаніями объ Адамѣ³⁾, весьма часто встрѣчающихся у каликъ: у Безсонова 17 устныхъ записей, и

¹⁾ У Лукерьи онъ зовется „Грѣшница“; ср. Безсоновъ, V, 232, прим.

²⁾ № 512—516; ср. примѣч. къ № 511 у Безсонова (V, 236).

³⁾ Вторая редакція „Адама“; см. Тихонравова „Пам. отр. лит.“, I, 299.

рядъ записей въ тетрадкахъ. Нашъ Артамоновъ этого стиха не знаетъ, почему—сказать трудно; можетъ-быть, причина этого лежитъ въ томъ, что стихъ объ Адамѣ пользуется распространениемъ среди раскольниковъ (ср. Безсонова, № 632—634); въ мѣстности же, гдѣ живетъ Артамоновъ, кажется, не видно вліянія раскольниковъ, т.-е. нѣтъ данныхъ для поддержанія интереса къ стиху; а можетъ быть—это и случайность.

Не меньшей популярностью пользуются у нашихъ пѣвцовъ и „Страсти“, т. е. стихи о *крестной смерти Спасителя*, плачъ Богородицы; сюда же по содержанію близко подходитъ и извѣстный „*Сонъ Богородицы*“: первые оказались въ репертуарѣ четырехъ изъ пѣвцовъ Безсонова, у одной пѣвицы даже два разныхъ плача; второй у двухъ, при чемъ одинъ калѣка зналъ два стиха объ одномъ и томъ же. Всѣ эти стихи представляютъ нѣсколько разнообразныхъ обработокъ темы, по меньшей мѣрѣ, четыре, не считая Сна Богородицы, и дали тридцать слишкомъ пересказовъ Безсонову (не считая взятаго изъ тетрадокъ). И нашъ Артамоновъ зналъ два стиха о Распятіи, одинъ названный имъ „Христе Боже“ и подходящий подъ первую группу Безсонова, съ началомъ:

Жиды советъ сотворили
И они думали гадали ¹⁾,

другой, коротенькій, не подходящий ни подъ одинъ изъ напечатанныхъ Безсоновымъ. Знаетъ онъ и „Сонъ Богородицы“, близко подходящий къ стиху съ началомъ:

Сонъ Богородицы явился.
Свѣтъ Мать и Марія Пресвятая
Съ вечері въ раю почивала ²⁾

Часто встрѣчается у пѣвцовъ и стихъ о *Георгіи*, пять пересказовъ котораго дали пѣвцы Безсонова, всего записей у него 17, всѣ изъ устъ пѣвцовъ; небольшое число стиховъ о Георгіи сравнительно съ предыдущими находятъ себѣ объясненіе въ объемѣ стиха, принадлежащаго къ числу довольно обширныхъ (до 200 строкъ и болѣе); этотъ стихъ въ довольно полномъ видѣ знаетъ и нашъ Артамоновъ.

¹⁾ Безсоновъ, V, 199 (№ 372).

²⁾ Тамъ же VI, 197 (№ 616).

Приблизительно такъ же популярна у пѣвцовъ и *Голубиная книга* (четверо изъ пѣвцовъ Безсонова; 16 записей всего). Артамоновъ знаетъ про нее по слухамъ, но не поетъ (см. выше).

Стихъ о *Лазарѣ*, какъ близко подходящий по содержанію къ положенію слѣпцовъ-нищихъ, по мнѣнію собирателей, считается типичнымъ стихомъ каличнымъ; но у Безсонова знали его только трое, всего у него набралось только семь записей. Скорѣе всего это можно счесть индивидуальной особенностью собраннаго матеріала у Безсонова: эти стихи часто попадались другимъ собирателямъ напр: (Варенцову, стр. 66 слѣд. 212 слѣд.). Обстоятельный стихъ даетъ и нашъ Артамоновъ.

Въ подобномъ же положеніи приходится считать и стихъ *объ Алексѣ, челоуѣкѣ Божіемъ*, хотя только одинъ разъ попался Безсонову ояъ у его пѣвцовъ, и только восемь пересказовъ вошло въ его сборникъ; нельзя не отмѣтить и того, что стихъ *объ Алексѣѣ* принадлежитъ къ числу такихъ же объемистыхъ, какъ и стихъ о *Георгіи*; тѣмъ не менѣе онъ и помимо Безсонова попадался собирателямъ (Варенцовъ, 219—228). У Артамонова стихъ *объ Алексѣѣ* оказался самымъ крупнымъ по объему—380 строкъ.

Короткаго, но весьма популярнаго, скорѣе всего благодаря тѣсной связи съ идеями раскольниковъ сектъ, стиха *о царевичѣ Юсафѣ*, въ пустыню отходящаго, у нашего Артамонова не оказалось, хотя четверо пѣвцовъ Безсонова его знали, а ему удалось собрать болѣе 25 записей въ двухъ или трехъ версіяхъ. Объяснить отсутствіе этого стиха у нашего пѣвца затрудняюсь. На ряду съ этимъ стихомъ по популярности слѣдуетъ поставить стихъ *о Василии Кесарійскомъ* (собственно о хмѣльномъ питіи), давшій три записи Безсонову у его пѣвцовъ, всего собравшему семь записей: его не знаетъ нашъ Артамоновъ.

Къ циклу *рождественскихъ* стиховъ, очевь слабо (два пѣвца) представляемыхъ пѣвцами Безсонова и очень обильно по числу и разнообразію записями чужими и книжными (около восьмидесяти), надо отнести довольно популярный стихъ *о женѣ милосердой*, давшій четыре записи непосредственно и всего до 15 другихъ. Послѣдній стихъ въ своей популярности, можетъ быть, поддерживался вліяніемъ раскольниковъ-сектантовъ (напр. самосожигателей). Эта скудость записанныхъ рождественскихъ собственно стиховъ у Безсонова объясняться можетъ, скорѣе всего временемъ, когда запи-

сывалъ Безсоновъ свои стихи: несомнѣнно, тѣсно связанные съ „славленьемъ“, они должны были быть извѣстны и его пѣвцамъ, если Безсоновъ записывалъ у пѣвцовъ, нами выбранныхъ, не на Рождествѣ или вообще не близко ко времени святокъ, то онъ могъ и не услышать этого стиха, какъ приуроченнаго къ опредѣленному времени: Артамоновъ пропѣлъ этотъ стихъ, прибавивъ, что поется онъ на святкахъ. Другіе пѣвцы, мною слышанные, также пѣли стихъ по приглашенію. Это подтверждаетъ и масса записей этого стиха, попавшая въ руки Безсонова. „Милосердой жены“ Артамоновъ не поетъ.

Наконецъ, къ числу стиховъ, довольно распространенныхъ, надо отнести стихъ *о двѣнадцати пятницахъ* (у Безсонова три пѣвца, 9 пересказовъ, одинъ прозаическій). Популярность этого стиха ясна по связи его съ извѣстной апокрифической статьей Павла Климента, распространенной въ массѣ списковъ, съ XV в. ¹⁾ Нашъ Артамоновъ, начавши пѣть въ стихахъ, переходитъ къ пѣвучему сказыванію, какъ, вѣроятно, сказывалъ и Оома Киселевъ, отъ котораго имѣлъ записъ Безсоновъ (№ 590), хотя у насъ ритмичность и повторенія стиха сохранились: или Артамоновъ заучилъ уже разлагавшійся стихъ, или плохо запомнилъ стихотворный ладъ и самъ уже разложилъ стихъ.

Наконецъ, Артамоновъ знаетъ стихъ *о плачѣ Іосифа прекраснаго*, встрѣтившійся только два раза у одной пѣвицы (№ 43, 44) и болѣе не попавшійся ему въ его матеріалахъ. Это, повидимому, обособившаяся лирическая часть стиха о прекрасномъ Іосифѣ: стихъ этотъ (чуть ли не книжнаго и происхожденія и весьма недавнаго, см. № 37 и слѣд.) великъ по объему (стиховъ до 400) и не подь силу былъ пѣвцамъ, которые и взяли изъ него наиболѣе сильную лирико-драматическую сцену, прибавивши начало изъ церковной пѣсни:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову къ рыданію.

Во всякомъ случаѣ тексты Безсонова и нашъ носятъ явно отрывочный характеръ.

Этимъ стихомъ, не считая стиха объ Александрѣ II, исчерпывается репертуаръ нашего пѣвца. У Безсоновскихъ пѣвцовъ встрѣ-

¹⁾ Ср. *Тихонравова* Пам. Отр. Лит. II, 337 и слѣд.

чены были еще: Феодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, Житіе человеческое, Дочь тысячника—по разу, Прасковья Пятница, Борисъ и Глѣбъ—по два раза. Все это стихи, въ общемъ не часто встрѣчающіеся ¹⁾).

Такимъ образомъ нашъ Артамоновъ въ общемъ поетъ тѣ стихи, которые пользуются популярностью и у другихъ пѣвцовъ, но не знаетъ стиховъ былиннаго пошиба, за исключеніемъ популярнаго Егорія; кромѣ того, не безъинтересно, быть можетъ, и то, что онъ не знаетъ тѣхъ стиховъ, которые, будучи популярны у другихъ пѣвцовъ, стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ раскольниковымъ стихомъ ²⁾, поскольку этотъ послѣдній имѣетъ общаго съ остальнымъ; „каковы: Пречудная царице“ „Жена милосердая“ (она же у раскольниковъ—Аллилуева ³⁾), „Царевичъ Іоасафъ“. Не знаетъ онъ и „Голубиной книги“ и „Плача Адама“.

Эти отрицательныя качества нашего пѣвца наводятъ, кажется, на нѣкоторые соображенія или предположенія: въ его репертуарѣ не находимъ, за исключеніемъ Егорія, какъ стиха весьма популярнаго, старыхъ стиховъ, сложившихся въ лучшую пору былинной поэзіи, поэтому и отлившихся въ былинную форму, каковы Феодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, не находимъ стиховъ съ специфической до известной степени окраской—раскольниковъ, не находимъ, наконецъ, старыхъ по образованію стиховъ, какова „Голубиная книга“, съ ея космогонически-богомильскими реминисценціями, стихъ объ Адамѣ засвидѣтельствованный старыми апокрифами и по спискамъ XV—XVI в. (Исповѣданіе Еввы) и старой литературой (посланіе Василія Новгородскаго о раѣ) русской XIV вѣка. Наоборотъ, въ его репертуарѣ преобладаютъ стихи болѣе поздняго происхожденія, каковъ стихъ, лучший и обширнѣйшій у него, объ Алексѣѣ, стоящій въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, въ зависимости отъ Анеологіона, 1660 года ⁴⁾; таковъ же стихъ его объ Іосифѣ прекрасномъ, вышедшій

¹⁾ У Безсопова всего: Феодоръ Тиронъ 5 записей, Димитрій Солунск. 3 записи, Житіе человѣч. 4 записи, Дочь тысячника 1 запись, Прасковья Пятн. 13 записей, Борисъ и Глѣбъ 6 записей.

²⁾ Число раскольниковъ въ у. Рыльскомъ и Дмитріевскомъ въ общемъ незначительно, судя по статистическимъ, хотя и старымъ, свидѣніямъ (Труды Курскаго губернскаго статистич. комитета, вып. I, (1863), стр. 12, 13. Нѣсколько больше ихъ считается въ Дмитріевскомъ уездѣ.

³⁾ Тихонравовъ, „Сочин.“ I, 349.

⁴⁾ Тихонравовъ, „Сочиненія“ I, 350, Варениковъ; „Духовн. стихи“, 8.

изъ лубочной тетрадки, также не старше XVII в. ¹⁾. Остальные стихи его репертуара, за исключеніемъ стиха о Лазарѣ, время происхожденія котораго неизвѣстно пока, короткіе и скорѣе лирическіе или полу-лирическіе, при томъ по формѣ довольно уже поздніе; въ нихъ, даже въ „Лазарѣ“, уже ясно сильное стремленіе къ рифмѣ—созвучію ²⁾. Всѣ эти черты могутъ получить, съ устанавливаемой нами точки зрѣнія на хронологію, на основанія не только содержанія, но и формы стиховъ, истолкованіе въ смыслѣ поздняго по времени какъ репертуара, такъ и самого вида стиха у нашего Артамонова, т.-е. что онъ уже представляетъ намъ болѣе поздній репертуаръ, даже нежели нѣкоторые изъ Безсоновскихъ пѣвцовъ, которые, имѣя тотъ же въ общемъ репертуаръ, что и Артамоновъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ еще кое-что и изъ старшаго репертуара. Здѣсь можетъ имѣть значеніе и географическое распредѣленіе пѣвцовъ, если мы попробуемъ освѣтить его съ точки зрѣнія географическаго распредѣленія былины; на это мы имѣемъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое право въ виду связи между былинной и духовнымъ стихомъ въ ихъ измѣненіяхъ на почвѣ исторіи этого общаго типа памятниковъ народной словесности. Районъ былины, какъ извѣстно ³⁾, довольно ясно опредѣлился еще XVII—XVIII в. для европейской Россіи; самая распространенность былины постепенно понижается къ югу, у южно-великоруссовъ сводится почти къ нулю, а на самомъ югѣ, на границахъ съ малорусскимъ говоромъ, былины уже совсѣмъ нѣтъ. Если мы переведемъ это наблюденіе на почву характера памятниковъ, то должны будемъ сказать, что повѣствовательная стихотворная поэзія все слабѣетъ и слабѣетъ по направленію къ югу: она замѣняется все болѣе и болѣе или повѣствовательно-лирической или прямо-лирической: югъ богаче сѣвера лирическими и полулирическими пѣснями ⁴⁾. А старшій по происхожденію духовный

¹⁾ *Тихомировъ*, тамъ же.

²⁾ Привѣры см. въ самыхъ текстахъ.

³⁾ Подробнѣе см. *Вс. Миллера*. Очерки, 65—96, особ. 91—92.

⁴⁾ Здѣсь, можетъ-быть, имѣетъ вліяніе малороссійскій югъ съ его школьно-народной повѣей виршѣ (исацьковъ и кантовъ). Болѣе или менѣе повѣствовательная „дума“,—трудно сказать, почему не имѣла вліянія на южно-великорусскую пѣсню; м.-б. потому, что она связана тѣсно съ исторіей кавачества, явленія, не имѣвшаго мѣста у южно-великоруссовъ? Ср. *В. Н. Перетцъ*. „Изъ исто-

стихъ, напр.—Голубиная книга, стихи о Ѳеодорѣ, Димитріи Солунскомъ—преимущественно повѣствовательнаго характера: не даромъ они и по формѣ ближе стоятъ къ былинѣ, нежели къ лирической пѣснѣ. Иначе: нашъ Артамоновъ потому знаетъ больше позднихъ, при томъ лиро-эпическихъ стиховъ, что онъ самъ—южно-руссъ, учился у южно-руссовъ, въ той мѣстности, гдѣ не только нѣтъ (да, можетъ-быть, и не было) чисто повѣствовательной стихотворной поэзіи, а нѣтъ уже почти и полу-повѣствовательной. А это опять-таки совпадаетъ съ другимъ наблюденіемъ во всей русской народной пѣсенной поэзіи: въ ней лирика постепенно завоевываетъ все болѣе и болѣе мѣста въ ущербъ повѣствованію.

Въ такомъ смыслѣ нашъ Артамоновъ, насколько показываетъ его репертуаръ духовныхъ стиховъ, ихъ форма, можетъ быть сочтенъ представителемъ, съ одной стороны, южно-великорусской духовной поэзіи, а съ другой, поздняго состоянія и новѣйшихъ измѣненій въ характерѣ этой духовной поэзіи. А то, что было сказано объ отношеніяхъ его къ мірской поэзіи, показываетъ, что и въ немъ мы можемъ видѣть, хотя бы и въ начальной стадіи, паденіе самой поэзіи духовнаго стиха въ старинномъ смыслѣ профессиональнаго пѣвца этихъ стиховъ. Артамоновъ волей-неволей идетъ навстрѣчу современнымъ вкусамъ слушателей: онъ не только уже тѣшитъ ихъ балагурнымъ Ѳомой съ Еремой, камаринскимъ, но находитъ возможнымъ считаться и съ современными событіями, болѣе или менѣе интересующими и громкими въ глазахъ слушателей: поэтому онъ поетъ уже и новую пѣсню о смерти Александра II. Откуда онъ взялъ ее, мнѣ узнать и опредѣлить не удалось. Пѣсня эта, однако, повидимому, уже пользуется нѣкоторой популярностью, кажется, входитъ, если уже не вошла, въ репертуаръ современныхъ пѣвцовъ-каликъ: эта же пѣсня, въ текстѣ, довольно близко подходящемъ къ моей записи, была недавно записана также со словъ слѣпца, пѣвшаго ее подѣ

рія русской пѣсни", ч. I (Спб. 1900), стр. 195, 201, 206, 207. Подобное же наблюденіе—о сравнительно меньшемъ распространеніи лирической пѣсни на сѣверѣ, нежели на югѣ—сообщаетъ и Н. М. Лопатинъ въ своемъ обзорѣ русскихъ лирическихъ пѣсней („Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсней", М. 1889, ч. I, стр. 9).

звуки лиры въ области Донского войска ¹⁾. Та же пѣсня записана въ г. Харьковѣ отъ слѣпца Ивана Михайловича Петрика (изъ с. Валокъ, Харьков. губ. родомъ) въ апрѣлѣ 1899 г., также съ аккомпанементомъ лиры ²⁾ слышали эту пѣсню и въ той же Курской губерніи на ярмаркѣ ³⁾. Несомнѣнно одно, что мы имѣемъ передъ собой пѣсню искусственную по складу, хотя и не искусную, обязанную своимъ происхожденіемъ неизвѣстному славателю, въ родѣ тѣхъ, которые поставляютъ обильный матеріалъ для современныхъ пѣсенниковъ: стремленіе къ рѣмѣ, безъ чувства ритма, къ вычурности и дешевымъ трескучимъ эффектамъ, наборъ словъ, на лицо всѣ черты, которыя мы встрѣтимъ въ теперешнихъ пѣсняхъ по сборникамъ печатнымъ ⁴⁾. Тема пѣсни—Александръ II—помимо событія, излагаемаго въ нашей пѣснѣ, несомнѣнно произведшаго и производящаго само по себѣ сильное впечатлѣніе на народъ,—эта тема еще и раньше уже циркулируетъ въ позднихъ народно-ненародныхъ (если такъ можно выразиться) пѣсняхъ:

¹⁾ Записана гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой и издана Н. Кульманомъ въ „Русск. Стар.“ 1900, 17, 652—53; къ сожалѣнію, подробностей объ исполнителѣ и обстоятельствахъ записи издатель не даетъ.

²⁾ Издана въ „Э. О.“ XLV, 137—139.

³⁾ Именю Г. Кунцевичъ (см. „Русск. Ст.“, тамъ же, стр. 654, прим.); и здѣсь по поводу этой пѣсни, г. Кульманъ не сообщалъ никакихъ подробностей въ своей замѣткѣ. Весьма возможно, что г. Кунцевичъ слышалъ эту пѣсню и отъ того же Артамонова: пѣвцы-каляки, какъ извѣстно, очень охотно, на довольно далекихъ разстояніяхъ, путешествуютъ по ярмаркамъ. Въ замѣткѣ г. Кульмана обращаютъ на себя вниманіе еще кое-какія свѣдѣнія, въ силу своей неясности возбуждающія любопытство: „Кто содалъ эту пѣсню, говорить онъ, неизвѣстно. Одинъ лирикъ заявилъ М. А. Голенищевой-Кутузовой, что когда онъ ослѣпъ, то его научилъ пѣть эту пѣсню такой же, какъ онъ, слѣпецъ; другой разказалъ, что она вывезена одной старухой-паломницей изъ Іерусалима“ (стр. 653). Изъ этихъ словъ выходитъ, что гр. М. А. Голенищева-Кутузова слышала эту пѣсню отъ двухъ, или же (выражаясь общѣе) пѣсню эту знали двое: о *второмъ* исполнителѣ въ замѣткѣ ни слова, а жаль: приведеніе второй записи, или хоть варьянтовъ изъ нея, если таковые были, дали бы, можетъ быть, что нибудь для объясненія пѣсни, а прямое указаніе на второго пѣвца дало бы еще фактъ для сужденія о распространенности пѣсни. Мы имѣли бы (съ записью пѣсни, Кунцевича, если онъ записалъ ее) уже четыре записи, при томъ изъ двухъ различныхъ мѣстностей.

⁴⁾ Напр. „тысяча пѣсень—Народный пѣсенникъ“ (изд. Сытина. М. 1894), „Народный пѣсенникъ“ (изд. его же, М. 1897).

имя и эпизоды про Александра второго, довольно часто попадаются въ пѣсняхъ, особенно военнаго, воинственнаго характера ¹⁾.

Присутствіе этого стиха, несомнѣнно еще болѣе искаженнаго въ устной передачѣ пѣвца, которому довольно чужда самая обстановка событія, который часто не понималъ словъ своего оригинала (горноты—гранаты, телеграмъ и т. п.)—присутствіе его въ репертуарѣ нашего пѣвца во всякомъ случаѣ не лишено значенія для заключеній о состояніи народной пѣсни въ настоящее время: онъ еще болѣе, нежели пѣсня про Ону и Ерему, подчеркиваетъ отмѣченное мною измѣненіе во вкусахъ народа и самого пѣвца; а форма этого стиха даетъ указаніе на успѣхи, которые дѣлаетъ приемованная поэзія въ массѣ.

Обращаясь, наконецъ, къ характеристикѣ формы духовныхъ стиховъ въ современномъ ихъ видѣ; имѣя въ виду сдѣланныя мною выше сравнительныя наблюденія надъ былинной и духовнымъ стихомъ вообще, мы можемъ точнѣе и полнѣе характеризовать и наши стихи, судить по нимъ о томъ шагѣ, который сдѣлалъ духовный стихъ нашего времени сравнительно со стихомъ недавняго прошлаго, именно въ измѣненіи формы, а отчасти и въ содержаніи, поскольку это послѣднее зависитъ отъ первой. Если Артамоновъ, какъ я сказалъ раньше, твердо знаетъ текстъ своихъ стиховъ, то это значить только то, что онъ поетъ увѣренно, не колеблясь ставить то или другое выраженіе, тотъ или другой стихъ; но это, конечно, свидѣтельствуетъ только объ его памяти, а отнюдь не о сознательномъ отношеніи къ содержанію стиха; въ этомъ именно отношеніи у него замѣчается недочетъ; видна часто машинальная передача затверженнаго, слишкомъ подчасъ слабое вниманіе къ смыслу сказываемаго; болѣе, новидимому, его привлекаетъ музыкальная сторона самого стиха, главнымъ образомъ созвучіе—риема. Пристрастіе къ ней у него явно; не даромъ въ его репертуарѣ фигурируетъ приемованная пѣсня бѣ Александрѣ II. Если безсознательное повтореніе усвоеннаго памятью (такъ-молъ—въ пѣснѣ поется) не чуждо даже былиннымъ пѣвцамъ, что замѣчено было уже Гильфердингомъ ²⁾, то во всю

¹⁾ Напр., въ „Великорусскихъ пѣсняхъ“ проф. А. И. Соболевскаго, VI, № 98; въ первомъ изъ Сытинскихъ сборниковъ, стр. 80, 147, 149, во второмъ, № 98 в др.

²⁾ I, 158, 160, 215 примѣчаніе, 247.

комъ случаѣ въ вей явленіе это не частое, у насъ же, въ духовномъ стихѣ, въ частности у Артамонова, это явленіе не рѣдко; тутъ оказываетъ вліяніе съ одной стороны самый языкъ стиха, который, въ силу его происхожденія, не будетъ столь близкимъ къ живому, какъ въ былинѣ, а съ другой стороны тяготѣніе къ риѣмъ; цѣлый рядъ славянизмовъ (разумѣется, большею частью въ искаженіи), составляющихъ принадлежность поздняго стиха, по его связи со славянскимъ церковнымъ и литературнымъ языкомъ его источника, передается пѣвцомъ далеко не сознательно, полусознательно; чѣмъ сильнѣе пробивается риѣма, тѣмъ болѣе въ стихѣ путаницы, нескладицы. Въ угоду риѣмъ Артамоновъ часто даже вставляетъ строки, по смыслу не связанные съ предыдущими, часто взятая, можетъ-быть, изъ иного стиха. Старые же стихи, гдѣ и риѣма не такъ пробивается, гдѣ и славянизмы (говоря вообще—церковнаго тона) меньше, меньше и искаженій и путаницы—доказательство того, что существуетъ указанная мною связь между содержаніемъ и риѣмой. Продолжая наше наблюденіе, мы можемъ и расширить его: стихъ по типу старшій—съ преобладаніемъ повѣствовательнаго элемента—меньше тяготѣетъ къ риѣмъ, нежели стихъ лирическій, поздній; содержаніе стиха повѣствовательнаго яснѣе въ сознаніи пѣвца, чѣмъ лирическаго: въ этомъ послѣднемъ настроеніе беретъ верхъ надъ содержаніемъ, почему и ближе въ сознаніи пѣвца къ представленію о пѣвучести, музыкальности стиха; т.-е. лирика въ его представленіи больше пѣніе, нежели повѣствованіе, почему вниманіе при лирической пѣснѣ больше приковано къ музыкальной сторонѣ стиха, т.-е. къ формѣ, въ данномъ случаѣ риѣмъ, нежели къ его содержанію.

Такъ, на почвѣ исторіи нашей поэзіи, гдѣ эпосъ уступаетъ постепенно лирикѣ, и на почвѣ психологіи я объясняю себѣ сравнительную исправность „эпическихъ“ стиховъ нашего пѣвца передъ его „лирическими“ стихами. Если въ стихѣ объ Егоріи, пѣвецъ подъ вліяніемъ тяготѣнія къ риѣмъ поставилъ непонятное „солилося“ въ стихахъ:

Ничаво Егорію не ярилося
Ягорьево тѣло солилося ¹⁾,

¹⁾ См. стихи 43—44, 52—53, 66—67.; это слово разъ произносилось:— „солилося“, другой разъ:— „солялося“, третій:— „солялося“.

если онъ употребляетъ форму: „возглаголуилъ“ (иначе: „возглаголуе“, „возглаголуи“), то случаи эти сравнительно будутъ не часты; приема же также пробивается преимущественно въ случаяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые мы могли отмѣтить даже въ былинѣ. Если же мы обратимъ вниманіе на поздній и при томъ лирический стихъ „Царю Христе“, то найдемъ вмѣсто правильнаго и понятнаго по смыслу „какъ бы намъ Христа поймать“ (Безсоновъ, № 372)— „испознать“, а послѣ стиха:

За сребренники продѣлъ Христа,

имѣющее мало отношенія къ рассказываемому, взятое, кажется, изъ иного стиха:

Онъ лишился своєю царства,

и совершенно непонятное по связи:

Не имѣйте вы царей много,

Понимѣйте вы царя одного.

Въ стихѣ „Родъ еврейскій“ начало—заглавіе—передѣлано въ двустипіе, безъ малѣйшей связи съ послѣдующимъ:

Родъ еврейскій сотворенный,

Отъ Христа было явленіе,

при чемъ еще послѣднія два слова считаются приемой. Въ томъ же стихѣ ради приемы вставляется стихъ:

(Пилать руди умываетъ)

Пилы въ руди задавасть, и далѣе:

Повелѣлъ (повидиному, Пилать), вѣнецъ отверзати,

(Страстей Богу задавати)—

и слово „отверзати“ и весь стихъ явились только для приемы съ послѣдующимъ.

Что указанная явленія не представляютъ индивидуальности нашего цѣвца, это видно изъ того, что то же самое мы отмѣчаемъ у другихъ цѣвцовъ, особенно намъ современныхъ: таковы записи, приведенныя въ „Живой Старинѣ“ (1900, III.): стихи стараго типа—безъ приемы и сравнительно исправны. (Алексѣй, Божій человекъ, изъ Смоленской губ., Юхновск. у., и Московск. губ., Серпуховск. у.), Голубиная книга (Серпук. у.), лирическіе же стихи „Подоконные“ (Серп. у.) уже съ приемомъ и путаницей ¹⁾.

¹⁾ То же отмѣтилъ и П. И. Житецкій (у. с., стр. 3—9) по отношенію къ думамъ: въ угоду приемъ являются невозможныя формы словъ.

Наконецъ, что касается „книжечекъ“, по которымъ разучивалъ частью свои стихи Артамоновъ, то ничего болѣе опредѣленнаго, нежели приведенное мною выше, отъ него узнать не удалось. Содержаніе же стиховъ, за исключеніемъ „Двѣнадцати пятницъ“, не имѣющихъ у вашего пѣвца даже стихотворной формы и близко подходящихъ по тексту къ позднимъ, весьма популярнымъ тетрадкамъ, не даетъ прямыхъ указаній ¹⁾.

Сводя въ одно все до сихъ поръ сказанное, мы можемъ представить себѣ положеніе духовнаго стиха въ настоящее время для данной мѣстности Курской губ. въ такомъ видѣ: стихъ стараго типа, развивавшійся на общихъ съ былинной основахъ, еще сохраняется, но постепенно уступаетъ стиху лирическому новой формации, болѣе книжному; вліяніе книжной поэзіи сказывается въ видѣ развитія вкуса къ риѣмъ и въ старшемъ стихѣ, какъ и въ былинѣ, но въ болѣе сильной степени; еще сильнѣе вліяніе риѣмы на стихъ лирическомъ; это вліяніе ведетъ къ искаженію содержанія стиха лирическаго въ большей степени, чѣмъ стиха повѣствовательнаго. Репертуаръ калики расширяется привлеченіемъ въ него мірской пѣсни, чѣмъ все болѣе нарушается традиціонный типъ профессиональнаго носителя духовной народной поэзіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Духовные стихи, записанные 28/VII, 30/VII 1900 г. въ селѣ Капустинѣ, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи.

І. Царю Христе.

(Страсти).

Царю Христе, Боже милостивый,
Вы — Богъ — творецъ незлобивый.
Четвертаго съ вечера царемъ бывши,
Совѣтъ жидамъ сотворивши,

Б. Стали жиды гадать:

Какъ бы намъ Христа испозвать?
Тогда Юда къ нимъ претекши,
Вонъ, пришедши къ нимъ,
И речётъ имъ

¹⁾ Ср. Э. О. XLI, 139.

10. Совѣтъ жидамъ предлагавши:
 Что мнѣ дастѣ, продамъ Христа?
 Жиды, сребреники измовлявши
 Измовлявши сребреники, Юды отдавали.
 Тогда Юда разгорѣвши,
15. Сердцу своему распалѣвши
 За сребреники продалъ Христа:
 Онъ лишился своего царства.
 Не имѣйте вы царей много,
 Понимайте вы царя одного.
20. Христось хлѣба предложивши
 Вчепцамъ далъ
 Обмочивши въ соль Юды далъ.
 Молвилъ Христось ов(у)ченикамъ,
 Оляну наперснику: ктожь мое имя продалъ жидамъ?
25. Юда мое имя продалъ жидамъ
 За тридцать три сребреника.
 Вы ня спите, вѣрно, вы чуйте,
 А мои страсти читайте,
 Прискорбной души моей къ смерти
30. Пришло время, придетъ часъ
 Станьте вы, вѣрны, граду отъ васъ.

II. Родъ еврейскій.

- Родъ еврейскій сотворенный.
 Отъ Христа было явленіе:
 Збирались Христа убить,
 Спасителя умертвить,
5. Юды за сребреники отдали,
 Одного Христа взяли
 Привяли Христа ко Пилату,
 Чгобъ на крестѣ быть распяту.
 Пилатъ руки вымушаетъ,
10. Пилы въ руки задаваетъ.
 Постомъ Христа распинали,
 Повелѣлъ вѣнцы отверзати
 Страстей Богу задавати.
 Матерь яго поесомъ узрѣла
15. При частнымъ востомъ явилась:
 «Сыне мой прелюбезный,
 Серцу моему болѣзньвѣйшій».
 Плачемъ же мы вси христіани:
 Терпѣлъ Христось за насъ ради.
20. Слава страстемъ Твоимъ, Господи!

III. Егорій.

А у шастомъ гаду было, въ первой тысящи,
 При томъ царю, при Хосодору императору,
 При той царицы благоувѣрныи,
 При святой Сохоск, свѣтъ премудрыи.

5. Спородила Сохоя три дочери прилибезныи
 Четвертаго сына святаго Егоргія, свѣтъ-прехвабраго:
 По локоть его руки въ красномъ золотѣ,
 По колѣна младенца въ чистомъ сѣребрѣ
 Голова въ младенца въ чистомъ земтюгу,
10. Волоса въ младенца, что ковыль трава.
 Изъ той земли изъ вѣтрныи
 Выступалъ царимше врагъ Демьянише
 Вонъ началъ Чернивъ-городъ пѣтиль—рубиль
 Помощъ помоишь, забирашь у помощъ
15. Три дѣвицы, родны сестрицы,
 Засымалъ за грады за рубежныи
 Приставлялъ ко стаду къ звирному и къ змянному,
 Уносилъ младенца въ свою землю новѣрную.
 Вонъ началъ младенца распраскивать,
20. «Котораго ты роду, какого чину:
 Или царскаго, или боярскаго
 Или тово роду книжавенскаго?»
 Молодой молодецъ возглаголуилъ:
 «Я ни царскаго роду, ни боярскаго, ни книжавенскаго,
25. Я того роду божественскаго,
 Самого Христа, царя небеснаго,
 Самои матеръ—Божіи
 Пресвятой Троицы нераздѣльной».
 Царимше разговаривалъ: «ты повѣронай въ вѣру
30. И ко мнѣ къ царю, къ моимъ врагамъ—дьяволамъ».
 Молодой молодецъ возглаголуилъ:
 «Не повѣрую въ вѣру и къ тобѣ царю
 И къ твоимъ врагамъ—дьяволамъ:
 Я повѣрую вѣру самому Христу, царю небесному,
35. Самои матери Божіей Богородицы,
 Пресвятой Троицы нераздѣльными».
 Злодѣй царемше врагъ-Демьянише
 Повелѣлъ Егоргія размо мучити
 Разно-мучаи разнотычныи:
40. Повелѣлъ Егоргія въ топоры рубать:
 Въ топорахъ лѣзьи приламалися,
 Въ мастяровъ руцѣ опускалися,
 Ясныи очи повращалися;
 Ничаво Ягоргію не вридилося

45. Ягорьево тѣло солилося.
Ягорій святой Христовъ мученикъ.
Царѣище врагъ-Демьянище
Повелѣлъ Ягоргія въ пила пиловать:
Въ пилахъ зубья повтиралися,
50. Въ мастаровъ руцѣ опускалися
Ясныя очи понращалися:
Ничаво Ягоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солѣлося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
55. Повелѣлъ Егоргія по гвоздяхъ водить:
Игвозди къ доскамъ привчиналися;
Ничаво Егоргію не вредилося,
Егоргіево тѣло сѣлялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ
60. Повелѣлъ Егоргія на смолъ варить,
На той смолъ на кипучѣм,
(А спола кипить яко громъ гремѣть)
Егоргій поверхъ смолы плаваетъ;
Онъ стихи поетъ херувимскіи,
65. Онъ гласомъ гласитъ по евангельски, по архангельски.
Ничаво Егоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
Повелѣлъ на Егоргія вскопать погребы:
70. Вскопали погребъ сурока сажень.
Поперечникъ погреба двадцати сажень;
Исадили Ягоргія во глубокъ погрябъ,
Становили древо дубовое,
Прикрывали досками жалѣзными,
75. Прибивали гвоздьми полуженными,
Присыпали песками руто-желтыми.
Самъ собою закапывалъ, приговаривалъ:
Что ни быть Ягоргію на святой Руси,
Ни видать Ягоргію свѣту бѣлаго,
80. Не слышать Ягоргію звону Божьяго,
Звону Божьяго, колокольнаго.
Просидѣлъ Ягоргій ровно тридцать лѣтъ
Еще три года
Явленіе Ягоргія проявилося.
85. Изъ-за города изъ-за Кіева
Всходила туча сильно-грозная,
Съ подъ той подъ тучи сильно-грозыми
Подымалися вѣтры злые-буйныи,
Разносило пѣски руто-желтыи,
90. Изорвало гвозди полуженыи,

Жалѣзны дашетки поразметывало,
Дубовыя дѣла сподвѣлялися.
Выходилъ Ягорій на свѣтую Русь,
Увидалъ Ягорій весь бѣлый свѣтъ,

95. Солнце красное, ясное.

Услыхалъ Ягорій звона Божьяго
Звона Божьяго, колокольнаго.
Какъ пошелъ Ягорій въ Чернивь городъ;
Чернивь городъ разорѣнъ стоитъ:

100. Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Одна стоитъ церковь соборная, богомольная.
И у той церкви соборной, у богомольныхъ
Стоитъ яго матушка родимая—
Святая Сохѣя свѣтъ-мудрая,

105. Молится Богу о своемъ чадѣ объ Ягорію.
Не дождѣчи Ягорій вкореняется, вклоняется:
«Матушка моя родимая,
Святая Сохѣя свѣтъ-премудрая!
Отдай ты мнѣ свое благословленіе:

110. Пойду—вярну дружбу прежнюю
Побью царя Демьянищу».
— Ты пойдѣ, чадо, въ чисто поле,
Возьми сябѣ коня богатырскаго,
За двѣнадцатью чапми жалѣзными.—

115. Ягорій святой Христовъ мученикъ,
По сырѣи зямли походяючи,
Богатырскаго коня посаждаючи.
Какъ слышалъ царь врагъ-Демьянище,
Становилъ заставы великіи:

120. Не пройтѣть Ягорію, ни проѣхати.
Наязжалъ Ягорій на дѣѣ горы, на Хонингорскимъ:
Вотъ еттамъ горамъ возглаголуилъ:
«Вы еси, горы Вохонингорскыи!
Разойдитесь, распространитесь:

125. Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на дремучи лѣса:
Не пройтѣть Ягорію, ни проѣхати.
Вотъ еттамъ лѣсамъ возглаголуилъ:

130. «Вы еси лѣса дрянучи,
Распатнитесь, разступитесь:
Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на лѣбыхъ звярьѣвъ

135. А постѣть звѣрьѣвъ три пастыря
Три дѣвицы, родны сестрицы

- Вотъ етѣмъ дѣвицѣмъ возглаголюе:
 «Вы еси три дѣвицы, родны сестрицы,
 Пойдите вы на Ердань-рѣку,
 140. Вымывайте вы лица свое бѣлыя»: —
 Набралися духу бесурманскаго и паху нивѣрнаго»: —
 Вотъ ета застава миновалася
 Вотъ етамъ звярѣмъ возглаголюе:
 «Вы звѣрьё лютыя, разойдитесь,
 145. Разойдитесь по три, по два, по одному
 По тѣмъ лѣсамъ, по глухимъ степямъ,
 Выходайте вы въ поле по увремену,
 Пейте вы, ѣшьте повелѣное и благословенное,
 Что я вамъ святой Ягорій и благословлю».
150. Вотъ ета застава миновалася.
 Назмалъ Ягорій на люту змию
 А въ люты змий з рота побѣди:
 Не пройтѣ Ягорью, ни проѣхати
 Вотъ етой змии возглаголюи:
155. «Ты еси змѣя, ты еси лютая!
 Разсынься, змѣя, на мелки частя
 Вотъ ты будешь сыта усѣ безѣстное».
 Вотъ ета застава миновалася.
 Назмалъ Ягорій на полаты яго,
160. Обрушилъ стѣну бѣлу-каменну.
 Заслышалъ царенце врагъ-Демьянище,
 Бѣжитъ и изъ Ягорію по звариному,
 Синомъ сиניתъ по зминому,
 Не дошѣди Ягорья, вкореняется, вклонается:
165. «Ягорій святой Христовъ мученикъ,
 Не спомни жъ ты злое-прежнее,
 Не здѣлай мнѣ смерти по татарскому,
 Здѣлай мнѣ смерти христіанское.
 Вотъ дай ты мнѣ строку
170. Хотъ на три гѣда, хотъ на три часа».
 Ягорій святой возглаголюмъ:
 «На дамъ тябѣ строку ни на полчаса», —
 Брагъ царенцу за чарны волосы,
 Выводилъ Демьянищу во, чисто поле,
175. Накладагъ стрѣлу у груди яго,
 Отбилъ яму грудь, сердце и съ печенью,
 Пролилъ его кровъ всю горячую бесурманскую,
 Очистилъ землю свято-русскую,
 Твирдалъ вѣру христіанскую,
180. Самому Кресту, царю небесному,
 Самой Матери Божѣй-Богородицы,
 Пресвятой Троицы нераздѣльной.

- Самъ поѣхалъ во Кіевъ градъ.
 Во городъ во в Кіевѣ
 185. Святой Ягоргій переставился,
 Славенъ намъ, славенъ прославился.
 Великое имени Господне, аминь.

VI. Алексѣй, Божій человекъ.

- Въ славномъ городѣ ва Врымѣ
 Жилъ себѣ славенъ Алѣксѣенъ князь
 Со своею княгиниоу Квландиоу,
 Не ниѣли себѣ отъ роду младенца,
 5. До Божей церкви доходяли,
 Литургію-обѣдию ванкиали,
 Молился Богу со трудами,
 Со горячими со своимъ со слезами:
 «Свѣтъ Пресвятая Мать Богородица!
 10. Ты зазри на наше ¹⁾ моленіе
 На трудное наше богомоленіе,
 На слезное светое прошеніе:
 Создай намъ, Господь Богъ, чада единова
 При младости лѣтъ ва утѣшеніе,
 15. При старости лѣтъ на привозрѣніе,
 При послѣднемъ концу на спомевъ души».
 Но Божьему было повелѣнію,
 По ихъ трудному богомоленію,
 По ихъ святомъ слезномъ прошенію
 20. Забременѣла княгениа отъ Духа Святаго ²⁾,
 Забременѣвши княгениа споносла,
 Споносѣвши княгениа спородила.
 Алѣксѣенъ князь радовался,
 По Врыму граду походялся
 25. Патрарховъ, священниковъ въ домъ зазываетъ,
 И княгини молитву сотворяетъ,
 Своему чаду ния нарекаетъ:
 Нарекали ему ния насветое,
 Что святое ему ния звать Алѣксѣемъ
 30. Свята Божаво человекъ.
 Будетъ Ляксѣй ва возвращеніи,
 Будетъ Ляксѣй въ семь лѣтъ отъ роу,
 Отдавалъ яго батюшина до школе,
 Государыня мать до святой науки.
 35. Скоро Алѣксѣй грамотѣ завчился,

¹⁾ Сначала говорилъ: „моѣ“.

²⁾ Отчетливо слышно „аго“.

- Скоро во писанья заучился,
 Скоро вонъ пироги сталъ писать.
 Не столько Алексѣя вчителѣ вчили,
 Побольше Алексѣй вчителевъ знаетъ:
40. Онъ старыя нѣниги на память читаетъ
 Новыя книги самъ составляетъ.
 Вышло Лексѣю лѣтъ восемнадцать,
 Бралъ яго батюшка изъ школы,
 Государыня мать изъ святой науки;
45. Пожелалъ яво князь батюшка жанити,
 Государыня мать яво обручить,
 Молодую книгину къ нему приручить.
 Алексѣй жанит(ь)ся не желаетъ,
 Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
50. «Не создай мене, Господи Богъ, на согрѣшенъе
 Создай менѣ, Господи Богъ, души спасенье,
 «Не жани мене, батюшка, жаномъ,
 А жани ризой чернѣю».
 Отецъ Алексѣя не нослушалъ:
55. Приручали къ нему книгину молодую,
 Понесли Лексѣя въ Божу церковь,
 Становили Алексѣя на попарти,
 Среди церкви на бѣлой бумази,
 Золотыя вѣнцы на нихъ вкладали,
60. Золотыми перстнями обручались,
 Перепойною чашею спивались,
 Сахѣрными устами ликовались,
 Златыми вѣнцами повѣнчались;
 Налевали Лексѣю единую чашу,
 Алексѣй единой чаши не спе(sic)ваетъ
65. Самъ себѣ думаетъ-гадаетъ,
 У Господа милости упрошаетъ:
 «Ты свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Ты возри, возри на моленъе,
 На мое трудное богомоленъе,
70. На мое свято-слезное прошенъе:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе
 Создай менѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Повели Алексѣя съ Божей церковъ ¹⁾
 Въ яво бѣлы камешныя полаты,
75. Сажали Алексѣя за трапѣзу,
 За яго столами, за скатертями берчатыми.
 Становили Лексѣю хлѣба-соли,
 Наливали Лексѣю единую чашу.

¹⁾ sic!; есть и даже то же.

Алексѣй одной чаши не спиваетъ

80. Самъ о себѣ думаетъ гадаетъ:
Отъ отца, своей матери радости слушаетъ ¹⁾:
«Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Во второмъ часу было ночи,
85. Соѣзжались къ Алексѣю князь-бояре,
Всѣ православные крстіане,
Даряли Алексѣя златомъ-серебромъ;
Алексѣй злато серебро принимаетъ,
По церквахъ по Божиихъ разсылаетъ,
90. По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
По нищихъ по вбогихъ раздаряетъ,
А самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай мене, Господь Богъ, ни согрѣшенъе,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
95. Въ шастомъ часу было ночи
Повели Алексѣя до покою
До его до бѣлой каменной ложки.
Алексѣй на ложницу не ложился,
Горючими слязами облася:
100. «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты возри, возри на вмоленъе,
На мое трудное богомоленъе,
На мое слезное святое прошеніе:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенъе,
105. Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Речѣтъ Алексѣй обручной княгини:
«Княгиня ты моя обрученная,
Княгиня ты моя возлюбленная!
Пойдемъ мы съ тобой въ страдъ Божій,
110. Помолнимся Богу за отца-матерю,
За отца-матерю зарѣднуу,
За тебе кнегиню молодую».
Княгиня тотчасъ ему ясмолчала,
Ни твѣту-привѣту не сказала.
115. Скидалъ Алексѣй съ себе дорогую адежду,
Надѣвалъ Алексѣй чѣрную рису,
Скидалъ Алексѣй шѣлковый поесь,
Съ правой руки золотъ перстень,
Отдаетъ Алексѣй обручной кнегини:
120. «Вотъ тебѣ, кнегиня, шѣлковый поесь,
Съ правой руки золотъ перстень;
Молися ты Господу, трудися

¹⁾ Стихъ не на мѣстѣ?

- За память Алексѣя Божья человѣка¹⁾.
 Самъ погрелъ Алексѣй въ отрадѣ Божей,
 125. Погрелъ Алексѣй въ страдѣ Божій, не сказался,
 Не сказался Алексѣй отцу-матери,
 Не признался Алексѣй обручной книгини.
 И доходилъ Алексѣй до синяго моря,
 Становилась на морѣ тихая погода,
 130. Садился Алексѣй на корабель,
 Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ святой
 Къ городу славному къ Русалому.
 Доходилъ Алексѣй въ Божій церковь,
 Становился Алексѣй на поцърти,
 135. По правую сторону за двери.
 Молится Богу со трудами
 И съ горючими своими слезами:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 Ты возри на мое моленье,
 140. На мое грудное богомоленье
 И на слезно-святое прошенье:
 Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
 Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
 Речѣтъ Алексѣю Мать-Богородица:
 145. — Достоинъ Алексѣю въ церкви быти,
 Достоинъ ты, Алексѣй, обѣдию служити,
 Пришелъ рабъ Божій Богу молиться
 За младости лѣтъ Алексѣй потрудиться;
 Достоинъ Алексѣй въ церкви стояти,
 150. Достоинъ Алексѣй книгу читати.
 Игряди жъ ты, Алексѣй, въ свою сторону,
 Въ свой славенъ въ Рымъ городъ
 Къ отцу къ своему, князю къ Алхмѣюну,
 Къ своей матушки Евланиды
 155. И возри жъ ты, Алексѣй, свою обручну книгину;
 Таперь тебе вотець-матушка не вознаеть,
 Таперь тебе не вознаеть обручна книгиня.—
 Речѣтъ Алексѣй Мать-Богородицы:
 «Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
 160. Какъ же мнѣ въ свою сторону пойтати
 И въ свой славенъ Рымъ городъ,
 И къ отцу князю Алхмѣюну
 И къ своей матушки Евланиды?
 И какъ же мнѣ зазрѣть обручную книгину?
 165. Таперь мене отецъ-матушка вознають,
 Таперь мене сознають обручная книгиня».

¹⁾ Два стиха забыты; позднѣе добавлено пѣвцомъ и указано мѣсто ихъ.

- Не хотѣлось Алексѣю зъ Русалима итить:
За слезами евангелѣя не возвидить,
За рыданьемъ слово не можетъ промолвить (sic!)
170. Погрѣлъ Алексѣй зъ града Русалима,
Доходилъ Алексѣй до синяго моря.
Становилася на морѣ тихая погода,
Садился Алексѣй на карабель,
Съ радостью Богу помолился,
175. Горючьми слезами облился:
«Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Зазрижь ты, зазри на мое моленье,
На трудное богомоленье,
На слезное святое прошенье;
180. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ Святой
Въ свою сторону къ славному граду ко Врышу.
Доходилъ Алексѣй въ славенъ Римъ градъ
185. Къ отцу своему князю Алхмѣюну,
Къ своей матушки Евланиды,
Зазрѣлъ Алексѣй обручну княгиню:
Ни тецъ его матушка не вознала,
Ни сознала его обручная княгиня.
190. И погрѣлъ Алексѣй къ Божей церкви,
Становился Лексѣй съ нищей братію,
Молятся Богу и съ трудами
Съ горючьми своими со слезами:
«Свѣтъ-пресвятая Мать Богородица,
195. Зазри ты, зазри на мое моленье,
На мое трудное богомоленье,
На святое слезное прошенье:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
А создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
200. Мѣръ съ храма выступаетъ,
По нищихъ милостину раздаряетъ,
Просилъ Лексѣй міра милостину,
Алексѣя тѣ златомъ-серебромъ надѣляютъ.
Алексѣй злато-серебро прѣмаетъ,
205. По нищихъ, по вбогихъ раздаряетъ,
По церквахъ по Божиимъ разсылаетъ,
По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
210. Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Грядетъ съ Божей церкви Алхмѣенъ князь,
По нищихъ милостину раздаряетъ.

- Доходила Алхимъѣнъ князь до нищаго странника;
Нищій странникъ князю вклонился,
215. Покорнымъ словомъ вворился
И речётъ нищій странникъ князю Алхимъѣну:
«Алхимъѣнъ, князь милостивый,
Государь ты нашъ батюшка милосердый,
Создай ты мнѣ страннику милостину
220. За память свое чада Алексѣя,
Снята Божьяво человека».
Стоючи князь прослезился,
Горючими слезами облился:
— Что ты, странникъ, не радостно мнѣ возвыщаешь
225. Про мое чада про Лексѣя?
Самъ я въ свѣтъ не знаю,
Гдѣ мой чада проживаетъ?
Которымъ нужды принимаетъ?
Почему жъ ты мое чада Алексѣя знаешь,
230. По имени называешь?—
«Алхимъѣнъ, князь милостивый,
Государь ты нашъ батюшка милосердый,
Какъ же мнѣ твое чада Алексѣя не знати,
По имени не называти?
235. Въ единой мы шлои съ нимъ обучалися,
Одного рукописанья съ нимъ занимались,
Однимъ перомъ съ нимъ писали,
Ядкую книгу съ нимъ мы читали,
Новыя книги мы съ нимъ составляли,
240. Съ единого блюдца пужбли,
Съ единой чаше спивали,
На единой ложнице спочевали:
Потому я твое чаду знаю,
Алексѣя по имени называю».
245. Стоючи князь прослезился,
Горючими слезами облился:
— Нищій ты, нищій, странникъ Божій,
Чѣмъ мнѣ, странникъ, тебе подарити,
Хлѣбомъ и солью покормить
250. Ащѣ златомъ-серебромъ наградить?—
«Алхимъѣнъ князь милостивый,
Государь нищѣ батюшка милосердый,
Не желаю твоей хлѣбе-соли,
Не желаю злата-серебра.
255. Построй ты мнѣ, страннику убогому келью,
Подальше ¹⁾ отъ сволхъ пуховаренъ

¹⁾ Не наоборотъ ли? Облился?

- И поближе къ своимъ каменнымъ палатамъ
Частымъ переходамъ».
- Стоючи князь прослезился,
260. Горючими слезами облился:
— Нищій ты, нищій, странникъ Божій.
Есть у мене келья готовая
Подальше отъ моихъ каменныхъ полатовъ,
Частыхъ переходовъ,
265. Поближе къ моимъ куховарамъ.—
Куховары посуду спонували,
Изъ помоны въ келью изливали.
Но на это Ляксѣй не гнявился,
Съ радостью Богу помолился,
270. Горючими слезами облился:
«Свѣтъ пресвятаѣ Богородица,
Ты зазри жъ ты на мое моленье,
На трудное богомоленье,
На смятое слезное прошенье:
275. Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Сздай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Погрѣлъ Алексѣй въ святу келью
И молился вонъ Господу, трудился,
Трудился вонъ ровно тридцать лѣтъ,
280. Ровно тридцать лѣтъ и три гола,
Скушалъ Алексѣй скромную пищу,
Скромную пищу въ ядѣлю просвиричку,
Важную ятинку сповѣдался,
Важной суботы приобщался.
285. Какъ слышалъ Алексѣй животу сконченье,
Какъ прозналъ Алексѣй свое преставленье,
Писалъ Алексѣй рукописанье,
Писавши преставленье писалъ похождение ¹⁾,
Писавши похождение переставлялся.
290. Въ славномъ городѣ во Врымѣ
Святымъ Духомъ ладаномъ зпахло,
Отъ Свята-Духа звоны зазвонились,
Отъ Свята Духа церкви растворялись,
Отъ Свята Духа книги зачитались,
295. Отъ Свята Духа свѣчи затеплялись.
Слуги до князя доступаи,
Алхимьѣну князю возвѣщали:
«Алхимьѣнъ князь милостивый,
Государь нашъ батюшка милосердый,
300. Вотъ въ нашемъ увъ городѣ славномъ въ Рымѣ

¹⁾ По ошибкѣ сперва сказалъ „рукописаніе“.

- Святымъ Духомъ ладаномъ запахло,
 Отъ Свята-Духа звона зазвонилися,
 Отъ Свята-Духа церква растворялася,
 Отъ Свята-Духа книги зачиталися,
 805. Отъ Свята-Духа свѣчи затеплялися.
 Вотъ у нашихъ у градѣ святой народился,
 А нѣтъ—въ нашемъ у градѣ святой переставился».
 — Что въ нашемъ градѣ проявилоса: какіе чудеса?—
 Подымался Алхимьѣнъ князь съ священнымъ соборомъ:
 310. — И не тотъ ли ето странникъ, который у меня въ кельи?
 И погрелъ Алхимьѣнъ князь къ святой кельи:
 Отъ Свята Дух' кельня растворялася,
 Отъ Свята-Духа книга зачиталася,
 Отъ Свята-Духа свѣча затеплялася,
 315. Ложить рукописанье на святыхъ мощахъ.
 Хотѣлъ патріархъ рукописанье взять,
 И хотѣлъ прочитать:
 Не вдалось рукописанье читать патріарху,
 А вдалось рукописанье князю Алхимьѣну.
 320. Речётъ Алхимьѣнъ князь святымъ мощамъ:
 — Мощи вы, мощи святымъ,
 Святыя вы мощи переставлёнными,
 Явите мнѣ свое похождение.—
 Началъ Алхимьѣнъ князь рукописанье читать,
 325. Явилъ чудеса всему міру,
 Дочелся Алхимьѣнъ князь до своего чады,
 На себѣ волосы порываетъ,
 На сыру мать-землю бросаетъ.
 Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
 330. Гробницу руками обнимаетъ,
 Горючими слезами обливаетъ:
 — Гдѣ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 Бѣ чаму ты мнѣ, чадо, не сказался?
 Построилъ бы я тебѣ келью не такую,
 335. Построилъ бы я келью золотую;
 Подальше отъ своихъ куховаровъ,
 Поближе къ своимъ каменнымъ полатямъ,
 Бѣ частымъ переходамъ!—
 Заслыжала княгиня Евланида,
 340. Грядётъ въ святымъ мощамъ слезно плачетъ,
 Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
 Гробницу руками обнимаетъ,
 Горючими слезами обливаетъ:
 «Гдѣ жъ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
 345. Чаму жъ ты мнѣ чадо, не сказался?
 Ишла бѣ я тебе взять въ домъ свой,

- Кормила бѣ я, поила своимъ кочтомъ,
Носилъ бы въ насъ ризы не простые,
Носилъ бы ты въ насъ ризы золотые,
350. Могла бѣ я сама спостыться и тебѣ съ собой,
Спостылся бы съ тобой, чадо, умѣсти!»
Какъ слышала его обручная княгиня,
Грядеть къ святымъ мощамъ, слезно плачетъ,
Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
855. Гробницу руками обнимаетъ,
Горячими слезами обливаетъ:
«Гдѣ жъ ты, другъ мой, князь, долго жилъ-трудился?
Чаму жъ ты, другъ мой, князь, не сказался?
Мѣла бѣ я къ тебѣ въ кельи приходати,
360. Чистою адежду привносити,
И молился бы съ тобою Господу, трудился двое,
Ни тецъ бы насъ матушка не возяли!»
Если святыя мощи въ погребенье.
До святыхъ мощей князя миръ не допускаетъ;
365. А князь златомъ-серебромъ миръ рассыпаетъ,
Не глянулся миръ на злато-серебро,
А глянулся миръ до святыхъ мощей.
Атъ святыхъ мощей было испомощенье:
Нищимъ давалъ Господь Богъ прозрѣнье,
370. Безногимъ давалъ Господь Богъ ногамъ похождение,
Безрукимъ давалъ Господь Богъ рукамъ владенье,
Глухимъ давалъ Господь Богъ прослышенье,
Нѣмымъ давалъ Господь Богъ языку утверженье
Скарбѣнымъ—болѣзнымъ исцѣленье.
875. Отъ святыхъ мощей міру на многое-лѣтіе,
Отъ святаго Алексѣя, Божіаго человѣка.
Святымъ мощамъ славу поемъ,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава не минуется,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава прославляется
380. И во вѣки вѣковъ, аминь.

У. Два Лазаря.

- Жилъ былъ славенъ человѣкъ богатой,
Вонъ пилъ-ѣлъ сладко, ходилъ хорошо,
Дорогѣ одежды небогачъ надѣвалъ,
Про мѣлость про Божью ничѣво не давалъ.
5. Нищій былъ хворы, лежалъ во гною,
Передъ богачомъ, передъ воротни яво.
Вышелъ богатый самъ за ворота,
За нимъ вышла челядь—гордая раба.
Доходятъ богатый проти Лазаря,
10. Закричитъ Лазарь громнымъ голосомъ:

- «Братецъ мой, братецъ, сильнѣй-богатѣй!
Создай мнѣ братецъ хлѣба и соли,
Про милость про божью напои-накорми;
Не я тебѣ заплачу: Господь, царь небесный.
15. Гдѣ жъ твоей души лучи надо мной»
Грозное словечко богачъ отказалъ:
—Ляжишь ты, Лазарь, у гнаю,
А смердуешь отъ тебе надо мной, какъ лютой песь.
Ты не называйся братомъ моимъ.
20. Есть у меня братья такой, что я самъ.
У мене много золота серебра,
Сильнѣе имѣнія богатства тьма.
Вотъ я не вбоюсь ничѣмъ ничаво:
Отъ Господа Бога златомъ откуплюсь,
25. Отъ злого челоуѣка судомъ отоидусь.—
Плюнулъ на Лазаря, самъ прочь пошелъ,
Велѣлъ за собой воротъ замкнуть.
Не было въ богатого ни Божей души,
Не кому до Лазаря взмилостиваться,
30. Не кому Лазарю хлѣба-соли дать;
Было въ богатого два лютые псы:
Оны по подстоличью хаживали,
Мелки крошечки собиравали,
Ко вбогему къ Лазарю принашивали;
35. Вотъ тѣмъ его душу въ тѣлѣ пропитывали,
Гноющія раны зализывали,
Страшное тѣло заживлявали.
Помолится святой Лазарь Господу;
«Господи Боже мой, Спасъ милосливый,
40. Выслушай, Господи, молитву мою:
Принимай мою душу до хвалы къ себѣ,
Сосли по мою душу грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ, страшныхъ, не тихихъ, не милосливыхъ.
И тѣло моя душа насквернилася,
45. И тѣло вабогѣлося,
Голодомъ-холодомъ настрадалося,
Скорбности-болѣзности намучилось,
Богачомъ въ гною належалось,
Страшного сквернословія наслухалось».
50. Самъ Господь выслушалъ молитву яво,
Сослалъ Царь небесный святыхъ ангеловъ,
Святыхъ, частныхъ, милосливыхъ, тихихъ, смиренныхъ,
По Лазареву по душу яво ¹⁾;
Вынули душу изъ Лазаря,

¹⁾ Обмолвился „мою“, но поправился.

55. Огдѣли душу къ Богу въ рай,
Въ святому къ Авраамію на явленіе.
Мало времячко тотъ часъ изгода,
Случалось богатому мсь путя ити,
Не дошелъ богатой до своѣо двора,
60. Не вызрилъ богатой ни шаны, ни дѣтей,
Не вызрилъ богатый ни Бога, ни людей,
Не вызрилъ богатый ни злата-серебра,
Сильного имѣнія и богатства тѣма зъ своѣо двора;
Вышла на богатого сильна хворобѣ,
65. Божецкая гнѣвность вродилная.
Напоинилъ богатый о болѣзни своѣи,
Ложучи богатый молитву творилъ,
Вспоминилъ богатый Господа Бога:
—Господи Боже мой, Спасъ милосливый,
70. Выслушай, Господи, молитву мою:
Примай мою душу до хвалы къ себѣ.
Сосли по мою душу святыхъ ангеловъ,
Святыхъ, частныхъ, милосливыхъ, тихихъ, смирныхъ,
По богачеву по душу мою.
75. И вжѣ моя душа внила-въѣла,
Хорошо сходила, много злата-серебра насчиталась,
И разныхъ вѣтковъ вѣѣшалась,
И тѣло украсовалось,
Дорогими едежды поносилось,
80. Сладкихъ наѣдковъ накуѣлось.
Дорогихъ напнтковъ напивалось. —
Самъ Господъ выслушалъ молитву яво;
Сослалъ Царь небесныхъ грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ, страшныхъ, немилосливыхъ, не тихихъ, не смирныхъ,
85. По богачеву душу яво:
Вынули душу изъ богача скрость ребра его,
Отдали душу въ пекельный огонь,
И вверзали въ злую муку предвѣчельную.
И взрѣть богатый изъ муки въ рай,
90. Заузрѣть богатый Авраамья въ рай,
Близко зъ Врамія брата Лазаря,
Закричить богатый громнымъ голосомъ:
—Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
Замочи въ синемъ морѣ свой мезерный пѣротень,
95. Закропай, брату, сахарны уста,
Злою ту муку предвѣчельную,
Чтобы мене мнионался пекельный огонь,
Злая мука предвѣчельная. —
«Братецъ мой, братецъ, сильной-богатой!
100. Радъ бы я тебе братомъ нарекать,

- Сахарнымъ усты закропая,
 Не здѣсь не моя воля—все Божецкая.
 Въ тебѣ много злата серебра,
 Сильного имѣнія богатства тѣма:
105. Вотъ тѣмъ себѣ откупить отъ пламя отъ огня,
 Отъ злой отъ муки предвѣчныя,
 Въ царство небесное златомъ вкупить». —
 Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
 Таперь въ мене нѣту ничѣмъ-ничаво,
110. Все мое злато-серебро прахомъ взялось,
 Сильное имѣніе разнымъ разнисяло,
 Все мое богатство на земли zostалося. —
 Братецъ мой, братецъ, сильный богатой!
 Спомнишь ты, братецъ, не забудешь,
115. Какъ мы жили-были въ вольномъ свѣтѣ:
 Едина насъ матушка двоихъ родила,
 Не одну долю Господь намъ далъ:
 Тебѣ Богъ далъ богатства-тѣма,
 А мнѣ Богъ за вбожество рай.
120. Зачѣмъ мы съ тобой, братъ, не въ справдѣ жили?
 Какъ ты мене Лазаря за брата не мѣлъ,
 Про милость про Божью не помѣлъ не кормилъ,
 Хлѣба-соли не создавалъ,
 Темницъ сѣдящихъ не просвѣщалъ,
125. На пути, на мѣстѣ не подавалъ,
 Заблудящимъ рабомъ пути не указалъ,
 Нищихъ убогихъ не помѣлъ ни кормилъ,
 Отъ темныя ночи не сукрывалъ,
130. До Божей до церкви мертвое тѣло не провожалъ,
 До Божей до церкви не хождалъ,
 Про милость про Божью не создавалъ,
 Чудовного вобраза не сукрашалъ,
 Ничѣмъ себѣ царства не наследовалъ». —
 Братецъ ты мой, братецъ, Лазарь святой,
135. Кабы жъ я зналъ-вѣдалъ муку надъ собой,
 Я бъ тебе, Лазаря, за брата мѣлъ,
 Про милость про Божью кормилъ-помѣлъ,
 Хлѣба и соли создавалъ бы,
 Темницъ сѣдящихъ просвѣщалъ,
140. На пути, на мѣстѣ подавалъ,
 Заблудящимъ рабамъ пути указалъ,
 Нищихъ убогихъ кормилъ бы помѣлъ,
 Отъ темныя ночи бы скрывалъ,
 До Божей до церкви въ мершее тѣло провожалъ бы,
145. До Божей до церкви дохождалъ бы,
 Про милость про Божью создавалъ бы,

- Чудовного вобраза съукрашалъ бы.
 Вотъ я бѣ себѣ царства наслѣдовалъ—.
 Стаялся богатый не во время,
 150. Когда было времячко минулося.
 «Аминь, аминь, что Богъ тебѣ далъ,
 Тамъ, богатый братъ владай».
 Идѣ святые ангелы ликъ ликуютъ?
 Ликуютъ ангелы ликъ на земли,
 155. Царствуютъ праведныи на небесахъ.
 Мы святому Лазарю славу поемъ:
 Во вѣкъ ему слава не минуется,
 Во вѣки во славу прославляется.
 Аминь, аминь, что Богъ ему далъ.
 160. Создай же, Господь Богъ, всему міру прекрасенъ рай.

VI. Михаилъ-архангель.

- Когда прійдетъ время-жистъ послѣдняя,
 Грѣшныи мы думаемъ разсужденіе.
 И праведнымъ быть рай-спасеніе.
 Со востоку солѣцу, на западѣ,
 5. Тамъ протечетъ рѣчка огненна,
 За той за рѣкой за вогненною
 Тамъ стоитъ архистратигъ Михаилъ
 Со своихъ съ двѣнадцатьми ан'столами,
 Со янгелами, со архангелами,
 10. Переводить души праведныхъ,
 Черезъ ту ряку вогненну,
 Бѣ своёму небесному царствію:
 «Идите, мои христілюбзмии души,
 Преступитесь у Бога, праведны,
 15. Бѣ своёму небесному царствію:
 Уготовлено вамъ царство небесное,
 Горять вамъ свѣчи вѣвѣшными,
 Уготованы ризы невзносимыи.
 А вы пошли прочъ проклятыи,
 20. Подите вы прочъ беззаконныи рабы,
 А въ тѣи пропасти сыроземляныи,
 Горять вамъ огни злые невгасимыи,
 Смола вамъ кипитъ неутолимая».
 Расплачутся многогрѣшныи души,
 25. Разрыдаются беззаконныи рабы:
 —Увидѣ-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
 И вослышь, судья праведный!
 За что насъ отъ раю отсылаешь,
 Отъ своего царствія небеснаго?

30. Чаму не тыя душы хрысціянскі былі?—
 Какъ возречеѣ архистратигъ Михаилъ,
 Возглаголюеть судья праведный:
 «Хотя жъ бы вы душы хрысціянскі былі,
 Въ чѣмъ Божей воли не творили?»
35. За крестъ за молитву не стояли,
 Не жѣли ни среды, ни пятницы святой,
 И на третьяго дня воскресенія,
 Вечерни на вулицяхъ прогуливали,
 Вутреню въ постеляхъ пролеживали,
40. Абѣдню за столомъ прасаживали,
 Судили суды не по праведному,
 И праведный судъ виновачивали,
 А зиннаго правымъ наставляливали,
 Вы брали зъ нихъ казну нечислѣнную суму (sic),
45. Топили казну въ сыру мать-зямлю.
 Вотъ на ту кару черъ вамъ неусыпучая,
 Вотъ вамъ грѣшнымъ по дѣламъ будетъ». .
 Какъ расплачутся многогрѣшныя души
 И разрыдаются беззаконныя рабы:
50. «И увидь-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
 И увидь-услышь, судья праведный,
 Бери жъ ты зъ насъ много злата-серебра,
 И побольше того чистаго земчугу». —
 Какъ ввзречеѣ архистратигъ Михаилъ,
55. Возглаголюеть судья праведный:
 «Здѣсь судья некупная живетъ,
 Ненапрошенная, не радуется злату-серебру,
 И побольше того часту земчугу,
 Здѣсь судья у Бога праведная».
60. Какъ бы душу спаств съ постомъ, зъ молитвою,
 И въ рай войти въ святой милостивомъ.

VII. Михаилъ-архистратигъ.

- Плачемъ же мы възрыдаемъ,
 На смертний часъ помышляемъ.
 И придетъ послѣднее житье-время:
 Земля-небо испотрясѣтся,
5. Каменное все распадегся,
 Завѣсы престоло разрушатся,
 Солнце и мѣсяцъ померкнутъ,
 Часты звѣзды на землѣ скатятся,
 Луна вокругъ призатворится.
10. Тогда насъ на свѣтъ не будетъ,
 Пройдетъ рѣка огненая,

- Пожретъ вона тварь всю земную,
 Михайло архангелъ съ неба сойдесть,
 На Сіанскую горуъ взойдетъ
 15. Въ семигласную трубу вострубить,
 Живыхъ мертвыхъ отъ гроба возбудить.
 Мертвыи отъ гроба повостануть,
 Въ единый ликъ Господу превозбудуть,
 И праведнымъ Господи возглаголунтъ:
 20. «Идите, мои христолюбивыи:
 Вготовлено вамъ царство небесное
 Отца нашего Бога-Салаова».
- А грѣшнымъ Господь возглаголунтъ:
 «Пошли прочь, проклятые,
 25. Въ ты пропасти сыро-зянины.
 Гарять вамъ огни неугасимые,
 И смола кипитъ неуголима,
 Черь зла несмыпучая».
- И праведнымъ души грядуть, веселятся,
 30. А грѣшнымъ души, къ Богу возопіавши,
 Ко Господу гласъ свой испущаютъ:
 — Ты вослышь, самъ небесный Царь,
 За что ты насъ отъ раю высылаешь,
 Отъ царства небеснаго?—
35. А грѣшникамъ Господи возглаголунъ:
 «Какъ жили вы были на вольномъ свѣтѣ,
 Воли Господней не творили,
 За хрестъ, за молитвы не стояли,
 За память Господню преступали,
 40. Законы разлучали,
 До Божей до церковь не хоуждали,
 Велики говѣиы не говѣли,
 Тайны Господнихъ святыхъ не принимали,
 Читанія Божья не вслушали.
45. Я зъ Дѣвы народился,
 Два дни былъ на распятіи
 Не ради душъ вашихъ согрѣшенья,
 Для ради душъ вашихъ спасенья,
 Душу спасти съ постоумъ, з молитвами
50. И въ рай сойтить святый милостивною».
- Славень Богъ, славень прославиленъ.
 Велико имя Господне, аминь.

VIII. Плачь Іосифа.

Кому поемъ печаль, кого призовемъ къ рыданію?
 Господи, создатель мой, сповѣдай печаль мою.

- Печаль моя несносная,
Плакалъ бы бѣ я день и ночь возгредавъ,
5. Всякой часъ, всякое время.
Кто бѣ не далъ съ неба сточивка слезъ,
Съ неба голубицу летающую, возвѣщающую,
Послалъ бы я къ своему отцу къ Зравелю:
Отче отецъ Зравеле!
10. Твои дѣти мои братья,
Оны были мене, въ рову кинули,
За волосы зѣ рову вынули
Запродали мене въ тую зямлю Египетскую,
Къ тому царю Хараонскому.
15. Случилось же ему мимо ѣхати,
Идѣ сногребена Графелъ, мати моя,
Пейду воиду на сыру зямлю,
Пролью слезы къ Господу Богу;
Разстущая матъ сыра-зямля,
20. Ты воскреси гробова доска,
Стань, проснись Графелъ мати-мои
Отъ своего-то умершаго сну.
Спознай своего сына, свѣтъ-Восихва,
Что былъ я въ тебе любимый сынъ,
25. Распрекрасный, свѣтъ-Восихвовъ.
Славу ему и держава и во вѣки вѣковъ, аминь.

IX. Рождество.

- Христосъ Богъ Спаситель съ вѣрными просвѣтился.
Народился Христосъ Богъ Спаситель во Хлемъинѣ,
Въ той стороны къ Юдѣцкой,
Зволилъ къ вертепы къ Богу пребыть
5. Спасенію нашему вради.
Царь Иродъ хотѣлъ Христа убить,
Посылалъ своихъ волхвовъ къ Богу спытать.
Съ востоку звяздою путь проводили,
Приходили волхвы къ Богу съ поклоненьемъ,
10. Принесли Христу чѣстные дары.
Принялъ Господь милосердный за всю свою блягу.
Ты еси нашъ Богъ надъ богами,
Ты еси нашъ Царь надъ царями.
Безсмертный вѣнецъ на главу спримали,
15. Мы жъ тебя Христа возвеличали.
Господи, слава Тебѣ!

Х. Сонъ Богородицы.

Святой сонъ Богородицы снмъ явился:

Мати Марія, Дѣва святая,
Съ вечера Мати мало спала,
Нимножко во сну видала

5. И про свою чаду про святую:
Въ славномъ городѣ во Хлемъинѣ
Кабы я себѣ чадью споврадила,
Пеленами меня спеленила,
Шалковымъ поесомъ совивала,
10. Золотою ризою скрывала.
И въ славномъ городѣ въ Русалинѣ,
На святой рикѣ ва Ердани,
На Сіанской горы на вертепѣ
Выросло жъ тамъ древо снятое,
15. Что святое тамъ древо киппаресово,
Что ва томъ святомъ древу на киппаресову,
Превосуденъ твой престъ, сынъ явился.
Онъ явѣвши самъ проколвился:
«Свѣтъ-мати Марія, Дѣва святая,
20. Вотъ я самъ твой сонъ знаю
Со вонистину разсужаю:
Что быть мнѣ, матушка, на престѣ распятому,
Быть сбавленной муки свронавлену,
А тярнову вѣнцу ва главу возложеному,
25. А тростѣмъ по главѣ разбѣенному,
А въ ребра копѣмъ сокрушенному
А крови моей святой быть пролитой». Расплачется Мать Марія,
Разрыдается Дѣва-святая:
30. — Прелюбимый мой сынъ, царь небесный,
Безвинную муку принимаешь,
Пресвятую кровь проливаешь!
На кого меня, Дѣву, споручаешь?
Кому на дозрѣніе оставляешь?—
35. Что прорекъ самъ Иусъ Крестомъ:
«Не плачь-не рыдай, Матв-Марія;
Не ядину я тебе, матушку, споручаю,
Не ядину пресвятую оставляю:
Споручаю, оставляю: ва святого Яна,
40. А ва святого Яна Богуслова,
Ащѣ на того друга Христова». Нарекала его Мать вторымъ сыномъ—Иусомъ Крестомъ.
Егда Иуса Креста тѣло соймутъ,

- Кровь Его святую разольютъ,
 45. Его погребенье за всѣхъ будетъ
 И, моя мать, изъ мертвыхъ, животь вѣчный.
 Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасенье,
 Безвѣрнымъ на вѣчную муку.
 А третій день отъ гроба воскреснетъ,
 50. Самъ на небеса возносился
 Со честнѣющими херувимами,
 Со славнѣющими серафимами,
 Съ збранными матерями со святыми.
 Что изъ мертвыхъ, матушка, усопавши,
 55. Самъ ко тебѣ съ неба сойду,
 Самъ твою душу превпокою,
 А въ царствѣ небесномъ и соборѣ,
 И гдѣ святые ангелы ликъ ликуютъ,
 А стрепещить небесная сила,
 60. А съ трепѣтомъ стоять предъ престолами,
 Лица крылами ликъ воскрываетъ.
 Всяво было во градѣ во Русалимѣ,
 Во святой Божіей церкви за престоломъ
 Погребеніе мощемъ со святыми.
 65. Погребши къ мощамъ преклонюся,
 Поклонѣвшись съ матушкой попрашуся:
 Ты прости, прости, моя Богородица,
 Ты прости, Дѣва пресвятая.
 Выпишу твой ликъ на иконѣ
 70. И поставлю твой образъ на престолѣ
 Въ святой Божей церкви, во соборѣ
 Передъ чудовными образами,
 Передъ царскими воротами;
 И туда будутъ мѣръ-народъ прилождасть,
 75. Службу молебны нанимать,
 Земляные поклоны съуклонять,
 И тебе, Мать пречистая, возвеличать,
 Во вѣкъ Иисуса Христа міромъ проглавлять.

Ктожь етой сонѣ, стихъ Божей, перепомнить, онъ будетъ отъ муки
 збавленъ предвѣчный. Ктожь етотъ стихъ Божей выслушаетъ, Господь
 Богъ грѣховъ збавляетъ, наследовать будетъ царству небесному, достоинъ
 будетъ авраѣу пресвѣтлому. А мы воспоемъ: аллилуя!

XI. «Иже нашъ Христосъ Богъ Иисусъ».

(Распятіе).

Единный лукавый былъ Вуда,
 Запродалъ Христа Бога на распятіе

И въ святое древо кипарисово.

Расплатится мать Божья Марія:

5. «Прелюбезный мой сынъ, Царь небесный,
Безвинную муку принимаешь,
За миръ кровь святую проливаешь!»
— Не плачь, не рыдай, Мать Божья Марія,
Эта моя мука-смерть—животъ вѣчный.
10. Богъ вѣрнымъ даруетъ ва спасенье,
Безвѣрнымъ ва муку вѣчную.
Восприму ету муку самъ за вѣру,
За всѣхъ православныхъ христіанъ.—
Слава Тебѣ, Христе, Боже нашъ!

ХІІ. Двѣнадцать пятницъ.

Придите убо, братья, послушайте,
Что въ ангельской книги написано:
Двѣнадцать пятницъ въ году спостовать:

1-я пятница великая въ году послѣ сырной недѣли на Федоровской недѣлѣ: Кто въ ту пятницу постовать будетъ, съ постомъ со молитвою, того человѣка отъ страшной смерти скорой постижной сохраненъ будетъ Господь, Богъ святой, помилуется.

2-я пятница великая въ году... противъ Благовѣщенія... того человѣка отъ нутреней болѣзни сохраненъ будетъ... ¹⁾

3-я пятница... противъ пресвѣтлаго Воскресенія... того человѣка отъ трасучей болѣзни и припадку сохраненъ будетъ ..

4-я пятница... противъ Вознесенія... женскаго полу отъ суждевя...

5-я пятница... противъ Св. Духа-Троицы... отъ скудости, бѣдности, заливной смерти...

6-я пятница... противъ св. Ильи Пророка надѣляюща... отъ грозы и грады, огня-пожару, отъ вѣчной муки...

7-я пятница... противъ Спаса Преображенія... отъ дьявольской грези, младыхъ младенцевъ отъ прксыпу...

8-я пятница... противъ Успенія... отъ трасучей болѣзни, лихорадки...

9-я пятница... противъ Усѣявенія честныхъ главы І. Предтечи... въ царскую службу отъ мечу-посѣчу, отъ ружейного побоя...

10-я пятница... противъ Егоргія Великомуч... отъ звѣря съяденія...
Первая на десять пятница... противъ Рождества Христова... воззреть тую душу Мать Пресвятая Богородица...

Вторая на десять пятница... противъ «Стрѣченія»... сповѣдаетъ тую душу самъ Иисусъ Хригосъ, возмутъ тую душу ангелы, подадутъ тую душу Богу въ рай.

¹⁾ Повторяется формула первой пятницы.

А кто жъ не поминеть двѣнадцать въ году пятицъ постовать, аще мужъ съ женою совоюются, будутъ просить молитву Богу дѣтищу, народится дѣтище несчастливимъ: либо кать будетъ, либо воръ, либо разбойникъ большой, станетъ злымъ начальникомъ, худымъ дѣламъ наставникъ будетъ. А поимѣйте же вы, братіе, въ году двѣнадцать пятицъ постовать, придите вы, братіе, въ Божій домъ, со любовностію, съ вѣрностію, помолитесь, братіе, самому Христу, давайте, братіе, нищимъ милостину, необсужденную, необговоренную, не заклітую: заклітая, обсужденная, обговоренная милостина не въ пользу души. Слава Тебѣ, Боже нашъ, аминь.

ХІІІ. Объ Александрѣ ІІ.

- Мы подумаемъ, друзья,
 Про бѣлаго царя.
 Милостивый государь,
 Александръ второй царь:
5. Вонъ съ любовію радѣлъ,
 Всѣмъ свободы дать хотѣлъ,
 Подъ крыломъ усѣхъ держалъ,
 И отказныхъ усѣхъ збавлялъ,
 Всѣ законы исправлялъ,
10. Слышалъ бѣдныхъ людей стоны,
 Самъ на помощь поспѣшалъ
 Всѣхъ злодѣевъ съукрашалъ.
 Стали злодѣи судъ судить,
 Какъ бы царя истребить,
15. Много козны спотребили,
 Отчаянныхъ подкупили
 Дали имъ въ руки *горноты*.
 Оны отъ Бога прокляты
 Вездѣ мины подводили,
20. Государя истребили.
 Каравулъ вездѣ стоялъ,
 Государя сохранялъ;
 До марту перваго числа
 Господь сохранялъ царя.
25. Марту перваго числа
 Жизнь скончалась государя.
 Проявился первый ударъ,
 Государя миновалъ;
 Проявился второй взрывъ,
30. Государя сповразилъ.
 Спровоженный царь упалъ,
 Жалобно слово сказалъ:
 «Подымите мене, дѣти,

- Знать отжили я на свѣти,
 35. Знать скончалась жисть моя!»
 За народною толпою
 Не видать было, отколь
 Тамъ яго горька страсть была:
 Съ государя кровь лила,
 40. Слуги яго къ государю доступали,
 Подъ бѣлы руни поднимали,
 На рунахъ царя издержали,
 Слезно плакали-рыдали:
 «Что ты нашъ батюшка, земной богъ!»
 45. Ты лишился своихъ ногъ!
 Добро намъ усѣмъ творилъ;
 За то овою кровь пролилъ!
 Ты нашъ батюшка, государь-отецъ,
 Несемъ тебя по дворецъ».
 50. При дворцы усѣмъ стояли,
 Слезно плакали-рыдали,
 Черный травуръ надѣвали,
 О покой души сказали,
 Черны хвляки опустили:
 55. Царску смерть возвѣстили.
 Какъ возвѣстили на владыкъ узнавъ,
 Полелися слезы съ глазъ,
 Какъ отбили телеграмъ—
 Затменіе сонца нашъ
 60. Тамъ было свѣту и свѣтлы,
 Земли было потрясенье,
 По всѣмъ по городу по Питеру тревога,
 Государю стражды много.
 Какъ намъ издумать и въгадать,
 65. Какъ на царя руки взнять?
 По всѣмъ святымъ церквамъ
 По соборамъ позвонили,
 Погребеніе служили,
 Прослужили шесть недѣль,
 70. А намъ здалось-одинъ день.
 Солнечныи лучи повскрылись,
 Государя мы лишились.
 Давайте мы, братіе, Бога молить:
 75. Какъ сына примудрить,
 Какъ сынъ нойдетъ по дѣламъ отцу,
 Прозвесть дѣло къ концу.
 Слава Богу и царямъ держава, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Этотъ стихъ былъ также записанъ гр. *М. А. Голенищевой-Кутузовой* въ области войска Донскаго со словъ слѣнца, пѣвшаго подъ звуки лиры, и сообщенъ *Н. Кульмачомъ* въ «Русск. Стар.» въ 1900 г. VI, 651—654, съ небольшими замѣтками. Варьянты привожу изъ этой записи. 2. Усѣ про бѣлаго царя., 3—*нѣтъ*; 5—горѣлъ; 7—И отъ казни избавлялъ; 9—Онъ справлялъ усѣ законы; 12—И злодѣевъ укрощалъ; 16—Огчяянныхъ людей подкупилъ; 18—Они есть Богомъ прокляты. 20—А царя не истребили; 23—24—*нѣтъ*; 26—Государю смерть пришла; 29—Какъ взвился второй большой взрывъ; 31—государь; 35—39—*нѣтъ*; 40—И къ нему слуги подбѣжали; 44—Ахъ, ты; 46 и 47 *не-реставлены*; *далье слѣдуютъ наши ст. 64—65 и еще два*: Какова тамъ страсть была,—Богда царская кровь лила; 54—Черный флагъ они спустили; 55—Государеву; *далье идутъ наши стихи* 67—70; 56—Возвѣстили на Кавказъ; 58—59—Дали телеграмму затненія солнца намъ; 60—61—*нѣтъ*; *далье наши стихи*: 71—72, 56—57; 62—Во всемъ Питерѣ тревога; 63—Стражды было; 64—Страшно сдунать и сгадать; 66—67 Усѣхъ соборовъ зазвонили; 72—Бѣлаго царя; 73—76—*нѣтъ*; *амѣсто нихъ*: Во весь Питеръ удивился,—со всего Питера сошлись.

М. Сперанскій.

Сословно-поземельный вопросъ и раятская зависимость въ Дагестанѣ.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Современное положеніе крестьянъ и раятъ въ Дагестанѣ.

Г л а в а I.

Статистическія данныя о количествѣ народонаселенія и землевладѣніи въ Дагестанѣ. Селенія горцевъ. Земледѣіе, скотоводство, отхожіе и кустарный промыслы. Свѣдѣнія о движеніи населенія, народномъ образованіи и проч. Сельскія общины въ Дагестанѣ. Внутренняя ихъ организація: сходъ, старшина, судъ; поземельныя права общины, передѣлы. Налоги и повинности съ жителей Дагестана.

Въ настоящее время туземное населеніе Дагестанской области равняется 552801 душѣ обоого пола (мужчинъ 279428 и женщинъ 273373) ¹⁾.

По округамъ населеніе это распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

О К Р У Г А	Мужч.	Женщ.	Об. пола.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій.	38682	36147	74829
Аварскій.	18732	18498	37230
Андійскій.	23546	23447	46993
Гунибскій.	28641	29953	58594
Даргинскій.	40514	41949	82463
Казикумухскій.	26368	27297	53665
Кайтаго-Табасаранскій.	39265	35620	74885
Кюринскій.	39308	37241	76549
Самурскій.	24372	23221	47593

Живетъ все это населеніе на площади, равной 25546, 1 кв. верстамъ или 2661049 десятинамъ, такъ что на 1 жителя по различнымъ округамъ земли приходится:

¹⁾ Кавказскій Календарь за 1899 г., изд. ооо., Тифл., III, стр. 21—22.

О К Р У Г А	Площ. въ кв. в.	пл. въ десят.	на 1 кв. в. жит.	на 1 жит. кв. в.
Темиръ-Ханъ-Шуринаскій. . .	5443,1	566989	16,2	0,062
Аварскій.	1312,6	136729	26,1	0,039
Андіскій.	2921,8	304354	16,4	0,061
Гунибскій.	3855,3	401593	15,2	0,066
Даргинскій.	1504,8	156750	53,3	0,019
Казикумухскій.	1875,2	195333	27,4	0,037
Кайтаго-Табасаранскій. . .	2526,5	263177	30,3	0,034
Кюринскій.	2857,5	297656	27,9	0,036
Самурскій.	3249,3	338468	20,7	0,049

или въ среднемъ на 1 жителя—0,045 кв. в. или 4,801 дес.

Но если мы, принявъ во вниманіе характеръ этой бесплодной горной страны, исключимъ отсюда всѣ земли, неудобныя для земледѣія, а также тѣ, которыя не орошаются водою, безъ чего здѣсь всякая растительность гибнетъ, то мы получимъ столь незначительную площадь земли, что невольно начинаешь удивляться терпѣнію и трудолюбію горца. Количество орошаемыхъ земель въ Дагестанской области, исключая Казикумухскій и Андіскій округа, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

О К Р У Г А	Въ десятинахъ колич. орош. земли.	Приходится на 1 дымъ	десят. на 1 душ.
Темиръ-Ханъ-Шуринаскій. . .	35000	1,9	0,43
Аварскій.	3320	0,4	0,10
Андіскій.	—	—	—
Гунибскій.	8750	0,6	0,14
Даргинскій.	80	0,01	0,002
Казикумухскій.	—	—	—
Кайтаго-Табасаранскій. . . .	13580	0,8	0,16
Кюринскій.	13375	0,9	0,16
Самурскій.	4100	0,4	0,07

Благодаря столь незначительному количеству, горцы дорожатъ всякимъ клочкомъ обрабатываемой земли. Все, что только можно обработать, занято посѣвами, съ которыхъ жители собираютъ скудную жатву.

Этимъ же недостаткомъ земли, ея дороговизной¹⁾, объясняется

¹⁾ Какъ дорого цѣнятся горцы землю, видно изъ „Исторіи войны“ Дубровина, который въ т. I, ч. 1, приводитъ много любопытныхъ данныхъ на этотъ предметъ. Что же касается дороговизны, то обыкновенно десятина плохой земли цѣнится отъ 100 до 400 рублей.

отчасти—я говорю отчасти, такъ какъ главными мотивами были, какъ мы видѣли, интересы защиты и обороны отъ нашествій враговъ—выборъ мѣста для постройки селеній, которыя расположены или въ глубокихъ оврагахъ, или по скату горы въ видѣ амфитеатра, или на очень высокихъ возвышенностяхъ и хребтахъ горъ. Дома здѣсь построены сжато. Улицы чрезвычайно извилисты, узки, круты и часто состоятъ изъ ступенекъ, по которымъ могутъ ходить только пѣшеходы. Въ лучшихъ селеніяхъ можетъ только проѣхать арба. Поэтому грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность горскихъ селеній. Дома въ селеніяхъ, вслѣдствіе недостатка лѣса, строятся изъ камня на глинѣ, а другіе просто сложены изъ камня, безъ всякой смазки, или даже изъ необожженного кирпича, и состоятъ обыкновенно изъ двухъ этажей: нижній—для помѣщенія скота, лошадей и хозяйственныхъ принадлежностей, а верхній—для хозяина и его семейства. Дворовъ, благодаря отсутствію земли, или нѣтъ вовсе, или крыша соседя служить дворомъ. Благодаря такой строительству и отсутствію оконъ, наружный видъ селеній самый непривѣтливый—виднѣется скученная масса сѣрыхъ каменныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна на другой.

Что касается занятій народонаселенія, то главными являются земледѣліе, скотоводство и отхожіе промыслы.

Земледѣліемъ въ Дагестанѣ занимается большая часть его населенія, и оно, можно смѣло сказать, составляетъ любимое занятіе горца, но, несмотря на это, земледѣліе, какъ таковое, находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Земли удобной почти нѣтъ. Приемы обработки самые примитивные. Земледѣльческія орудія первобытнаго типа. Въ гористой части области для пахоты употребляется пароволовая легкая соха ¹⁾, а на плоскости очень грубый тяжелый плугъ, напоминающій собою малороссійскій сабанъ и требующій не менѣе 4 паръ буйволовъ или воловъ ²⁾.

¹⁾ Обзоръ о сост. Даг. обл. за 1895 г., стр. 8; Козубскій, Пам. кн., стр. 116. Анучинъ (Отчетъ о поездкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г., стр. 392) вотъ какъ описываетъ соху: это просто загнутый крючкомъ довольно длинный сукъ, болѣе толстый въ своей загнутой части, на переднемъ концѣ которой укреплена небольшая желѣзная лопаточка. Къ суку приделаны сзади 2 рукоятки, соединенныя на верхнемъ концѣ перекладиной, держа которую управляютъ сохою.

²⁾ Обзоръ за 1895 г., стр. 15.

Благодаря сказанному, а также крайне неблагоприятнымъ почвеннымъ, климатическимъ и техническимъ условіямъ и, кромѣ того, подвергаясь различнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ, свойственнымъ всякой горной странѣ, земледѣліе Дагестана не окупаетъ трудовъ земледѣльца, такъ какъ хлѣба мѣстнаго урожая, несмотря на трудолюбіе и рѣдкую энергію жителей, даже въ самые урожайные годы едва хватаетъ на продовольствіе населенія въ теченіе 6 мѣсяцевъ.

Принимая за норму для пропитанія человѣка продолженіе года—1,8 четвертей, мы можемъ увидѣть изъ нижеслѣдующей таблицы степень обезпеченности народнаго продовольствія мѣстными урожаемъ ¹⁾:

О К Р У Г А	На 1 душ. приходилось чет. въ		
	1892 г.	1894 г.	1895 г.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій.	0,33	0,7	0,78
Аварскій.	0,37	0,6	0,55
Андійскій.	0,14	0,3	0,53
Гунибскій.	0,73	0,4	0,52
Даргинскій.	0,19	0,2	0,26
Казикумухскій.	0,46	0,4	0,40
Кайтаго-Табасаранскій.	1,87	3,6	2,30
Кюринскій.	1,13	2,0	0,80
Самурскій.	0,28	0,4	0,60
Итого	0,66	1,1	0,80

Отсюда видно, что жители Кайтаго-Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ болѣе или менѣе обезпечены хлѣбомъ, всѣ же остальные должны его приобретать на сторонѣ покупкою или мѣною, что можно видѣть изъ „Обзоровъ о состояніи Дагестанской области,“ въ которыхъ мы находимъ: жители Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа купили для своего продовольствія въ 1892 г. хлѣба 28115 четв. на сумму 146477 рубл., а Аварскаго на 50500.; въ 1894 г. жители Аварскаго и Гунибскаго округовъ прикупили хлѣба, на 169367 р. и т. д. ²⁾.

Обращаясь къ скотоводству, мы находимъ его особенно развитымъ въ нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ существуютъ сравнительно хорошія горныя пастбища.

Но и положеніе скотоводства не блестяще, такъ какъ невоз-

¹⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 19, Обзоръ за 1895 г., стр. 15, Козубскій, ib. 114.

²⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 20, Обзоръ за 1895 г., стр. 16.

возможность заготовить. Рѣшѣнно, читаемъ мы въ обзорахъ за 1894 и 1895 года, въ нужномъ для количества во время суровой и продолжительной зимы заставляетъ овцеводовъ держать стада круглый годъ на подвожномъ кору. Для чего приходится скотъ переговарь либо въ плоскостямъ, либо въ сосѣднія губерніи.

О доходности этого промысла можно составить приблизительное по слѣдующимъ даннымъ: въ 1892 г., по свѣдѣніямъ въ которыхъ окружныхъ начальниковъ, отъ продажи разнаго скота и продуктовъ скотоводства было выручено—въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ 89788 р., Аварскомъ—33168 р.; въ 1893 г. въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—131283 руб. Аварскомъ—29050 руб.; въ 1894 г. въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—96681,5 р. Аварскомъ—19669 р. Гунибскомъ—130126 руб., Самурскомъ—53918 руб. ¹⁾

Вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель и плохихъ доходовъ отъ двухъ вышесказанныхъ занятій, жители съ давнихъ поръ должны были обратиться къ разнообразнымъ промысламъ, какими главнымъ образомъ явились отхожіе и кустарный промыслы, прочіе же, какъ напр., извозъ, шелководство, рыболовство и т. д. хотя и существуютъ, но по своимъ размѣрамъ не играютъ выдающейся роли.

Отхожіе промыслы развиты весьма широко во всей Дагестанской области вообще, а въ нагорныхъ округахъ въ особенности. „Осенью“, говоритъ А. В. Комаровъ, извѣстный звадокъ Дагестана, „убравъ поля и обезпечивъ семейства на зиму, почти всѣ взрослые мужчины отправляются искать себѣ работы въ разныя мѣста... Казикумухца, напр., можно зимою встрѣтить вездѣ отъ Оренбурга до Тавриза“ ²⁾. Знающіе ремесла переходятъ изъ города въ городъ, устраивая временныя мастерскія и сбывая свои произведенія, а незнающіе идутъ въ чернорабочіе, главнымъ образомъ въ Баку, на нефтяные промыслы. Здѣсь, вдали отъ родины, они проводятъ осень и зиму, но только наступить весна, всѣ спѣшатъ домой къ семействамъ.

По свѣдѣніямъ „Обзоровъ о состояніи Дагестанской области“ число жителей, отправившихся на отхожіе промыслы въ 1892 г., равнялось 70366 душамъ, въ 1893 г.—74610, въ 1894 г.—72419, въ 1895 г.—44849 и т. д.

¹⁾ Обзоръ за 1894 г., стр. 21, Обзоръ за 1895 г., стр. 18, Козубскій Пам. кн., 117—119.

²⁾ Комаровъ. Адамы и судопроизводство по нимъ, стр. 42.

О К Р У Г А	Количество въ 1892 г.	и, кромѣ того,	
		въ собственнымъ вѣщаетъ трудовъ	всего
Темиръ-Ханъ-Шуринскій	7372	73	73
Аварскій	1676	2440	2440
Андійскій	5285	6117	6117
Гунибскій	1746	4767	4767
Даргинскій	10068	8932	8932
Казикумухскій	6769	7597	7597
Кайтаго-Табасаранскій	2755	1632	1632
Кюринскій	4240	3562	3562
Самурскій	6395	30000	6398

Кромѣ этихъ лицъ, изъ Гунибскаго и Самурскаго округовъ ежегодно съ осени со своимъ скотомъ до 80000 душъ населенія обоого пола перекочевываетъ въ Тифлискую, Елизаветпольскую и Бакинскую губерніи. Вообще же число всѣхъ лицъ, ежегодно отлучающихся изъ области для обезпеченія себя съ матеріальной стороны, достигаетъ, по словамъ Обзора о состояніи области за 1895 годъ, четверти всего населенія ¹⁾.

Что касается кустарнаго промысла, то послѣдній является для жителей Дагестана однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода.

Имъ занимаются повсемѣстно и мужчины и женщины. Всѣхъ кустарей въ 1895 году числилось 8633 человека, которые распредѣлялись по округамъ области такъ ²⁾:

Аварскій	488
Андійскій	1000
Гунибскій	1529
Даргинскій	1168
Казикумухскій	4130
Самурскій	318

Кустари-женщины занимаются выдѣлкою изъ шерсти разнообразныхъ предметовъ, начиная съ ковровъ и кончая обувью. Нѣкоторые изъ этихъ издѣлій, напр., ковры, паласы, сукна, бурки и т. п., благодаря прекраснымъ качествамъ работы, служатъ, кромѣ удовлетворенія домашнихъ потребностей горца, также и предметами значительной торговли и выѣзъ области.

¹⁾ Обзоръ за 1894 г. стр. 22, Обзоръ за 1895 г. стр. 18—19, Козубскій ib. 119—120.

²⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 19

³⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 19—20, Козубскій. Пам. кн. ib. 120—123.

возможность заготовить 4-мужчины обрабатывают преимущественно металлы, года, въ нужномъ дереву и кожи. Особенно славится производство изящныхъ вещей заставляетъ изъ золота, серебра съ чернью, слоновой кости, рога, войномъ коры и стали съ насѣчкой и инкрустациями ¹⁾).

плоскостную. Определить заработокъ кустарей крайне трудно въ виду того, что до о какъ производительность промысла, такъ и сбытъ издѣлій подвержены многимъ случайностямъ и колебаніямъ. Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что значительная часть кустарныхъ издѣлій обмѣнивается на мѣстѣ или за предѣлами страны на хлѣбъ и другіе жизненные припасы. Приблизительное понятіе о заработкѣ кустарей дають цифры „Обзоровъ о состояніи области“, изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ 1892 г. кустарями Аварскаго округа было выручено 15528 руб., а Даргинскаго — 30000 руб., въ 1895 г. первыми—3605 р., а вторыми—71203 ²⁾).

Сказавъ нѣсколько словъ о занятіяхъ жителей Дагестана, мы въ рѣшительнѣ должны здѣсь замѣтить, что благодаря труднымъ мѣстнымъ и экономическимъ условіямъ, поголовной бѣдности и постояннымъ эпидемическимъ болѣзнямъ и сифилису, населеніе Дагестанской области почти не увеличивается, а остается по количеству такимъ, какъ было и раньше. Последнее видно изъ слѣдующей таблицы, взятой изъ „Обзоровъ о состояніи области“ ³⁾:

Въ 1887 г.	населеніе	увеличилось	на	3316	душъ	или	на	0,6%
„ 1888	„	„	„	1297	„	„	„	0,2%
„ 1889	„	„	„	2227	„	„	„	0,4%
„ 1890	„	„	„	2406	„	„	„	0,4%
„ 1891	„	„	„	847	„	„	„	0,1%
„ 1892	„	уменьшилось	„	12674	„	„	„	2,2%
„ 1893	„	увеличилось	„	908	„	„	„	0,1%
„ 1894	„	„	„	680	„	„	„	0,1%
„ 1895	„	„	„	3815	„	„	„	0,7%
Итакъ съ 1887 по 1895 г.	„	„	„	2822	„	„	„	0,4%

Если къ этому мы прибавимъ круглое невѣжество (0,03% грамотныхъ) и полное отсутствіе школъ (6 школъ на полъ-мил-

¹⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 19. Козубскій ib. 122—123.

²⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 20. Козубскій ib. 123.

³⁾ Обзоры за 1888—1892, 94—95, Козубскій ib. 127—128.

люна жителей), то мы получимъ полную картину экономического и моральнаго состоянія жителей этой бѣдной страны ¹⁾.

Познакомившись въ самыхъ краткихъ чертахъ съ матеріальнымъ положеніемъ жителей Дагестана, мы заглянемъ внутрь дагестанскихъ селеній и узнаемъ, насколько возможно, ихъ административное устройство.

Послѣднее „Положеніемъ объ управленіи Дагестанской областью“ ²⁾ (§ 35) и выработаннымъ на основаніи его Сельскимъ уставомъ ³⁾ оставлено въ томъ почти видѣ, какъ было до владычества русскихъ въ Дагестанѣ.

Вслѣдствіе полного незнакомства русскихъ читателей съ устройствомъ сельскаго общества въ Дагестанѣ, мы позволимъ себѣ болѣе подробно остановиться на внутренней его организаціи.

Сельское общество составляется въ Дагестанѣ изъ всѣхъ имѣющихъ постоянную осѣдность жителей одного селенія, кромѣ бековъ, ихъ семействъ и живущей у нихъ прислуги ⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія малолюдны, они соединяются по мѣстнымъ условіямъ въ одно общество или причисляются къ большому селенію, гдѣ и сосредоточивается главная сельская власть. Вслѣдствіе этого на 1180 селеній сельскихъ обществъ въ Дагестанѣ насчитывается 497, или, распредѣливъ количество, тѣхъ и другихъ по округамъ, мы получимъ слѣдующую таблицу ⁵⁾:

1) Обзоръ за 1895 г. стр. 44—46. Кавказскій, Нам. вѣ. вѣ. 113—115.

2) Акты, т. XII, ч. 2, стр. 687 и сл.

3) Проектъ положенія о сельскихъ обществахъ, ихъ общественномъ управленіи и повинностяхъ, государственныхъ и общественныхъ, въ Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура. 1868 г. Утвержденъ предписаніемъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавк. арміею по Кавк. горех. управл. отъ 26 апрѣля 1868 г. за № 2360.

4) Положеніе бекскаго сословія до сихъ поръ не опредѣлено и не регламентировано правительствомъ. Исключенные изъ сельскаго общества сельскими уставомъ 1868 г., они въ настоящее время, какъ и прежде, не имѣютъ никакой общей организаціи и, живя большею частью въ селеніяхъ, стоятъ въ послѣднемъ особіи. Подчинены беки только окружному начальству. Достоинство бека пріобрѣтается въ настоящее время только рожденіемъ и, какъ таковое, не можетъ быть утрачено никакимъ образомъ, даже за преступленіе. Повинностей и сборовъ, кромѣ воинскаго налога, въ количествѣ 35 коп. съ дыма, не несутъ и, кромѣ этого и своего сравнительнаго богатства, ничѣмъ не отличаются отъ прочей массы населеній Дагестана.

5) Кавказскій календарь за 1899 г. Осенн. изд. III, 22 стр. и слѣд.

ОКРУГА	Селеній всего.	Сельск. обществъ.	Число селеній, имѣющихъ домовъ до					
			10	25	50	100	200	болѣе.
Темиръ-Ханъ-Шу- ринскій	47	47	1	—	1	6	12	27
Аварскій	81	54	—	3	25	22	20	11
Андійскій	119	62	4	17	16	38	30	14
Гунибскій	192	62	22	56	42	31	23	18
Даргинскій	150	59	9	17	32	30	37	25
Казикумухскій . .	104	55	1	10	25	33	23	12
Кайтаго-Табаса- ранскій	192	53	11	37	60	44	24	17
Кюринскій	214	66	4	39	43	86	35	7
Самурскій	80	39	2	7	11	25	22	13
	1180	497	54	186	255	315	226	144

Представляя собою первую административную единицу, сельское общество имѣетъ свое собственное управленіе, которое составляется изъ сельскаго схода, сельскаго старшины, сельскаго кадія и сельскаго суда. Кромѣ этихъ главныхъ, такъ сказать, лицъ, назначаются еще побочныя, какъ, напр., помощники старшины, если общество состоитъ не изъ одного селенія, чоуши (разсылъные), полевые сторожа, смотрители канавъ и проч.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ должностныхъ лицъ и представителей даннаго сельскаго общества, отъ каждаго дыма по одному человѣку.

Должностныя лица, по сельскому положенію 1868 г., или назначаются русскимъ начальствомъ (сельскіе старшины и ихъ помощники), или выбираются черезъ каждые три года обществомъ съ утвержденія начальства (сельскій кадій и сельскіе судьи), или безъ онаго (чоуши, полевые сторожа и проч.).

Служба по выбору общества составляетъ почетную обязанность, отъ которой, по общему правилу, нельзя отказываться безъ уважительныхъ причинъ, каковыми по сельскому уставу признаются: 1) пожилой возрастъ болѣе 60 лѣтъ, 2) болѣзнь, 3) родъ занятій, не позволяющихъ быть постоянно въ селеніяхъ, и 4) предыдущая служба по выбору ¹⁾.

¹⁾ Въ до-русскій періодъ въ качествѣ репрессаліи за отказъ принималось разграбленіе имущества выбраннаго лица и разрушеніе его дома.

Главная роль въ сельскомъ управленіи принадлежитъ сельскому сходу, который вѣдаетъ главные дѣла, касающіяся цѣлаго общества, какъ, напр., выборъ должностныхъ лицъ, приговоры объ удаленіи изъ общества порочныхъ членовъ и о принятіи новыхъ, наблюденіе за правильнымъ расходомъ сельскихъ суммъ, распоряженіе общественными землями, принесеніе просьбъ, жалобъ, повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, раскладка податей и т. п.

Сельскій сходъ, по тому же уставу 1868 г., сосывается сельскимъ старшиной, наибомъ (приставомъ) или другимъ начальствующимъ лицомъ, смотря по надобности, и преимущественно въ дни джумы (пятница). Первое мѣсто на немъ принадлежитъ старшинѣ, мнѣніе котораго беретъ перевѣсъ въ случаѣ равенства голосовъ, поэтому приговоръ схода, созваннаго безъ согласія старшины, какъ и приговоръ по дѣлу, не подлежащему компетенціи схода, признаются недѣйствительными.

Дѣла на сходѣ рѣшаются или единогласно, или по большинству голосовъ—абсолютному или $\frac{2}{3}$ голосовъ (удаленіе порочныхъ членовъ, передѣлы, контроль суммъ и принесеніе жалобъ и просьбъ начальству), и приговоры, кромѣ случаевъ, гдѣ для законности требуется $\frac{2}{3}$ голосовъ, не записываются, а сохраняются въ памяти общества.

Жалобы на рѣшеніе схода восходятъ, черезъ наиба, къ Начальнику округа или къ Губернатору, отъ которыхъ зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.

Второе мѣсто послѣ схода въ сельской общинѣ принадлежитъ сельскому старшинѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является для общины органомъ правительственной власти. На обязанности старшины лежитъ надзоръ за сохраненіемъ порядка и спокойствія въ предѣлахъ сельской общины, почему его вѣдомству здѣсь подлежатъ всѣ лица, входящія въ составъ сельскаго общества, какovýchъ онъ за неповиновеніе его власти можетъ назначать на общественныя работы или подъ арестъ на срокъ не болѣе 2 дней, или подвергать штрафу въ размѣрѣ 1 рубля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ первый полицейскій чинъ, долженъ наблюдать за правильнымъ исполненіемъ жителями всѣхъ указаній начальства и доносить послѣднему о всѣхъ нарушеніяхъ порядка. Онъ обязанъ ловить бѣглыхъ, задерживать бродягъ, принимать мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: пожары, наводненія

и проч., приводить въ исполненіе рѣшенія сельскаго и окружнаго судовъ, взыскивать штрафы, наблюдать за сходомъ и должностными лицами и проч.

Что касается сельскихъ кадіевъ (дебиры и будуны), то на нихъ возлагается, кромѣ наблюденія за чисто духовными обязанностями правовѣрныхъ, еще: 1) засѣданіе въ судѣ, 2) веденіе писмоводства и 3) надзоръ за опеками.

Судебная власть въ сельской общинѣ Дагестана сосредоточена въ рукахъ сельскаго суда, который состоитъ изъ кадія и изъ выбранныхъ на каждое трехлѣтіе сельскимъ сходомъ лицъ для отправленія обязанностей судей. Число послѣднихъ съ кадіемъ, для дѣйствительности приговора, должно быть нечетное и составлять не менѣе трехъ.

Дѣла, подлежащіе компетенціи сельскаго суда, слѣдующія: 1) по гражданскимъ искамъ и спорамъ между жителями подвѣдомственной ему сельской общины на сумму не свыше 100 руб., 2) по несогласію между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, 3) по утвержденію опекуновъ и попечителей, избираемыхъ сельскими кадіями, 4) по наслѣдствамъ, 5) по воровствамъ, обманамъ и утайкамъ на сумму не свыше 30 рублей, если обвиняемый судится въ первый или второй разъ, и 6) по спорамъ и тяжбамъ, возникающимъ между лицами постороннихъ обществъ, если споръ или жалобы возникли во время пребыванія отвѣтчика въ районѣ сельскаго общества.

Всѣ перечисленныя дѣла рѣшаются или по адату или по шаріату, отъ чего зависитъ какъ порядокъ производства дѣлъ, такъ и самое рѣшеніе.

Начинается дѣло съ принесенія суду жалобы потерпѣвшаго, который, по общему правилу, долженъ явиться лично. Исключеніе допускается только для опекуновъ и попечителей, хотя въ дѣлахъ уголовныхъ жалоба можетъ быть принесена свидѣтелемъ - очевидцемъ или старшиною селенія.

Производство дѣлъ въ судахъ гласно и словесно.

Разборъ дѣла начинается съ преній сторонъ, во время которыхъ судъ старается привести дѣло къ маслагату (мировой сдѣлкѣ); въ случаѣ, если примиреніе не удалось, судъ постановляетъ рѣшеніе по адату или шаріату.

Если дѣло подлежитъ адатному порядку, то рѣшеніе постано-

вляется всѣмъ наличнымъ составомъ суда по большинству голосовъ, если же по свойству своему (дѣла семейнаго и наслѣдственнаго права) оно требуетъ шаріатнаго рѣшенія, то оно постановляется кадіемъ, но не иначе, какъ въ общемъ присутствіи суда.

Кромѣ наказанія по адату, сельскій судъ, въ случаѣ недостаточности адатнаго наказанія или даже совершеннаго отсутствія послѣдняго, можетъ приговорить виновнаго или къ общественнымъ работамъ до 6 дней, или денежному взысканію до 3 руб., или, наконецъ, къ аресту до 7 дней.

Состоявшееся рѣшеніе записывается въ особенную книгу, которая ведется кадіемъ, и объявляется сторонамъ. Если послѣднія остаются довольны, то приговоръ считается окончательнымъ и словесно сообщается сельскому старшинѣ для приведенія въ исполненіе, если же недовольны, то судъ недовольной сторонѣ выдастъ копію, для представленія въ теченіе мѣсячнаго срока апелляціонной жалобы въ окружной словесный горскій судъ, который, рассмотрѣвъ дѣло по существу, можетъ согласиться съ приговоромъ сельскаго суда или постановить свое рѣшеніе.

Всѣ прочія дѣла, кромѣ подлежащихъ сельскому суду, какъ, напр., между жителями разныхъ обществъ, между жителями и бѣками, гражданскія свыше 100 р., третій рецидивъ, уголовныя, по убійствамъ, пораненіямъ и проч., подлежатъ вѣдомству окружныхъ судовъ, къ которымъ и восходятъ непосредственно отъ наибовъ.

Будучи судебно-административной единицей, сельское общество Дагестана вмѣстѣ съ тѣмъ является поземельной общиной, считается собственникомъ всѣхъ находящихся въ его пользованіи земель¹⁾. Послѣднее, по характеру своему, бываетъ нераздѣльное для всѣхъ жителей даннаго общества и раздѣльное для каждого общинника въ теченіе опредѣленнаго времени. Въ первомъ, нераздѣльномъ пользованіи находятся всѣ угодія, которыми неограниченно пользуются всѣ жители данной общины, напр., пастбища, лѣсъ, рыбныя ловли и проч., во второмъ — пахотныя участки и сѣнокосы. Распределение послѣднихъ совершается при помощи передѣловъ.

¹⁾ Частная собственность въ общинахъ Дагестана встрѣчается въ видѣ экзеновъ, подъ которыми разумѣются незначительныя участки земли, находящіеся въ частной собственности жителей. Происхожденіе экзеновъ относится къ тому времени, когда земли было много и каждый обработанный участокъ считался собственностью того, кто его обрабатывалъ.

Техника передѣловъ сводится къ возможно полному количественному и качественному уравнию надѣловъ. Въ Дагестанѣ послѣднее достигается тѣмъ, что участки пашни распредѣляются по группамъ на основаніи, вычисленной сложности урожая въ нѣсколько лѣтъ и уже согласно этому доходу дѣлятся по жребію между дымами данной сельской общины. Такъ же распредѣляются и покосныя мѣста, съ тою разницей, что сѣнокосы подвергаются передѣлу болѣе часто, чѣмъ пашни. Обыкновенный срокъ для передѣловъ пашни для всего Дагестана опредѣлить трудно, но наиболѣе часто встрѣчается десятилѣтній, а для сѣнокосовъ—ежегодный ¹⁾.

Привыкнувъ къ общественному устройству, дагестанскіе горцы, благодаря родовому устройству быта и страшному консерватизму, до сихъ поръ свято держатся общины и не рѣшаются выйти изъ числа ея членовъ, даже тѣ, которые въ настоящее время обладаютъ значительными приобрѣтенными землями.

Вообще, изучая сельскую общину и поземельное устройство послѣдней, мы находимъ въ ней весьма большое сходство съ русскими общинами, имѣющими почти такое же внутреннее устройство. Есть только одинъ признакъ, который рѣзко отдѣляетъ русскую общину отъ дагестанской, именно — полное отсутствіе круговой поруки, которая совершенно неизвѣстна горцамъ Дагестана.

Послѣ этого краткаго очерка административнаго и сельскаго устройства сельской общины Дагестана мы переходимъ къ описанію налоговъ и податей, вносимыхъ населеніемъ Дагестанской области въ пользу русскаго правительства. Величина тѣхъ и другихъ сильно колеблется не только по различнымъ округамъ, но даже селеніямъ общества; такое разнообразіе податей явилось слѣдствіемъ того, что населеніе облагалось податью постепенно, съ водвореніемъ русскаго владычества въ покоренныхъ частяхъ края, и оклады, съ упраздненіемъ ханскихъ управленій, соразмѣрялись съ экономическимъ благосостояніемъ края ²⁾.

Главной податью въ настоящее время является подымный сборъ,

¹⁾ Иначе совершаются передѣлы въ такъ назыв. бекскихъ селеніяхъ, гдѣ земля считается собственностью бековъ. Здѣсь распредѣляетъ землю бекскій нукуръ, который отдѣляетъ каждому жителю известный участокъ, сообразуясь съ количествомъ скота и работоспособностью каждаго.

²⁾ Обзоръ за 1892 г., стр. 48, Козубскій, Памятн. кн., 128 — 129.

собираемый съ дыма, какъ первой единицы финансоваго обложенія въ Дагестанѣ, по слѣдующимъ окладамъ: въ Темиръ - Ханъ - Шуринскомъ округѣ изъ 47 селеній 4 обложены рублевымъ окладомъ, 2 селенія — 1½ - рублевымъ, 25 селеній—2-хъ - рублевымъ и 16—3-хъ - рублевымъ. Все населеніе Аварскаго, Андійскаго, Гунибскаго, Даргинскаго и Казикумухскаго округовъ обложено однообразнымъ окладомъ—въ 1 рубль съ дыма. Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ 134 селенія обложены 2-хъ - рублевымъ окладомъ, а 58 селеній отъ подымной подати освобождены, но зато вносятъ земскій сборъ по особому усиленному окладу. Въ Кюринскомъ округѣ въ Южно-Табасаранскомъ наибствѣ взимается 2-хъ рублевый окладъ, прочія же селенія обложены неравномѣрными окладами—отъ 50 коп. до 6 р. 75 коп. съ дыма, кромѣ того, 32 селенія этого же округа подымной подати не платятъ, а вносятъ земскій сборъ по особенному усиленному окладу. Наконецъ, съ населенія Самурскаго округа подымная подать взимается въ размѣрѣ 1 р. 50 коп. съ дыма, за исключеніемъ 5 селеній, обложенныхъ 2-хъ - рублевымъ окладомъ.

Подымная подать взимается въ Дагестанѣ со всѣхъ жителей, кромѣ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, служащихъ по военно - народному управленію, офицеровъ и ихъ семействъ, бековъ и чанокъ, всадниковъ Дагестанскаго конно-регулярнаго полка, послужившихъ 15 и болѣе лѣтъ, малолѣтнихъ, стариковъ и бѣдныхъ, число которыхъ не должно, однако, превышать 10% всего податного сословія.

Кромѣ подымнаго сбора, все населеніе платитъ еще земскій (государственный и областной) сборъ, взимаемый соответственно ихъ матеріальному благосостоянію ¹⁾ отъ 15 коп. (Гунибскій округъ) до 3 р. 3 к. (въ Кюринскомъ окр.), и такъ называемый военный налогъ, ввзмѣнъ отбыванія туземцами воинской повинности, по 35 коп. съ человѣка ²⁾.

Рядомъ съ этими налогами въ Дагестанѣ существуютъ натуральныя повинности, изъ которыхъ главнѣйшими являются: 1) до-

¹⁾ Сводъ статистич. данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ населенія Закавказья. Изд. закавказск. статист. комитета. Дагестанская область. Тфл. 1890 г., стр. 143, 157 и др. Обзоръ за 1892 г. стр. 48.

²⁾ Обзоръ за 1895 г. стр. 28—29. Кромѣ этихъ сборовъ, землевладѣльцы несутъ поземельный налогъ, а всѣ остальные—различныя косвенныя налоги.

рожная повинность; о размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ даннымъ, взятымъ изъ губернаторскихъ отчетовъ: въ 1892 г. было выставлено для исправленія дорогъ 968 арбъ и 106875 человѣкъ, въ 1893 г.—4283 арбы и 175445 человѣкъ, въ 1894 г.—1391 арба и 195752 человѣка и т. д. ¹⁾; 2) подводная повинность для проходящихъ командъ и этаповъ; о размѣрахъ ея можно составить представление изъ того, что въ 1894 г. было выставлено жителями 277 лошадей и 7195 подводъ ²⁾; 3) квартирная повинность для постоя проходящихъ войскъ и 3 сотенъ Дагестанскаго конно-регулярнаго полка.

Кромѣ этихъ повинностей, жители отбываютъ цѣлый рядъ другихъ,—исполненіе которыхъ по сельскому уставу 1868 г. возложено на жителей, какъ-то: принятіе указываемыхъ начальствомъ мѣръ въ случаѣ появленія заразительныхъ болѣзней и скотскихъ падежей, содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, межъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ общества, содержаніе карауловъ, призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, принятіе мѣръ въ случаяхъ пожара и наводненія селъ, а также для истребленія саранчи, хищныхъ звѣрей и т. п. ³⁾.

Покончивъ съ описаніемъ быта, судебно-административнымъ устройствомъ и налогами, существующими для всѣхъ вообще жителей Дагестана, мы переходимъ въ слѣдующей главѣ къ изображенію сельскаго быта зависимыхъ отъ бековъ раятъ.

Г л а в а II.

Ненормальное положеніе раятъ послѣ введенія въ дѣйствіе сельскаго устава 1868 года. Статистическія данныя о количествѣ раятъ Дагестана и ихъ племенномъ составѣ. Въ чемъ выражается современная раятская зависимость? Общій взглядъ на послѣднюю. Государственные рааты и ихъ происхожденіе.

Зависимость ихъ отъ русскаго начальства.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе „Положенія о сельскихъ обывателяхъ“ въ 1868 году всѣ сельскія общины горцевъ Дагестана получили одинаковое устройство, основывавшееся, какъ мы видѣли, на началахъ самоуправленія. Существовавшая до этого времени во многихъ мѣстахъ края полицейско-административная власть бековъ

¹⁾ Обзоръ за 1894 г. стр. 25 и за 1895 г. стр. 27.

²⁾ Обзоръ за 1894 и 1895 гг.

³⁾ Положеніе о сельскихъ обывателяхъ 22—23.

перешла къ сельской общинѣ, и послѣдняя стала совершенно независимой отъ своихъ бывшихъ правителей.

Съ переходомъ власти къ сельской общинѣ беки уже окончательно освободились отъ обязанностей, лежавшихъ на нихъ съ ханскихъ временъ по управленію сельскими обывателями, и даже стали къ послѣднимъ въ обособленное положеніе.

Послѣ этого должны были бы, кажется, прекратиться и права бековъ на повинности и личный трудъ жителей, вытекавшія изъ исполненія беками своихъ обязанностей. Но здѣсь судьба сыграла злую шутку, благодаря которой беки оказались обладателями однихъ правъ безъ всякихъ обязанностей, а на долю крестьянъ-раятъ выпали одни обязанности, безъ всякихъ правъ...

Какимъ образомъ совершилась эта вопіющая несправедливость— на этомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ въ предыдущей (второй) части мы достаточно уже говорили о томъ, какъ существовавшая раньше административная зависимость населенія отъ бековъ официально превратилась въ поземельную и въ качествѣ таковой, несмотря на протесты жителей, до сихъ поръ фигурируетъ въ дѣлахъ сословно-поземельной комиссіи. Здѣсь же считаемъ нужнымъ очертить современное положеніе вещей въ Дагестанѣ и изложить тѣ отношенія, въ которыхъ выражается въ настоящее время такъ называемая раятская зависимость населенія отъ бековъ.

Число всѣхъ селеній, жители которыхъ обязаны несть въ пользу бековъ тѣ или иные налоги и повинности, въ настоящее время въ Дагестанѣ простирается до 83 съ 59906 жителями обоого пола.

Распредѣленіе раятскаго населенія по округамъ и племеннымъ группамъ видно изъ слѣдующихъ таблицъ.

О К Р У Г А					
	Всѣхъ селеній.	Раятскихъ селен.	Жителей обоого пола во всѣхъ селеніяхъ округа.	Жителей обоого пола въ раятскихъ селеніяхъ.	% отношеніе раятъ ко всѣмъ жителямъ даннаго округа.
Темиръ-Хавъ-Шуринскій.	47	15	74829	26103	34,51%
Аварскій.	81	—	37230	—	—
Андійскій	119	—	46993	—	—
Гунібскій	192	—	58594	—	—
Даргинскій.	150	—	82463	—	—

О К Р У Г А	Всѣхъ селеній.	Раятск. сел.	Жител. об-его поля во всѣхъ селен. округа.	Жител. об-его поля въ раятск. селен.	О отноше-ніе раятск. ко жител. данн. округа.
Казикумухскій	104	5	53665	2401	4,47%
Кайтаго-Табасаранскій. .	192	40	74885	21671	29, 1%
Кюринскій	214	21	76549	8218	10,73%
Самурскій	80	2	47593	1513	3,18%
Итого . . .	1180	83	552801	59906	10, 8%.

П Л Е М Е Н А

	% отноше-ніе раятск. даннаго племена ко всѣмъ раятск. тѣмъ области.	% отноше-ніе раятск. даннаго племени къ числу всего племена.
Даргинцы	1,36%	0,66%
Евреи	4,28	25,66
Кайтагцы	1,15	4,59
Кумыки	46,53	60,60
Кюринцы	15,3	7,16
Лаки	2,82	5,83
Агулы	1,19	10,15
Табасаранцы	5,16	17,19
Татары	15,83	72,92
Таты	6,91	100,00%

Переходя послѣ этого къ ознакомленію съ размѣрами существующихъ въ настоящее время въ Дагестанѣ податей и повинностей въ пользу бековъ, мы должны замѣтить, что при описаніи ихъ будемъ придерживаться территоріальныхъ границъ прежнихъ владѣній, а самыя подати и повинности будемъ обозрѣвать, благодаря крайнему ихъ разнообразію, по каждому селенію въ отдѣльности, давая вмѣстѣ съ тѣмъ числовыя данныя о количествѣ народонаселенія, землевладѣніи частномъ и общественномъ и о величинѣ надѣловъ земли бекской и общественной. При семъ мы считаемъ нужнымъ пояснить, что мы будемъ перечислять только тѣ подати и повинности, которыя вносятся и исполняются раятами въ пользу бековъ регулярно каждый годъ, всѣ же остальные, носящія случайный характеръ, какъ то: сборъ съ населенія послѣ смерти членовъ бекскаго семейства, сборъ при выдачѣ замужъ дочерей раята, наслѣдованіе выморочнаго имущества и проч. мы оставляемъ въ сторонѣ, хотя они и примѣняются до сихъ поръ.

Селенія.	Число жителей въ селеніи.	Земли общенной из десятинахъ.					Земли владѣтельской, находящейся въ пользованіи разнъхъ десятинахъ.				
		Пашной.	Помосной.	Пастбищъ.	Лѣсовъ.	На охоту и рыболовство.	Пашной.	Помосной.	Пастбищъ.	Лѣсовъ.	На охоту и рыболовство.
Тарноновскія владѣнія (Т.-Х.-Шуринскій округъ 1):											
Агачъ-ауль	305	—	—	—	—	—	5018	5	5	—	16,3
Альбур-кентъ	503	100	300	50	—	0,99	43	39,5	30	—	0,2
Атлы боютъ	541	650	—	—	—	1,18	—	—	—	7	0,0
Бетауль	691	—	—	500	100	0,88	1131,8	1298,8	1417	575,4	7
Гадаръ	3214	—	—	—	—	—	665,18	251	—	—	0,2
Гелди	2390	500	—	1250	—	0,56	963,18	10,12	—	—	0,1
Мехтулы:											
Казаниши Верх.	1972	—	—	130	130	0,12	1429,2	134,5	7500	—	4,5
Касыръ-Кумухъ	1116	30	—	870	—	0,83	663,4	560	1000	—	1,8
Капчугай	445	12,5	—	868,56	—	1,18	167,16	17,3	1026,56	17,3	2,1
Кохулай-Торгалы	730	400	400	50	—	1,18	34	4	1512	—	2,1
Кумтеркале	3030	6000	—	—	—	2,98	—	—	90,18	—	0,0
Шамхалъ Янгъ Юртъ	695	2000	—	3000	—	7,11	—	—	—	—	—
Эрпели	2924	200	—	2000	3000	1,32	708,14	346	3049	349	1,1
Мехтулы:											
Кала-Шура	3922	59	—	3909	1600	1,43	1261	14,3	—	—	0,4
Дургалы	4520	1400	—	1800	100	0,71	1745	9	—	3	0,3
Самурскій округъ:											
Дубкунъ	635	—	—	80	—	0,08	120	2	—	—	0,3
Ялагъ	878	—	—	800	—	0,7	100	180	—	—	0,3

Вурши	539	25 _{,12}	12 _{,17}	413 _{,16}	—	0 _{,38}	—	—	—	—
-----------------	-----	-------------------	-------------------	--------------------	---	------------------	---	---	---	---

Гоміахъ	411	53 _{,27}	45 _{,12}	598	—	1 _{,17}	—	—	—	—
-------------------	-----	-------------------	-------------------	-----	---	------------------	---	---	---	---

¹⁾ Сводъ стат. данныхъ, ib. стр. 126—129. По свидѣніямъ, собраннымъ мною въ время жителѣ Т-Х-Шур. округа платятъ беканъ въ видѣ натуральной денежки по кромѣ, однако, сел. Гелли.

Селенія.	Общее число.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣтельской, находящейся въ пользованіи разнѣ въ десятинахъ.				
		Пашни.	Повосой.	Пастбища.	Лѣсовъ.	На 1 жителя.	Пашни.	Повосой.	Пастбища.	Лѣсовъ.	На 1 жителя.
Хулима	528	78	62, ₆	296, ₄	—	0, ₈₂	—	—	—	—	—
Чаравалю	213	12	11, ₇	106	—	0, ₅₂	—	—	—	—	—
Кайтагъ:											
Берекей	850	964, ₃	80, ₈	30	5, ₄	1, ₂₁	—	—	—	—	—
Великентъ	975	388, ₁	220, ₈	—	—	0, ₃₁ ²⁾	—	—	—	—	—
Уллу-Төрөкөмө	152	38, ₃	27, ₄	—	—	0, ₄ ³⁾	—	—	—	—	—
Деличобанъ	487	—	—	—	—	— ⁴⁾	191, ₂	147, ₂	—	—	—
Падаръ	289	—	—	—	—	— ⁵⁾	188, ₁	80, ₆	—	—	—

Карабаглы	132	—	—	—	—	—	143 ₁₂	33	—	—	1 ₁₃
Татлары	342	—	—	—	—	— ⁷⁾	122 ₁₂	54	—	—	0 ₁₁
Селенъ	71	—	—	—	—	— ⁸⁾	128 ₁₇	—	—	—	1 ₁₃
Ханъ-Мамедъ-Кала . . .	167	—	—	—	—	— ⁹⁾	104 ₁₃	13	28 ₁₅	—	0 ₁₁
Киякентъ	2050	—	—	—	—	— ¹⁰⁾	312 ₁₃	10 ₁₃	20	10	0 ₁₁
Маджалисъ	1422 ³⁵¹⁾	127 ₄	—	—	—	— ¹¹⁾	—	—	—	—	—

или пробную повинность, производить распашку и уборку бекскихъ посевовъ и платить съ каждой пары скота по 10 сабъ пшеницы, 10 сабъ ячменя, а неимѣющіе скота или только 1 штуку, вносить лишь $\frac{1}{4}$ вышеуказаннаго размѣра зерна.

Ряты отбываютъ бекамъ натуральныя повинности въ видѣ распашки и уборки полей бека и за каждую голову рабочаго скота вносятъ 10 сабъ пшеницы, 5 сабъ ячменя и $\frac{1}{2}$ чалы саману, а неимѣющіе скота—субай—отбываютъ поочередно у бека компаніи работы и платятъ ему $2\frac{1}{2}$ сабы ячменя.

Ряты отбываютъ натуральную повинность по 10 сабъ пшеницы и по 5 сабъ ячменя и, кромѣ того, обязаны убирать клѣбъ бековъ съ полей.

Маджалисскіе евреи платятъ кайтагскимъ бекамъ, сверхъ госуд. земскаго сбора, съ дыма по 3 рубля, нату-

Жители слѣдующихъ селеній, кромѣ вышеуказанныхъ земель, пользуются еще землями, арендованными у частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Паш.	Паш.	Пашб.	Лѣс.		Паш.	Паш.	Пашб.	Лѣс.
1) Берекей	1100	803	—	10	7) Татлары	100	—	—	—
2) Великентъ	400	—	—	200	8) Селенъ	200	—	—	200
3) Уллу-Терекеме	70	30	100	4	9) Ханъ-Мамедъ-Кала . .	100	44.7	—	40
4) Деличобанъ	80	—	50	10	10) Киякентъ	350	50	—	50
5) Падаръ	80	—	—	—	11) Маджалисъ	—	—	20	300
6) Джемакентъ	300	—	—	—					

Селенія.	Общее число жителей общины.	Земли общественной из десятинахъ.					Земли владѣческой, находящейся въ пользованіи разнъхъ десятинахъ.			
		Пашной.	Помосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пашной.	Помосной.	Пастбищъ.	Лѣса.
Туманцаръ	222	—	—	—	—	— ¹⁾	156, ₁	20, ₄	3, ₂	—
Чушлы	689	—	—	—	—	—	302	21, ₂	—	140
Янгикентъ	1612	—	—	—	—	— ²⁾	383, ₃	47, ₇	—	—
Сѣверныя Табасараны:										
Фиргияль	175	—	—	—	—	— ³⁾	203, ₇	16, ₈	—	—
Аракъ	322	—	—	—	—	— ⁴⁾	212, ₄	57, ₈	—	—
Рунгуль	316	—	—	—	—	— ⁵⁾	232, ₇	50, ₂	0	100

							100,00	22,00				
Цургия	194	—	—	—	—	— ⁹⁾	117	72,00	—	—	0	
Сухтукъ	261	—	—	—	—	— ⁹⁾	108,00	22,00	—	—	0	
Хучия	515	—	—	—	—	— ¹⁰⁾	255,00	75,00	—	—	0	

Кромѣ того, жители арендуютъ у частныхъ лицъ и бековъ, а также казны и общества

	Плх.	Пок.	Паскб.	Ис.	
1) Туманларъ	—	—	40	100	9) Куркакъ . . . . .
2) Янгикентъ	200	—	400	800	7) Вартатилъ . . . . .
3) Фиргия	0,00	0,07	20	20	8) Цургия . . . . .
4) Аракъ	18	—	50	86	9) Сухтукъ . . . . .
5) Рушуль	—	0,00	11,00	18	10) Хучия . . . . .

Селенія.	Жителей обще число.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находя пользованіи раба, въ дес.			
		Пашенной.	Поместной.	Пастбищ.	Лѣса.	На 1 жителя.	Пашенной.	Поместной.	Пастбищ.	Лѣса.
Джугдиль	271	—	—	—	—	— ¹⁾	165	49	—	—
Вичриль	122	—	—	—	—	— ²⁾	82	35	—	—
Екрахъ	141	101 ₂	13 ₃₈	—	—	0 ₁₈₁ ²⁾	—	—	—	—
Татиль	181	136 ₃₉	36	—	—	0 ₁₉₆ ⁴⁾	—	—	—	—
Зиль	315	—	—	—	—	— ³⁾	218 ₁₁	56 ₂	—	—
Мурадъ-али-кентъ	51	—	—	—	—	— ⁶⁾	70 ₁₁	14 ₃₆	6	—
Ушвиюгъ	187	—	—	—	—	— ⁷⁾	150 ₃₉	—	—	—

Дарвагъ.	968	—	—	—	—	— ⁹⁾	551 ⁷⁾	146 ⁸⁾	—
Аркитъ.	404	—	—	—	—	— ¹⁰⁾	332 ¹¹⁾	61 ⁸⁾	—
Рукель.	1203	—	—	—	—	— ¹¹⁾	377 ¹¹⁾	190	—

Кромѣ означенныхъ земель, жители арендуютъ у частныхъ лицъ, разныхъ

	Паш.	Пок.	Пастб.	Лѣс.	
1) Джугдиль	12	—	70	100	7) Ушинюгъ . . .
2) Вичрикъ	—	—	100	505	8) Кемахъ . . .
3) Екрахъ	7 ¹⁰⁾	1 ¹²⁰⁾	50 ¹⁰⁾	300	9) Дарвагъ . . .
4) Татиль	41	2	—	154	10) Аркитъ . . .
5) Зилъ	9 ¹¹⁾	5 ¹¹⁾	300	60	11) Рукель . . .
6) Мурадъ-аги-кентъ . . .	—	—	5	11 ¹¹⁾	

Селенія.	Общее число жителей всего пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находя- щейся въ пользованіи разн. въ до- вѣ.		
		Пашенной.	Поместной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жителя.	Пашенной.	Поместной.	Пастбищъ.
Гемейды.	834	—	—	—	—	— ¹⁾	385, ₂	153, ₁	—
Бильганди	245	—	—	—	—	— ²⁾	99, ₁	26, ₃	—
Задіанъ	532	—	—	—	—	— ³⁾	264, ₁	116, ₃	—

Марага.	1812	—	—	—	—	— ⁵⁾	1434, ₃₉	283, ₁	—
Мугатырь.	953	—	—	—	—	— ⁶⁾	602, ₇	114, ₄	—

Кромѣ того жители арендуютъ у частныхъ лицъ и обществъ земли:

	Пак.	Пок.	Постб.	Лѣс	
1) Гемейды	7, ₃	—	500	—	5) Митаги . . . .
2) Билъгади	1	—	600	220	6) Марага . . . .
3) Задіанъ.	300	—	600	—	
4) Сел. Мугатырь арендуетъ землю у частныхъ лицъ въ количествѣ 4,4 д					

Селенія.	Общее числ. жителей обоихъ половъ	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, вхо- димою въ десятину.		
		Пашенной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пашенной.	Покосной.	Пастбищъ.
Южная Табасарань, Кю- ринск. округъ 1):									
Дашлукесть.	105	—	—	25	25	0,47	79,3	—	—
Хмелюкъ.	127	—	—	—	—	—	104	—	500
Чихтигъ	99	—	—	25	15	0,44	65,3	—	—
Карчагъ	761	—	—	350	250	0,36	413,4	—	—
Знакъ.	494	—	—	125	37,5	0,37	253,2	—	—
Энеццалъ.	181	—	—	100	—	0,55	200,7	—	—
Куркентъ.	896	75	—	175	—	0,22	492	—	—
Нютюкъ.	671	—	—	175	50	0,12	302,7	—	—
Чидихоръ	353	—	—	150	25	0,15	204,2	—	—
Юрта 2) (Кюрин. окр.):									
Барбаркентъ.	16	—	—	2,5	28	1,19	16,2	—	—
Бюльбюль.	472	75	—	—	1,7	0,46	138,2	—	—
Гизаркентъ.	84	—	—	—	65	0,78	58	—	—

Аликевтъ	6 3	—	—	50	33,2	0,2	257,2	—	—	—
Целягюнъ	587	—	—	100	125	0,38	333,2	—	—	—
Койсунъ	588	225	—	75	50	0,16	245,2	—	—	—
Магерамкентъ	312	50	—	—	87,3	0,44	324	—	—	—

1) Свѣдѣнія о повинностяхъ въ Южной Табасарани собраны мною лично на мѣстѣ

2) Свѣдѣнія о повинностяхъ Кюринскаго округа собраны мною на мѣстѣ въ

Селенія.	Общее число жителей и оброто по.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣческой, нахо- дывающейся въ дес.		
		Пашенъ.	Пашенъ.	Пашенъ.	Иса.	На 1 жител.	Пашенъ.	Пашенъ.	Пашенъ.
Зогрбенъ	452	75	—	30	100 ₃₅	0 ₁₄₅	475 ₃	—	—
Бубненъ	305	100	—	1 ₁₇	101	0 ₃₈₇	167	—	—
Хугунъ	203	25	—	2 ₃	78 ₃	0 ₃₇₀	172 ₃	—	—
Испикъ	485	—	—	—	200	0 ₄₁	334	—	—
Махмуденъ	413	150	—	22 ₅	45	0 ₃₅₂	272 ₁	—	—

Координируя все сказанное въ этой главѣ о податяхъ и повинностяхъ, отбываемыхъ въ настоящее время раятами Дагестана, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Наибольшее число раятъ выпадаетъ на долю прикаспійской части Дагестана и, главнымъ образомъ, южной ея части, гдѣ наиболѣе долго дѣйствовали туземныя управленія, поддерживаемыя русскою властью, при полномъ невмѣшательствѣ послѣдней во внутреннія дѣла владѣній.

2) По племенному составу наибольшее количество раятъ приходится на мирныя, трудолюбивыя племена, каковы, напр., татары, таты, табасаравцы, евреи и проч.

3) Подати и повинности, отбываемыя раятами, во всемъ почти Дагестанѣ носятъ натуральный характеръ и заключаются: первыя—въ произведеніяхъ земли (пшеница, чалтыкъ, ячмень и пр.) и продуктахъ скотоводства, пчеловодства и проч., а вторыя—въ работѣ личной, отъ 2 до 15 и болѣе дней, и доставкѣ лошадей, арбъ и проч.

4) Подати, вносимыя бекамъ, гездѣ въ Дагестанѣ болѣе или менѣе опредѣленны, но того нельзя сказать о повинностяхъ, которыя во многихъ мѣстахъ носятъ неопредѣленный характеръ, не будучи выражены извѣстнымъ количествомъ дней, какъ, напр., во всемъ Терекемейскомъ участкѣ Нижняго Кайтага, гдѣ раятамъ предписывается прямо—уборка и обработка полей бека.

5) Подати и повинности исполняются раятами въ однихъ мѣстахъ Дагестана вмѣсто государственнаго подымнаго сбора, но съ увеличеніемъ размѣровъ того земскаго (Кайтагъ, Табасаранъ), въ другихъ вмѣсто послѣдняго (Тарковское владѣніе, Мехтула) а въ третьихъ, наконецъ, рядомъ съ тѣмъ и другимъ.

6) Размѣры податей и повинностей, вносимыхъ въ пользу беконъ, не одинаковы и, при переложеніи на деньги, по нашему вычисленію, колеблются между 3 и 33 рублями.

7) Размѣры податей и повинностей, завися отъ различныхъ причинъ, какъ-то: характера населенія, удаленности деревни отъ русскаго населеннаго пункта, силы и могущества бека и т. п., какъ это видно изъ сравненія величины податей и повинностей и количества земли на 1 человѣка, не зависятъ отъ величины надѣловъ бекской земли.

8) Являясь отголоскомъ прежнихъ налоговъ и ханскихъ по-

винностей, подати и повинности взимаются беками съ раятъ не за пользованіе землею ихъ, а просто за принадлежность къ данному сельскому обществу, что подтверждается фактомъ платежа повинностей жителями сел. Екрахъ, Татиль и другими, гдѣ въ пользованіи сельчанъ нѣтъ бекской земли, а также обязательствомъ платить бекамъ извѣстное количество съ посѣяннаго на чужой землѣ (напр., селенія Кюры) или заработаннаго на сторонѣ (сел. Хучни въ Табасарани и нѣкоторыя селенія Кайтага).

Изъ сказаннаго видно, что для раятъ Дагестана великая реформа 1861 г. не принесла ничего новаго. Все здѣсь осталось по-прежнему, не исключая даже права продажи раятъ. Отчужданіе земли, на которой живутъ раяты, бекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, продаетъ и права на сборъ податей и личный трудъ сидящихъ на ней раятъ. Для приобрѣтенія земли и владѣнія раятами въ настоящее время нѣтъ даже надобности принадлежать къ бекскому сословію: достаточно однѣхъ денегъ,—почему даже самъ раятъ можетъ сдѣлаться господиномъ своихъ бывшихъ собратій.

Покончивъ съ описаніемъ быта владѣльческихъ раятъ, мы переходимъ теперь къ другому, не менѣе интересному предмету, именно—къ изображенію раятскихъ отношеній между русскимъ правительствомъ и раятами, поселенными на земляхъ, признанныхъ казенными.

Своимъ происхожденіемъ отношенія эти обязаны тому, что русская власть, упраздняя прежнія туземныя административныя единицы, исходила не изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, а именно: уничтожая болѣе крупныя туземныя единицы, какъ, напр., ханства, она придерживалась по отношенію къ нимъ принципа государственнаго суверенитета, между тѣмъ какъ въ своихъ отношеніяхъ къ мелкимъ, какъ, напр., владѣнія бековъ и т. п. (напр., владѣніе Заль-бека), она держалась частно-правового взгляда. Благодаря этому разногласію, въ первомъ случаѣ русская власть, считая территорію ханства верховной собственностью государства, признавала землю частною собственностью тѣхъ обществъ крестьянъ, которые пользовались ею споконъ вѣковъ, и регулировала только взаимныя отношенія между государствомъ и жителями, вытекавшія изъ обязанностей подданства;—во второмъ же случаѣ, упраздняя владѣніе бека, надѣленнаго ханомъ административною властью надъ тою или другою деревнею, она считала землю, ко-

торой владѣли жители, за частную собственность бека и сообразно съ этимъ дѣйствовала.

Того же частно-правового взгляда русская власть держалась и по отношенію къ ханскимъ, такъ сказать, доменамъ, рассматривая ихъ за частую собственность хана, что было совершенно неправильно.

Немудрено, что при такой несистематичности и невыдержанности взгляда русская власть постоянно ошибалась то въ ту, то въ другую сторону и, уповая на то, что все со временемъ выяснится, признавала собственностью казны тѣ земли, которыя никогда не принадлежали ни ханамъ, ни бекамъ.

Какъ произвольно поступала русская власть,—это можно видѣть, во-первыхъ, изъ исторіи Улусскаго магала, а во-вторыхъ—въ одного примѣра, бывшаго у насъ на глазахъ въ 1889 г.

Улусскій магалъ споконъ вѣковъ входилъ въ составъ Дербентскаго ханства и подчинялся правителямъ послѣдняго. Въ началѣ XIX ст., за измѣну Шихъ-алихана, Дербентское ханство было уничтожено, послѣ чего Улусскій магалъ поступилъ въ русское управленіе. Послѣднее продолжалось до 1806 г., когда Улусскій магалъ, или, вѣрнѣе, доходы съ него были отданы Мехти-Шамхалу Тарковскому въ вознагражденіе услугъ, имъ лично оказанныхъ. Послѣ смерти Мехти онъ отобранъ правительствомъ не былъ (почему—это мы видѣли раньше), и на этомъ основаніи попалъ въ число родовыхъ земель Шамхаловъ. Послѣ прекращенія прямой ливіи Тарковского дома Улусскій магалъ, въ 1883 г., поступилъ снова въ распоряженіе русскаго правительства. Отсюда ясно, что русская власть должна бы имѣть на землю Улусскаго магала право только верховной собственности, какое принадлежало Дербентскимъ правителямъ, но на дѣлѣ вышло не то,—и Улусскій магалъ сталъ собственностью казны, а жители, владѣвшіе съ незапамятныхъ временъ его землями, какъ общественною собственностью, стали, если можно такъ выразиться, государственными раятами.

Второй примѣръ таковъ.

Рѣшившись привести въ извѣстность земли, принадлежавшія послѣднему Кюринскому хану на ханскихъ правахъ — надо замѣтить, что таковыхъ земель въ Кюринскомъ ханствѣ не могло существовать уже потому, что самое ханство возникло только въ 1812 году — Министерство государственныхъ имуществъ въ 1889 году призвало своею собственностью, несмотря на всѣ про-

тесты жителей, лѣсную дачу подѣ именемъ Илликъ, спокомѣ въ-ковѣ принадлежавшую жителямъ деревень Келе, Чиликъ, Цицигъ, Икра и Штулъ ¹⁾.

1) Чтобы познакомить читателя болѣе подробно, какъ совершилась эта любопытная передача чужой земли въ руки Министерства Госуд. имуществъ, мы считаемъ нужнымъ привести передаточный актъ, совершенно случайно попавшій въ наши руки: „Іюня 25 два 1889 г. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 іюня 1888 г. и инструкціи Его Сіятельства Главновѣдѣствующаго гражданскаго частію въ Кавказѣ отъ 8 января 1889 г., препровожденной при предписаніи Воеводскаго губернатора Дагестанской области отъ 9 марта 1889 г. за № 3124, мы, нижеподписавшіеся, помощники начальника Кюринскаго округа, NN, и лѣсной ревизоръ управленія государственными имуществами Бакинскіи губерніи и Дагестанской области, NN, прибыли въ мѣстность подѣ названіемъ „Маганъ-Тамъ“, при чемъ первый изъ насъ передалъ, а второй привѣлъ на-званную лѣсную дачу подѣ тѣмъ же названіемъ (она же Илликъ), расположенную въ Кутуръ-Кюринскомъ наибствѣ Кюринскаго округа, Дагестанской области, за неимѣніемъ плава, въ слѣдующихъ гравѣцахъ: съ юга и запада пастбищная гора „Яраръ-Дагъ“, съ сѣвера рѣчка Кумарнацъ, въ которую впадаютъ Сентеръ-вацъ и Мазанъ-вацъ и которая, по сліяніи съ послѣдними двумя, получаетъ наименованіе Маганъ-вацъ. Сѣверная граница по второй рѣчкѣ доходитъ до моста, называемаго Муса-Керпи и находящагося у сел. Рухунъ. Съ востока граница начинается у названнаго моста (Муса-Керпи) и проходитъ по прямой линіи до бугра, подѣ названіемъ Михмудавъ-Никинъ-Кувтъ, гдѣ поставленъ курганъ; отсюда граница идетъ по прямой линіи до начала хребта, называемаго Амвентъ-Ягунтъ-Сыртъ, гдѣ также поставленъ курганъ, отъ котораго она проходитъ по втому хребту вплоть до слѣдующаго кургана, поставленнаго въ возвышенности, находящейся подѣ лѣсистымъ ущеліемъ, подѣ названіемъ Хазара-Камъ; отъ послѣдняго кургана восточная граница тянется хребтомъ, огибающимъ какъ названное, такъ и остальные ущелія, до соединенія съ пастбищною горою Яраръ-дагъ. Лѣсные участки, составляющіе эту дачу, расположены главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ ущеліяхъ: Гартула-Камъ, Иргавъ-Камъ, Пелеръ-Камъ, Даркваци-Камъ, Хулинь-Камъ, Цикуни-Камъ, Яранъ-Камъ, Ухвортилъ-Камъ, Маганъ-Камъ, Хазари-Камъ, Шахнамазъ-виеавъ-Камъ, Кунакъ-Камъ, Тонхъ-Камъ и Лама-Камъ. Въ поименованныхъ ущеліяхъ лѣсонасажденія находятся болѣею частью въ хорошемъ состояніи, такъ что мѣстами встрѣчается строевой лѣсъ крупныхъ размѣровъ, но, по мѣрѣ приближенія въ селеніямъ, состояніе дачи замѣтно ухудшается: строевой лѣсъ замѣняется дровянымъ или же кустарниковымъ, и кромѣ того встрѣчается въ болѣеомъ количествѣ порубка прежнихъ временъ. Въ дачѣ произрастаютъ слѣдующія породы: букъ, дубъ, грабъ, береза, липа, ясенъ и много другихъ, въ возрастѣ 30—50—60—80—100 лѣтъ, но преобладаютъ букъ и дубъ, занимающіе приблизительно $\frac{1}{6}$ всей лѣсной площади и встрѣчаются мѣстами чистымъ насажденіемъ. Въ гравѣцахъ второй дачи расположено множество полянъ, образовавшихся отъ расчистокъ лѣса и завятыхъ пахотою и сѣнокосами, принадлежащими жителямъ разныхъ деревень и преимую-

Такой способъ дѣйствія привелъ къ тому, что большія пространства земли, всегда бывшія въ общественномъ владѣніи носелянъ Дагестана, перешли въ собственность казны, а жители, на нихъ живущіе, изъ вольныхъ узденей, подданныхъ хана, стали раятами казны.

Такихъ селеній, жители которыхъ состоятъ въ раятскихъ отношеніяхъ къ казнѣ, въ настоящее время въ Дагестанѣ имѣется 25 съ 13610 жителями об. пола.

По округамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Округа.	Число селеній.	Число жителей
Казикумухскій	9	7531
Кайтаго-Табасаранскій	8	4000
Кюринскій	9	2079

Одни изъ этихъ селеній рядомъ съ государственнымъ подымнымъ или усиленнымъ земскимъ сборами несутъ, въ качествѣ раятскихъ, особую денежную повинность, другія—платятъ натуральными произведеніями, наконецъ третья—помимо вышеназваннаго, еще и работой.

Что касается самихъ сборовъ и повинностей, исполняемыхъ жителями, то они по своему характеру весьма разнообразны и потому могутъ быть перечислены только по каждому селенію въ отдѣльности.

цественно слѣдующихъ селеній, расположенныхъ въ самой дачѣ, а именно: Келе, Чиликъ, и Цицигъ; эти поляны въ общей сложности занимаютъ приблизительно $\frac{1}{3}$ общей лѣсной площади. Кроме того на этихъ поляхъ произрастаетъ большое количество фруктовыхъ деревьевъ (въ томъ числѣ и грецкій орѣхъ), принадлежащихъ жителямъ названныхъ трехъ селеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что они всегда пользовались изъ этой дачи равными лѣсными матеріалами безплатно. Независимо отъ этого вышеупомянутыя три общества добавили—Келинское: лѣсные участки—Яравъ-Ягъ и Кукулума-Ягъ—ихъ собственные, изъ нихъ послѣдній участокъ находится въ совѣстномъ пользованіи съ обществомъ сел. Чиликъ; Чилинское общество: лѣсные участки Кулавъ-Рукалъ-Лавди (онъ же Веграль-Ланди), Велико-Ягъ и Доркуцъ-Ягъ—ихъ собственные, изъ которыхъ послѣдніе два находятся въ совѣстномъ пользованіи сел. Цицигъ и Чиликъ, въ общество селенія Цицигъ: лѣсные участки Сарта-Батюке, Ягатыри-Яна, Салмава-Викинъ-Кежъ и Чехіе составляютъ ихъ собственность. На лѣсъ, произрастающій въ ущеліяхъ: Хазари-Камъ и Шахнамазъ-Викинъ-Камъ общество селенія Ибра Кюринскаго округа заявило споръ о правѣ собственности. Равнымъ образомъ и жители селенія Штулъ того же округа заявили такой же споръ на лѣсъ, произрастающій въ ущеліяхъ: Кувакъ-Камъ, Шгиль-Камъ и Лама-Камъ.

Селенія.	Общее число жителей обоихъ пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли казенной, находящейся во владѣніи жителей, въ десятинахъ.				
		Пахатной.	Пашенной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Пашенной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.
Назнимухское ¹⁾ :											
Вачи.	827	94	89,5	92,4	2,5	0,24	—	—	—	—	—
Гоміахъ.	411	53,2	45,2	598	—	1,62	—	—	—	—	—
Сумбать.	731	99	41	367	3	0,77	—	—	—	—	—
Сухи.	308	35	18	476	—	1,77	—	—	—	—	—
Хурхи.	678	118,5	136,3	266	—	0,77	—	—	—	—	—
Циша.	564	87,5	63	168,6	—	0,58	—	—	—	—	—
Хосерскъ.	1733	173	120	1817	1	1,22	—	—	—	—	—
Чирахъ.	986	65	167	1588	3	1,90	—	—	—	—	—

Тухчарь	293	26, ₅	20	236, ₅	—	0, ₉₇	—	—	—	—	—
Нижний Кайтагъ:											
Великентъ	975	388, ₁	220, ₈	—	—	0, ₆₂ ²⁾	—	—	—	—	—
Уллу-Терекеме	152	38, ₉	27, ₄	—	—	0, ₄₃ ³⁾	—	—	—	—	—
Берекей	850	964, ₃	80, ₈	30	5, ₄	1, ₃ ⁴⁾	—	—	—	—	—

¹⁾ Дагестанская область. Сводъ статистич. данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ казья. Изд. Закавказс. стат. комитета, стр. 157 и 159.

Кромѣ того, жители Кайтага и Табасарани арендуютъ у частныхъ лицъ и обществъ

Паш. Пок. Пашб. Лѣс.

¹⁾ Великентъ . . . . . 400 — — 200

²⁾ Уллу-Терекеме 70 30 100 4

³⁾ Берекей . . . . .

Селенія.	Общее число жителей обоихъ пола.	Земли общественной въ десятинахъ					Земли казенной, находящейся во владѣніи жителей, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и по- винностей.
		Пахатной.	Польской.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жителя.	Пахатной.	Польской.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жителя.	
Сѣверная Табасаранъ:												
Ерси.	750	482 ₁	119 ₁₂	—	—	0,9 ⁴	—	—	—	—	—	Селенія эти взяты въ казну отъ Заваль бека и обложены, кромѣ усилен.вемскаго, еще особыми сборомъ за произведенія земли:Ерси—162 р., Нитюгъ 49 р., Хили еджинъ 51 руб. въ годъ.
Нитюгъ.	372	184	15 ₁₇	—	—	0,7 ⁵	—	—	—	—	—	
Хили еджинъ.	180	138 ₁₈	27 ₁₀	—	—	0,9 ⁶	—	—	—	—	—	
Цякъ.	470	294 ₃₃	53 ₁	—	—	0,74 ⁷	—	—	—	—	—	Селенія эти обложены, кромѣ усиленнаго земскаго сбора, еще особыми сборомъ за произведенія земли: Цякъ—90 р. и Меджа— 43 р. за годъ.
Меджа.	261	111 ₁₉	14	—	—	0,47 ⁸	—	—	—	—	—	
Улусскій магалъ:												
Джалганъ.	272	—	—	—	—	—	202 ₄	—	250	50	1,1	Жители с. Джалганъ, какъ раны, вносятъ копей, какъ равныше Шамхалу: 1) 1/10 урожая всякаго хлѣба и 2) 60 руб. съ цѣлой деревни, вмѣсто исполненія натуральныхъ повинностей.
Азаль оглы.	42	—	—	—	—	—	—	—	—	375	15 ₁₀	Жители этихъ деревень, какъ раны, вносятъ копей, какъ равныше Шамхалу: 1) 1/10 урожая всякаго хлѣба и 2) 60 руб. съ цѣлой деревни, вмѣсто исполненія натуральныхъ повинностей.
Авдигинъ.	145	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	

	Пак.	Пом.	Пастб.	Лѣт.
1) Ерсн	73 ₃	5 ₁₅	1500	1500
2) Нитюгъ	15	0 ₁	800	400
3) Хилипенджикъ	1 ₃	0 ₄	800	400
4) Цнакъ	10	1 ₃	10	150
5) Меджа	10	—	80	290

6) Собираемый зерновой хлѣбъ, въ качествѣ п дати, поступаетъ въ распоряженіе округа и продается послѣднимъ съ публичнаго торга въ пользу казны, какъ напр., въ 1911 г. пенъ въ 371 р. 75 к.

7) Приведенныя въ этой таблицѣ пастбища и лѣсомъ жители не пользуются. Министерство государственныхъ имуществъ.

Изъ приведеннаго обозрѣнія сборовъ и повинностей, исполняемыхъ въ пользу казны раятами Дагестанской области, видно, что ви по количеству (отъ 2—30 р.), ви по качеству они ничѣмъ не отличаются отъ частно-владѣльческихъ поборовъ, о которыхъ сказано равьше. Какъ тѣ, такъ и другія одинаково несовременны, несправедливы и ложатся тяжелымъ бременемъ на подлежащее имъ населеніе.

Но особенно тяжело положеніе казенныхъ раятъ Улусскаго магала. Экономическое состояніе послѣднихъ, судя по официальнымъ даннымъ, ухудшается съ каждымъ годомъ, причиною чего являются,—какъ свидѣлствуютъ единогласно тѣ же данныя,—непосильныя подати и повинности, частая доставка подводъ для надобностей русскаго правительства и особенно притѣсненія со стороны лѣснаго вѣдомства, которое, получивъ въ свое распоряженіе земли Улусскаго магала, превратило ихъ въ оброчныя платежи и не позволяетъ пользоваться жителямъ принадлежащими имъ споконъ вѣковъ пастбищами и лѣсами. Послѣднее сдѣлало жизнь раятъ Улусскаго магала нестерпимой, и жители съ добрымъ чувствомъ вспоминаютъ времена Дербентскихъ хановъ и Шамхановъ Тарковскихъ, когда царствовалъ полный произволъ въ администраціи, во за то можно было свободно жить и пользоваться угодьями.

Глава III.

Попытка разрѣшенія раятскаго вопроса.

Представленный нами очеркъ раятской зависимости и тягостнаго быта крестьянъ въ Дагестанѣ показываетъ всю ненормальность положенія раятъ. Раятскій вопросъ требуетъ немедленнаго рѣшенія и долженъ быть поставленъ какъ можно болѣе рѣшительно. Невозможно въ угоду одному сословію бековъ приносить интересы всѣхъ остальныхъ... Раньше или позже—реформа должна быть произведена: и для владѣльцевъ, и для раятъ было бы лучше, если бы она была произведена въ настоящее время... Какъ тѣ, такъ и другіе въ настоящее время одинаково стоятъ за уничтоженіе раятской зависимости. Постоянные раздоры и споры надобѣли тѣмъ и другимъ. Мѣстная администрація и Народный Дагестанскій Судъ завалены дѣлами и своею властью ни-

чего не могутъ подѣлать. Всѣ ихъ мѣры палліативны и, распространяясь на единичные случаи, не предупреждаютъ возникновенія новыхъ недоразумѣній. Очевидно, что юстиція и администрація не могутъ развязать этого гордіева узда. Сила, которая его можетъ разрубить—законодательная власть. И сдѣлать это (про государственныхъ раятъ мы не говоримъ: это недоразумѣніе, объяснимое легко административной спячкой) вовсе не такъ трудно.

Намъ кажется, что общій вопросъ о прекращеніи ненормальныхъ отношеній раятъ къ владѣльцамъ распадается на два болѣе частныхъ вопроса: 1) на вопросъ о нормированіи поземельныхъ отношеній населенія къ владѣльцамъ и 2) вопросъ о разнаго рода сборахъ, собираемыхъ владѣльцами въ свою пользу.

Первый вопросъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ даже по позднѣйшимъ официальнымъ даннымъ ¹⁾ земля, за которую владѣльцы получаютъ сборы и повинности, признается собственностью казны. Въ виду этого, по вашему крайнему разумѣнію, правительство для опредѣленія поземельныхъ отношеній должно прежде всего провѣрить документы, на основаніи которыхъ беки заявляютъ права собственности на земли раятъ. Только тѣ земли, на которыя будутъ существовать данныя русскаго правительства или подлинныя фирманы персидскихъ шаховъ, должны быть признаны русскимъ правительствомъ собственностью бековъ, всѣ же остальные должны разсматриваться какъ общественная собственность жинущаго на нихъ райтскаго населенія.

Но и относительно первыхъ вопросъ этимъ не можетъ быть исчерпанъ. Отношенія жителей къ этимъ землямъ должны быть выяснены. По вашему мнѣнію, это можетъ быть сдѣлано двумя способами: или посредствомъ изданія закона о вѣчной арендѣ, или путемъ выкупа райтскихъ земель этой категоріи въ собственность раятъ. Первый изъ этихъ способовъ не искореняетъ совершенно зла; вѣчная рента, какъ особый видъ неполной собственности,

---

¹⁾ Акты, т. XII ч. 1 стр. 667. Въ „запискѣ о поземельныхъ отношеніяхъ землеуладѣльцевъ и поселянъ, на ихъ земляхъ живущихъ, въ равныхъ частяхъ Закавказскаго края. I. О поземельныхъ отношеніяхъ хановъ, бековъ, мелниковъ, агаларовъ и поселянъ, живущихъ въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ и южной Дагестанѣ“ читаемъ: „ханы и беки составляютъ высшее сословіе, но земля признается собственностью казны, хотя они получаютъ доходы съ нея за исполненіе полицейскихъ обязанностей“.

чужда нашему законодательству и въ экономическомъ отношеніи представила бы такія же невыгоды, какъ и настоящая раятская зависимость. Никакой билль, вродѣ Ирландскаго, не рѣшитъ удовлетворительно вопроса. Единственный, такимъ образомъ, выходъ, котораго можно желать—это выкупъ, при матеріальномъ содѣйствіи правительства, раятскихъ участковъ земель названной категоріи посредствомъ капитализаціи поземельной ренты.

Что касается второго вопроса, т. е. разнообразныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ населенія беками, то этотъ вопросъ, послѣ того какъ будутъ нормированы поземельныя отношенія, и окажется, что беки не имѣютъ никакихъ правъ на землю жителей, рѣшится самъ собою.

Не являясь поземельной рентой, всѣ сборы и повинности населенія въ пользу бековъ, значить,—ничто иное, какъ налоги, оставшіеся отъ прежняго времени, и, какъ таковые, должны быть безусловно уничтожены, и притомъ безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, право взимать налоги составляетъ прерогативу государственной власти. Если въ бывшихъ ханствахъ эта *regalia majora* была предоставлена въ пользу частныхъ лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобный же порядокъ вещей сохранялся и при русскомъ владычествѣ. Русская власть несеетъ здѣсь всѣ обязанности государственной власти—должны же ей принадлежать и всѣ ея права. Въ виду этого всякіе сборы и повинности жителей Дагестана въ пользу владѣльцевъ на почвѣ бывшей административной зависимости населенія должны быть уничтожены, повторяемъ мы, и безъ всякаго вознагражденія. Владѣльцы-беки должны довольствоваться уже тѣмъ, что они в такъ въ теченіе многихъ лѣтъ получали громадные доходы совершенно неправильно.

П. Гидуляновъ.

Свадебные обычаи и обряды и брачное право у новых ¹⁾ армянъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ обычнаго права армянъ наиболѣе интереснымъ для этнографа и историка—юриста является несомнѣнно семейное право. Въ самомъ дѣлѣ, нормы положительнаго права менѣе всего коснулись семейныхъ отношеній народа, вслѣдствіе чего эти отношенія сохранили почти всецѣло свою дѣвственную форму, доставляя, такимъ образомъ, богатый, нетронутый матеріалъ для изученія древняго быта, обычаевъ, нравовъ и юридическихъ отношеній народа. Семейное право является интереснымъ еще и потому, что въ немъ скрещиваются почти всѣ отдѣлы обычнаго права, что является слѣдствіемъ родового быта у древнихъ армянъ, о чемъ напоминаютъ существующія и донинѣ „большія семьи.“

Вотъ это и побудило меня заняться собираніемъ матеріаловъ по семейному праву закавказскихъ армянъ вообще и въ частности пока брачными обычаями, гдѣ, вряду съ массой обрядовъ, мы сталкиваемся съ разбросанными повсюду обрывками наслѣдственнаго, обязательственнаго и даже вещнаго права.

Обычное право армянъ—это сфера почти еще непочатая, и это сдѣлается намъ вполне понятнымъ, если обратимся къ исторіи расселенія армянъ по Закавказью. Разновременныя массовыя переселенія армянъ изъ Персіи, Турціи, въ силу историческихъ условій, изъ одной армянской провинціи въ другую создали массу отдѣльных типовъ—группъ армянъ. Каждая изъ этихъ группъ, находясь

---

¹⁾ Новыми армянами называются жители тѣхъ деревень, которыя были основаны армянами, переселившимися въ Россію во время русско-персидской войны, въ 1828 году. Многое изъ свадебныхъ обычаевъ ими было перевято у коренныхъ жителей (старые армяне), на обычаи которыхъ, въ свою очередь, повліяли новопришельцы.

въ различные періоды подъ различными вліяніями, усвоила, на ряду съ существующими общими обычаями армянъ, и обычаи господствующаго племени. Такимъ образомъ, огульное изученіе обычнаго права армянъ Закавказья, опѣнка его по одному масштабу можетъ привести къ печальнымъ результатамъ. До сихъ поръ если и собирались матеріалы по обычному праву—изученія не было,—то только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ, и то не въ этнографическомъ, а почти исключительно въ географическомъ отношеніи.

По моему крайнему разумѣнію, дѣло изученія обычнаго права надо вести слѣдующимъ образомъ: 1) надо разсматривать каждую группу отдѣльно въ этнографическомъ отношеніи; 2) надо собрать матеріалъ по какому нибудь одному отдѣлу права во всѣхъ группахъ и затѣмъ только, по сопоставленіи, дѣлать выводы. Словомъ, изученіе должно быть историко-сравнительное. Итакъ, теперь дѣятельность нашихъ этнографовъ и юристовъ должна ограничиваться исключительно собираніемъ матеріаловъ, и прозорливость ихъ должна проявляться не въ выводахъ и обобщеніяхъ, а въ умѣніи подмѣчать настоящія черты обычнаго права, что необходимо для целесообразнаго собиранія пригоднаго матеріала. Намъ пока необходимо только архивъ матеріаловъ по обычному праву армянъ.

Съ этой точки зрѣнія и смотрю я на матеріалъ, который сейчасъ изложу. Воздерживаясь отъ сопоставленій и выводовъ, я приножу все въ такомъ видѣ, въ какомъ или видѣлъ лично самъ, или мнѣ рассказывали. Считаю нужнымъ прибавить, что матеріалъ собранъ и записанъ на мѣстѣ въ деревняхъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Въ брачномъ правѣ существуютъ условія, соблюденіе которыхъ необходимо для дѣйствительности брака. Они касаются: 1) *возраста*, съ котораго наступаетъ половая зрѣлость (*pubertas*), 2) обоюднаго *согласія брачующихся* (*consensus facit nuptias*), 3) *согласія родителей и словора* (*sponsalia*), 4) отсутствія близкаго *родства* (до извѣстной степени *cognatio* и *affinitas*), 5) выполненія извѣстныхъ *обрядовъ при обрученіи* и 6) при *совершеніи брака*. Вотъ эти элементы брачнаго союза и буду имѣть я въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи.

Собираясь женить сына, достигшаго половой зрѣлости, родители съ весны уже начинаютъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, которая обыкновенно происходитъ зимою: покупаютъ, если не имѣется дома,

убойный скоть, сажаютъ капусту, осенью не продаютъ винограда, а дѣлаютъ изъ него вино и изюмъ.

Бракъ совершается по достиженіи брачущимися такого возраста, когда они способны къ брачной жизни. По мнѣнію крестьянъ, мужчина достигаетъ половой зрѣлости 15-ти лѣтъ, а женщина 12-ти ¹⁾. Этому правила однако не всегда придерживаются, и мы встрѣчаемъ браки между 13—14 л. мужчиной и 11—13 л. женщиной. Случается также, хотя и рѣдко, что маленькаго мальчика женятъ на взрослой дѣвицѣ, или мужчина уже въ лѣтахъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ 12—15-ти.

Когда всѣ приготовленія сдѣланы, родители начинаютъ выбирать неvěсту, не спрашивая согласія жениха, нерѣдко и противъ его воли, несмотря на то, что армянская церковь не признаетъ въ бракъ власти родителей и считаетъ необходимымъ согласіе брачущихся. Въ церковныхъ канонахъ прямо ставится требованіе спросить согласія жениха и неvěсты какъ при обрученіи, такъ и при вѣвчаніи. При выборѣ неvěсты родители жениха останавливаются на той или другой дѣвушкѣ или вслѣдствіе того, что еще при рожденіи жениха или неvěсты (иногда даже до рожденія) родителями одной стороны было дано родителямъ другой стороны *клятвенное обѣщаніе* породниться съ ними, „башикертма“, или вслѣдствіе того, что женихъ и неvěста уже любятъ другъ друга, или же потому, что родители въ пьяномъ видѣ дали другъ другу слово. Но чаще всего родители жениха, выбирая неvěсту, руководствуются болѣе практическими соображеніями: отецъ старается найти въ своей или въ сосѣдней деревнѣ такую дѣвицу, родители которой или богаты или вліятельны, что въ жизни крестьянъ имѣетъ большое значеніе. Такіе родственники называются по-татарски „помощь“, „подмога“. Мать же жениха ищетъ дѣвицы умной, благой, трудолюбивой, словомъ такой, которая взяла бы на себя часть заботъ по домашнему хозяйству. Когда родители жениха уже выбрали дѣвушку, окольнымъ путемъ узнаютъ настроеніе ея родителей, и если оно оказывается благопріятнымъ, начинаются приготовления къ обрученію. Определеннаго промежутка между обру-

---

¹⁾ Русское положительное законодательство устанавливаетъ для жителей Кавказскаго края: для жениха—15 л., а неvěсты—13 л. Этой статьёй въ настоящее время руководствуется армянская церковь. (2 ст., ч. I, т. X св. законовъ).

ченіемъ и свадьбой не установлено. Случается, что обрученіе совершается за нѣсколько лѣтъ до вѣнчанія, а свадьба черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія. Чаше же обрученіе совершаютъ весною, за нѣсколько мѣсяцевъ до брака, который совершается одновременно со свадьбой зимою. Процедура обрученія довольно сложна; она состоитъ изъ нѣсколькихъ обрядовъ, которые я и приведу въ послѣдовательномъ порядкѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ

„Рѣзаніе хлѣба“.

(„Хад крел“—„над ктрел“).

Въ день „рѣзанія хлѣба“ или отдачи „задатка“ („beh“), утромъ даютъ знать семьѣ невесты, что вечеромъ придутъ туда „рѣзать хлѣбъ“. Семья невесты дѣлаетъ приготовленія къ приему гостей, и вотъ вечеромъ родители жениха, пригласивъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ и взявъ съ собою кувшинъ вина, отправляются въ домъ невесты. Женихъ остается у себя дома. За ужиномъ отецъ жениха дѣлаетъ предложеніе и, по полученіи согласія отъ отца невесты, беретъ 1—2 хлѣба—лошъ¹⁾, сворачиваетъ въ трубочку, даетъ одинъ конецъ держать отцу невесты, за другой берется самъ и разрѣзаетъ ножомъ пополамъ. Свою часть отецъ жениха дѣлитъ на мелкіе кусочки и раздаетъ съ нимъ пришедшимъ гостямъ. Эти послѣдніе прячутъ полученное въ платки и, по возвращеніи домой, раздаютъ своимъ роднымъ и сосѣдямъ. При этомъ, если получившій холостъ, говорятъ: „того же желаемъ и тебѣ: дай Богъ, чтобы рѣзали и твой хлѣбъ“, если же онъ женатъ, говорятъ: „того же желаемъ и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ холостымъ“ и т. д. По совершеніи обряда „рѣзанія хлѣба“ вызываютъ невесту, и мать жениха (или замѣняющая ее женщина) даритъ ей серебряное кольцо или серебряный кредитный рубль, послѣ чего невеста цѣлуетъ ее руку, а та ее въ лицо. Затѣмъ невеста обходитъ по порядкѣ всѣхъ гостей и кланяется имъ, при чемъ каждый изъ нихъ даритъ ей 10—20 коп. На этомъ обрядѣ и кончается, и гости расходятся. Теперь ужъ отецъ невесты ни въ какомъ случаѣ не позволитъ жениху встрѣчаться и разговаривать съ невестой, хотя бываютъ и исключенія. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ обрядъ „колотыбы сахару“ („ганд

¹⁾ Лошъ или лавашъ—туземный, пшеничный хлѣбъ, очень тонкій и мягкій

корел“ — „шакар котрел“), который и есть собственно обручение („ашандрек“).

„Нолотьба сахару“.

(„Ганд корел“ — „шакар котрел“).

Утромъ отецъ жевиха посылаетъ въ домъ невѣсты кувшинъ — два вина, бутылки двѣ водки и фунтовъ 18 — 20 мяса. Къ обѣду же онъ приглашаетъ къ себѣ священника, мелика ¹⁾, родственниковъ, какъ находящихся въ его деревнѣ, такъ и въ другихъ, и сельскихъ ишхавовъ ²⁾. Бываетъ иногда и зурна. Распорядительная часть принадлежитъ мелику. Когда гости въ сборѣ, меликъ приказываетъ накрыть на столъ. Когда накрываютъ скатерть, говорятъ: „Да будетъ благодать Божья“ (т. е. да благословитъ Богъ это обручение.) Одинъ изъ близкихъ семей жениха людей, держа въ одной рукѣ бутылку съ водкой, а въ другой тарелку съ двумя рюмками, подчуетъ гостей водкой, при чемъ священнику подается первому, затѣмъ мелику и т. д. Когда всѣ выпили водки, садятся за столъ, и подается бозбашъ ³⁾. Меликъ обращается къ священнику и проситъ благословить трапезу. Послѣ обычныхъ молитвъ священникъ говоритъ поздравительную фразу, и всѣ хоромъ повторяютъ то же самое и вачинаютъ ѣсть. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и водка, подается вино ⁴⁾. Священникъ, взявъ стакавъ, говоритъ: „Да благословитъ Богъ, да будетъ Его благодать и благословеніе на это дѣло, да ниспадетъ на нихъ (жениха и невѣсту) благословеніе отецъ Авраама, да состарятся они вмѣстѣ“ — и выпиваетъ вино. Нѣчто въ этомъ родѣ говоритъ и каждый изъ гостей, при чемъ, передъ тѣмъ какъ начать, обращается къ священнику, если даже онъ не слышитъ, со словами: „благослови, отецы!“ По окончаніи обѣда начинаетъ играть зурна, и всѣ направляются въ домъ невѣсты. Впереди процессіи идутъ зурначи ⁵⁾, за ними нѣсколько парней несутъ на головѣ *хонча*. Это — туземные мѣдные подносы, наполненные изюмомъ, орѣшками, пше-

¹⁾ Меликъ — помощникъ сельскаго старшины.

²⁾ Ишхавъ — собственно князь; такъ называются у армянъ крестьяне, пользующіеся уваженіемъ и вліяніемъ въ деревнѣ.

³⁾ Туземный жареный супъ.

⁴⁾ Разводящіе водку и вино называются „саги“ (персидск. слово) или „матрива“ (армянское сл.), что означаетъ „виночерпій“.

⁵⁾ Зурначи — играющіе на зурнѣ музыканты.

томъ, самой простой карамелью, и накрытые платками. На одной изъ *хонча* несутъ маленькую голову сахару, приблизительно въ 7 фунтовъ, съ надѣтымъ на нее монистомъ изъ серебряныхъ (рѣдко изъ золотыхъ) монетъ, серебряный поясъ и шелковый платокъ. Эта *хонча* предназначается для неvěсты.

Когда приходятъ въ домъ неvěсты, *хонча* относятъ въ отведенное для женщинъ отдѣленіе, а мужчины входятъ въ саклю, гдѣ на разостланныхъ на полу коврахъ сидятъ приглашенные отцомъ неvěсты гости. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ домѣ жениха, одинъ подаетъ гостей водкой, а другой виномъ, послѣ чего накрывается на столъ, и всѣ садятся кушать. Послѣ ѣды приносятъ всѣ *хонча* и показываютъ присутствующимъ, а *хонча*, на которой находится сахаръ, ставятъ предъ священникомъ, который, благословивъ, кладетъ на нее „маштоцъ“ (требникъ), и желающіе подходятъ, цѣлуютъ его и кладутъ мелкую монету для священника. Подарки неvěсты переходятъ изъ рукъ въ руки и, по разсмотрѣніи всѣми, передаются отцу неvěсты, который и вручаетъ ихъ дочери. Оставшуюся на подносѣ головку сахару ставить предъ ктиторомъ, чтобы онъ раскололъ ее. Ктиторъ начинаетъ притворяться, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ-де—ножь слишкомъ малъ, нѣтъ молотка, ножъ можетъ зазубриться“ и т. д. Когда же получаетъ отъ отца жениха одинъ рубль, начинаетъ колоть сахаръ. Отдѣливъ съ остраго ковца довольно большой кусокъ, онъ разбиваетъ остальное на мелкіе куски и, насыпавъ на блюдечко горсть изюму, кладетъ сверху одинъ или два куса сахару. Кто-нибудь беретъ это блюдечко и подноситъ его священнику, который беретъ находящійся на блюдечкѣ изюмъ и сахаръ. Блюдечко снова наполняется, и такимъ образомъ обходятъ всѣхъ гостей, когда же очередь доходитъ до мелика, сверху изюма кладутъ большой кусокъ сахару, отдѣленный вначалѣ ктиторомъ. По окончаніи этой церемоніи меликъ обращается къ гостямъ и говоритъ: „друзья, слушайте: у насъ существуетъ обычай, обыкновеніе, порядокъ, по которому мы здѣсь должны дать нашей неvěстѣ „ирес тесналэ—ерес тесанкъ 1). Пусть пожалуй, кто сколько хочетъ. Ну, не затягивайте, ночь уже на исходѣ,

1) Деньги, которые даются неvěстѣ гостями, пришедшими со стороны жениха, и родителями послѣднего за то, что она позволяетъ имъ посмотреть ее. „Ерес тесны“ буквально значить „видѣть лицо“.

кончайте!“ Всѣ гости, пришедшіе съ родителями жениха, не исключая и этихъ послѣднихъ, по-очереди подходятъ къ одному изъ присутствующихъ и даютъ ему деньги. Этотъ послѣдній, получая деньги, обыкновенно одинъ рубль, кладетъ ихъ на поднось, находящійся передъ священникомъ. Тутъ же сидитъ и отецъ жениха. Бросая деньги на поднось, собирающій каждый разъ говорить: „молодецъ такой-то: далъ нашей невѣстѣ „ерестесналь“ одинъ рубль. Да продлитъ ему Господь жизнь!“.

Присутствующіе повторяютъ: „дай Богъ ему здоровья“, а меликъ приказываетъ: „дать тому стаканъ вина“. Среди мужчинъ собирается такимъ образомъ 10—50 рублей. Въ женскомъ отдѣленіи происходитъ то же самое; тутъ собираютъ 1 — 5 р. Деньги эти остаются у отца невѣсты до свадьбы ¹⁾. Когда деньги собраны, всѣмъ гостямъ даютъ по стакану вина, послѣ чего зурна начинаетъ играть „паша - кеошти“ „маршъ жениха“, и гости понимаютъ, что имъ пора расходиться. И вотъ всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти высыпаютъ на улицу. Зурна начинаетъ играть плясовую, и эта смѣшанная толпа, приплясывая, направляется къ дому жениха, гдѣ или расходится немедленно, или же остается веселиться еще нѣкоторое время.

„Отрѣзать—скронтъ“.

(„ясим—бичим“).

Недѣли за двѣ до свадьбы отецъ жениха посылаетъ въ домъ невѣсты водки, вина, мяса, а вечеромъ отправляется туда и самъ съ родственниками и близкими знакомыми. Отецъ невѣсты тоже приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ. Когда гости въ сборѣ, къ нимъ выходитъ невѣста и по-очереди кланяется всѣмъ; при этомъ каждый изъ присутствующихъ платитъ ей отъ 20 коп. до 1 рубля, и она уходитъ. Затѣмъ садятся ужинать, послѣ чего отецъ жениха обращается къ отцу невѣсты со слѣдующими словами: „хвами“ ²⁾, мы пришли сюда совѣщаться съ тобой, чтобы послѣ между нами не было никакихъ недоразумѣній, не было недовольства; скажи прямо, при всѣхъ этихъ людяхъ, какъ о томъ, какіе у тебя будутъ расходы, такъ и о томъ, сколько нужно твоей дочери платья, чтобы мы могли купить и прислать тебѣ“. Отецъ невѣсты сначала

¹⁾ На этомъ подробнѣе останавлиюсь въ концѣ.

²⁾ Свать, свойственникъ.

какъ бы не хотеть ничего требовать, говоря: „эхъ, хоть ничего не давай. Какіе могутъ быть счеты между друзьями. Лишь бы ты былъ здоровъ, и безъ этого обойдемся“. Но отецъ жениха начинаетъ настаивать: „милый хнами, вѣдь знаешь, что „закрытый торгъ уничтожаетъ дружбу“ ¹⁾, вѣдь у насъ существуетъ такой обычай, долженъ же ты сказать, чтобы мы знали, что намъ дѣлать“. Наконецъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, онъ говоритъ: „съ самаго же начала я потребую 15 рублей, „судбаһаси“ ²⁾, пять кувшиновъ вина, два пуда водки, два пуда хорошаго, жирнаго мяса или одного трехгодовалаго барана, 10 фунтовъ масла, 1 пудъ рису, что же касается платья невѣсты, это ужъ самъ знаешь, это твой товаръ, въ твой же домъ вернется“. Въ это время мать невѣсты, которая съ нетерпѣніемъ ждала рѣшенія мужа относительно одежды, сердито поднимается съ мѣста, подходитъ къ мужу и, толкнувъ его въ бокъ, говоритъ: „какое вамъ дѣло до одежды, свое кончили и достаточно, а одежда—это наше дѣло“. Мужъ не менѣе сердито отталкиваетъ ее. На этомъ и кончается споръ между мужемъ и женой, послѣ чего гости опредѣляютъ размѣръ требуемаго отцовъ невѣсты, при чемъ обыкновенно присуждается нѣсколько меньше, чѣмъ требовалъ вначалѣ отецъ невѣсты. Этотъ послѣдній свое недовольство выражаетъ слѣдующими обращенными къ отцу жениха словами: „придешь хорошо (т. е. принесешь много), и я хорошо угощу твоихъ гостей, а придешь съ недочетомъ (т. е. принесешь мало), то пусть ужъ совѣсть твоя будетъ тебѣ судьей“. Теперь остается еще открытымъ вопросъ о нарядахъ невѣсты. Тутъ ужъ приглашается ея мать, несмотря на то, что мужъ такъ грубо отвергъ ея вмѣшательство. Она требуетъ, чтобы платье было непременно шелковое, пальто бархатное, изъ хорошаго бархата, а не такого сквернаго, какой былъ на невѣстѣ такого-то или такого-то. Шелковой матеріи нужно 15 аршинъ, бархату 7 аршинъ, на подкладку такой-то матеріи столько-то, 1 шелковый платокъ „леванди“ ³⁾, непременно красный, одинъ платокъ „кялааѓи“ ⁴⁾, пару башмаковъ и разной мелочи. Опять

¹⁾ Татарская пословица.

²⁾ „Судбаһаси“ (татарск.) или „катнаши“ (армянск.) значить „цѣна молока“, т. е. того молока, которыми кормила невѣсту мать.

³⁾ Большіе шелковые платки, изготовляемые въ Персіи.

⁴⁾ Такой же платокъ, только дешевле, для обыденнаго употребленія

начинаются споры между договаривающимися сторонами и опять они улаживаются внимательствомъ гостей. На слѣдующій день одинъ или двое со стороны невѣсты съ отцомъ жениха отправляются за покупкой указанныхъ вещей, при чемъ часто образчикъ матеріи дается матерью невѣсты.

„Кройка одежды“.

(„халав цевени“).

Когда все куплено, сторона жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и близко знакомыхъ женщинъ, класть на поднось, наполненный сушеными фруктами, матеріи, и отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ уже находятся женщины, приглашенные этой стороной. Вызываютъ невѣсту, которая опять кланяется всѣмъ, и гости дарятъ ей по 20-ти коп., послѣ чего матерія передается закройщицѣ. Эта послѣдняя, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ движеній ножницами, начинаетъ увѣрять, что ножницы очень тупы, и надо ихъ чѣмъ нибудь отточить. Тутъ ей даютъ 20 коп., ножницы сразу дѣлаются острѣе, и съ обычной поздравительной фразы и ступаетъ къ кройкѣ, по окончаніи которой сосѣдки принимаются за шитье.

„Вѣнчаніе и свадьба“.

(„Псака-арвис“ — „псака-барсанья“).

Обрядъ вѣнчанія временно, но бытъ и свадьба обыкновенно происходятъ одновременно, иногда надолго, а иногда и исключенія. Такъ, вѣнчаніе совершается и такъ, что, даже за нѣсколько лѣтъ до свадьбы¹⁾; бываетъ и такъ, что послѣ Пасхи устраиваютъ свадьбу, невѣста переходитъ въ домъ жениха, а вѣнчаніе совершается послѣ Вознесенія. Это бываетъ, когда обрядъ вѣнчанія не можетъ быть совершенъ по случаю праздниковъ.

Приступая къ приготовленіямъ для свадьбы, первымъ дѣломъ пекутъ „свадебный хлѣбъ“. При этомъ приглашаются близкіе парни и дѣвцы и съ пѣснями и плясками просятъ муку, мѣсятъ тѣсто и пекутъ хлѣбъ.

Въ среду вечеромъ отецъ жениха, который теперь называется „барсанкатор“, т. е. „хозяинъ свадьбы“, приглашаетъ къ себѣ нѣсколько друзей, съ которыми невѣста выбираетъ двухъ „азан“,

¹⁾ Такой случай былъ въ 1896 г., въ селѣ Уля—Норашенъ, Шар.-Дар. уѣзда.

т. е. молодыхъ, холостыхъ людей, на которыхъ съ этихъ поръ лежитъ обязанность всячески помогать „һарсанктер’у“: они собираютъ въ деревнѣ посуду, приносятъ воду, зовутъ гостей и т. д. Тутъ же выбираютъ и „марнапет’а“ (что значить „кравчій“), которому поручается хлѣбъ, вино, водка, мясо и пр. Все это запирается въ отдѣльномъ помѣщеніи, ключъ отъ котораго съ этого дня долженъ находиться у „марнапет’а“.

Въ четвергъ „һарсанктер“ даетъ двумъ изъ своихъ родственниковъ по „хурджину“ ¹⁾, наполненному маленькими головками сахару, $\frac{1}{2}$ —1 фунта въ каждой, и нѣсколько головокъ по 7-и ф., и посылаетъ ихъ въ сосѣднія деревни приглашать родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Посланные, обходя этихъ послѣднихъ, передаютъ имъ приглашеніе, при чемъ вездѣ оставляютъ по головкѣ сахару, наиболѣе же близкимъ и почетнымъ родственникамъ преподносятся большія головы. За этии же послѣдними, если они живутъ далеко, „һарсанктер“, въ знакъ особаго уваженія, за нѣсколько дней посылаетъ верховыхъ лошадей. Въ этотъ же день „азапы“ начинаютъ свою дѣятельность по собиранію посуды, мебели, а „марнапет“ по движенію въ порядокъ своего буфета. И „азапы“, и „марнапет“ остаются ночевать у „һарсанктер’а“, при чемъ „марнапет“ ночуетъ въ „маранѣ“, т. е. въ помѣщеніи, гдѣ сложены подвѣдомственные ему предметы. „Маран“ иначе называется „казна царя“ ²⁾.

Въ пятницу утромъ, еще до разсвѣта, „азапы“ обходятъ всю деревню и всюду повторяютъ одну и ту же фразу: „сегодня свадьба такого-то, пожалуйста водку пить“. На дворѣ ставится низенькій столикъ, на немъ тарелка съ двумя рюмками и сушенныя фрукты и два хлѣба. У стола стоитъ одинъ изъ родственниковъ „һарсанктер’а“, съ бутылкой водки въ рукахъ. Приглашенные подходятъ, выпиваютъ рюмку водки, закусываютъ и уходятъ, пос- чего приходитъ „тантки“ ³⁾ и начинаетъ варить „лоби чашъ“

¹⁾ Хурджин—переметная сума.

²⁾ Надо замѣтить, что во все продолженіе свадьбы женихъ называется thagachog—„царь“, а невеста—thaguhí—„царица“.

³⁾ „Тантки“—искаженное „тантинки“—хозяйка, которая завѣдуетъ во время свадьбы кухней. Въ каждой деревнѣ бываетъ 1—2 „тантки“.

⁴⁾ „Лоби чашъ“—пюре изъ красныхъ фасолей. Питивца—постный день, потому готовить только постное.

Въ полдень зовутъ „зурначи“ и танцуютъ нѣкоторое время, послѣ чего „һарсанкатер“, взявъ бутылку водки и 7-и фунтовую голову сахару, вмѣстѣ съ зурной отправляется приглашать „кавор'а“¹⁾. Тѣмъ же порядкомъ приглашаются и священникъ, и меликъ; послѣ чего одинъ изъ „азаповъ“ беретъ кувшинъ вина и стаканъ и съ зурной вачинаетъ ходить по домамъ. Войдя въ домъ, онъ подноситъ всѣмъ находящимся тамъ, по-очереди, по стакану вина, по чему тѣ узнаютъ, что ихъ приглашаютъ на свадьбу. Когда народъ начинаетъ собираться, одинъ „сагъ“, стоя у дверей дома, съ бутылкой водки въ одвой рукъ и тарелкой съ сушеными фруктами²⁾ и рюмками въ другой, потчуетъ всѣхъ входящихъ водкой. Пьющіе пьютъ, непьющіе же произносятъ обычную поздравительную фразу, проходятъ и садятся на отведенныя имъ мѣста. Внутри дома другой „сагъ“ угощаетъ вномъ, при чемъ тутъ уже и сами гости просятъ, говоря: „послушай, дай же намъ вина: въ горлѣ совсѣмъ пересохло“. Когда всѣ собрались, меликъ волилъ накрыть на столъ. Надо замѣтить, что самые близкіе родственники „һарсанкатер'а“ не садятся вмѣстѣ съ прочими за столъ, а прислуживаютъ. Они называются „воти врайп мард“, что означаетъ— „стоящіе на ногахъ люди“, т. е. прислуживающіе. Гости усаживаются слѣдующимъ образомъ: одинъ рядъ садится у стѣны, другой напротивъ, оставляя между собой и первымъ рядомъ разстояніе приблизительно въ 1 аршинъ. Это незанятое пространство между сидящими vis-a-vis двумя рядами называется у армянъ „майлис“, что есть ничто иное, какъ искаженное персидское слово „мәджлис“, означающее засѣданіе, собраніе. Люди, „стоящіе на ногахъ“, разстилаютъ скатерть ва „майлисѣ“, при чемъ говорятъ поздравительную фразу. Затѣмъ приносятъ хлѣбъ, посуду и кушанья. Когда подано кушанье, меликъ проситъ священника благословить трапезу. Послѣднюю молитву священникъ кончаетъ, и за нимъ всѣ повторяютъ послѣднія слова. За обѣдомъ „сагъ“ начинаютъ потчивать гостей вивомъ. Первый стаканъ подается священнику. Онъ беретъ стаканъ и вачинаетъ „махтогуютун“ — бла-

1) „Кавор“— исковерканное „кнаһайр“, авачитъ „крестный отецъ“. Такъ называется „посаженный отецъ“, т. е. онъ же обыкновенно креститъ дѣтей тѣхъ, на свадьбѣ которыхъ онъ былъ посаженнымъ отцомъ. О его роли будетъ сказано на мѣстѣ.

2) Сушеные, фрукты газываются тутъ „мазъ“—татарское слово, означающее приправа, закуска.

гопожеланія: „Да будетъ благословеніе Божье, поздравляю. Да со-старятся они (женихъ и невѣста) вмѣстѣ, да будетъ на нихъ благословеніе отца Авраама. Дай Богъ имъ и сыновей и дочерей. Да возрадуются всѣ доброжелатели. За здоровье thagovo'ra и thaguhi“. Нѣкоторые изъ гостей, слѣдуя примѣру священника, поднимаютъ стаканы и, спросивъ благословенія священника, говорятъ „рѣчи“, при чемъ почти цѣликомъ повторяютъ сказанное священникомъ, послѣ чего всѣ повторяютъ „амень“. Выпившій передаетъ стаканъ сосѣду, и „саги“ паливаетъ этому послѣднему вина. Священникъ обыкновенно играетъ роль „тамада“¹⁾, но рѣдко кто обращаетъ вниманіе на предлагаемые имъ тосты: каждый пьетъ за то, что ему нравится. По окончаніи обѣда оставшіяся хлѣбъ заворачивается въ скатерть и кладется передъ священникомъ, который, прочитавъ молитву послѣ принятія пищи, кончаетъ словами поздравленія, которыя повторяются хоромъ всѣми присутствующими. Послѣ этого „саги“ подносятъ всѣмъ еще по стакану вина, и зурна начинаетъ играть „паша кеошти“ (см. выше). Гости расходятся, и садятся обѣдать „прислуживавшіе“.

Въ это время зурна начинаетъ играть на дворѣ. Собираются молодыя женщины и дѣвицы и начинаютъ плясать. Выводятъ быка, предназначеннаго для свадебнаго обѣда. Нѣсколько парней связываютъ его ноги веревками и сваливаютъ на землю.

Затѣмъ призываютъ „таговор'а“, который карманнымъ ножомъ дѣлаетъ надрѣзъ на шеѣ животнаго такъ, чтобы ножъ обогрился кровью; вырвавъ изъ хвоста быка нѣсколько волосъ, онъ наматываетъ ихъ на лезвіе и, закрывъ ножъ, кладетъ его въ карманъ; ножъ остается въ такомъ видѣ въ карманѣ до конца свадьбы²⁾. Затѣмъ мясникъ закалываетъ быка, и пока сдираютъ съ него кожу и потрошатъ, парни и дѣвицы непрестанно пляшутъ. „Азапы“, отведавъ обѣщанное отцу невѣсты количество мяса и отведавъ вина, риса, масла, съ зурначи и парнями и дѣвушками

1) „Тамада“ на Кавказѣ выбирается во время торжественныхъ обрядовъ и кутежей. Его обязанность предлагать тосты и заставлять всѣхъ пить. Онъ также называется „долубаш“. Это — своего рода председатель. Всѣ, желая говорить, просятъ у него слова. Ср. греческ. „συνποσίτης“.

2) Обычай этотъ называется — „thlism“ (пербск. слово ср. „талисманъ“) и означаетъ заговоръ. Тутъ — символъ мужской половой силы (см. В. Акимовъ, Свадебные обычаи восточнаго армянъ. Этногр. Обзор. за 1889 г. № 1, стр. 77—92).

отправляются въ домъ невѣсты; тамъ она не снимаютъ ноши до тѣхъ поръ, пока не получаютъ отъ отца невѣсты по 20—30 коп., послѣ чего съ зурной и плясками возвращаются въ домъ жениха.

Получивъ названныя вещи, отецъ невѣсты приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ женщинъ, которыя начинаютъ дѣлать приготовленія къ „вънчальному обѣду“¹⁾.

Вернувшись домой, азяны и зурначи отправляются приглашать наиболѣе почетныхъ лицъ въ деревнѣ. По звуку зурны остальные сосѣди догадываются сами, что уже время идти на свадьбу. Пока зурна ходитъ по деревнѣ, оставшіеся дома парни и дѣвицы собираются и начинаютъ танцовать „ялли“²⁾ подъ пѣнье. При этомъ во главѣ съ платкомъ въ рукѣ становится парень, который умѣетъ хорошо пѣть. Онъ поетъ solo одинъ куплетъ, за нимъ повторяютъ тоже самое всѣ танцующіе. Пѣсни поются по большей части на татарскомъ, а иногда и на курдскомъ языкѣ. Привожу для примѣра одну изъ такихъ пѣсенъ на татарскомъ языкѣ.

1) Дам уса дыр дамымыз.

Притѣс. Ал-папах оглап банда гяль, банда гяль,

2) Гоша дыр харманымыз.

3) Санъ ордан чых, мѣн бурдан

4) Чатдасын душманымыз.

Надо замѣтить, что каждая строфа состоитъ изъ четырехъ строкъ, при чемъ первыя двѣ строки по смыслу не связаны съ послѣдними. Онѣ присоединяются для ритмы съ послѣдними двумя, въ которыхъ и заключается весь смыслъ. Каждая строфа носитъ характеръ отдѣльных куплетовъ, и отдѣльныя строфы не имѣютъ внутренней связи, такъ что перемѣщеніе или даже выпускъ строкъ не служитъ ущербомъ для пониманія содержанія пѣсни³⁾.

Русскій переводъ.

1) Наши дома смежны. Парень въ красной шапкѣ, приди къ плотинѣ, приди къ плотинѣ. Я пошла по воду, приди и ты, приди и ты.

2) Смежны и наши гумна. Парень въ красной шапкѣ и пр.

3) Ты выйди съ одной стороны, я съ другой, парень и пр.

1) Такъ называется обѣдъ, устраиваемый отцомъ невѣсты въ девъ вѣчанья.

2) „Ялли“—круговой танецъ.

3) См. наследованіе Хазароса Агяня, журн. „Тарази“ 1890 г. № 1.

4) Пусть треснетъ нашъ врагъ, паревъ и пр.

Такимъ образомъ, весь смыслъ пьесы состоитъ въ томъ, что дѣвица (или парень) предлагаетъ своему возлюбленному устроить свиданье (или, покрайней мѣрѣ, встрѣчу) на зло недоброжелателямъ.

Пѣвіе продолжается до возвращенья зурны, послѣ чего пляска происходитъ подъ зурну. Посреди круга, составленнаго кольцомъ пляшущихъ, разстилаютъ коверъ, ставятъ кувшинъ вина, и не танцующіе или уставшіе садятся и попиваютъ. Одинъ сѣи съ бутылкой и стаканомъ въ рукахъ обходитъ пляшущихъ и угощаетъ ихъ виномъ. По окончаніи „ялли“, который продолжается 3—4 часа, приблизительно до 11—12 ч. ночи, начинаютъ собираться къ невѣстѣ, чтобы заставить ее поплясать и чтобы выкрасить ей руки хиной. „Санамерь“ (такъ называется жена „кавора“) разводитъ хину въ винѣ и предварительно предлагаетъ находящимся въ домѣ жениха мужчинамъ и женщинамъ. Желающіе даютъ выкрасить руки, за что каждый платитъ ей 5—20 коп. Покончивъ съ этимъ, молодыя женщины, дѣвушки и парни, съ зурной и плясками, отправляются къ невѣстѣ. Тутъ начинаютъ танцовать по-одиночкѣ, сначала парни, потомъ дѣвушки, наконецъ выступаетъ невѣста и начинаетъ очень медленный танецъ, во время котораго зурначи вдругъ перестаетъ играть. „Эй, зурначи, что-жъ ты замолчалъ? Дуй же“,—обращаются со всѣхъ сторонъ къ нему. „Зурна испортилась, нельзя больше играть“, отвѣчаетъ зурначи и только тогда начинаетъ играть, когда получаетъ 20 коп. Во время пляски невѣсты разстилаютъ на полу платокъ, и гости жениха кладутъ на него отъ 20 к. до 1 р. каждый „ерестеналэ“ По окончаніи пляски деньги сосчитываютъ и, завязавъ въ платкѣ, отдаютъ невѣстѣ, которая и уходитъ.

Затѣмъ „санамерь“ идетъ къ невѣстѣ и, получивъ отъ нея 20 коп., краситъ ей руки хиной. То же самое она дѣлаетъ и со всѣми тѣми, которые платятъ ей 10—20 к., послѣ чего съ зурной и плясками возвращается въ домъ жениха.

Въ субботу, съ ранняго утра, въ домѣ невѣсты начинаютъ готовить „вѣнчальный обѣдъ“, въ домѣ же жениха зурначи поднимаются на крышу и начинаютъ играть „shari“ (персидск. сл. значить „утренняя мелодія“), приглашая этимъ сосѣдей пить водку. Въ 8—9 часовъ всѣ отправляются съ музыкой и плясками къ невѣстѣ, чтобы одѣть ее и повести подъ вѣнецъ. Тутъ парни

остаются на дворѣ и пляшутъ, а женщины входятъ къ невѣстѣ и начинаютъ одѣвать ее. Надѣваютъ на нее новое платье (только не то, которое купилъ отецъ жениха), а голову покрываютъ большимъ шелковымъ платкомъ, который спускается до пояса. Затѣмъ приходитъ женихъ и, поцѣловавъ руку тестю и тещѣ, отправляется въ церковь. Невѣстѣ насыпаютъ въ башмаки проса, а въ карманъ кладутъ запертый замокъ безъ ключа ¹⁾, послѣ чего она подходитъ и цѣлуетъ руку отцу и матери. Двѣ дѣвушки, взявъ ее за руку, медленнымъ шагомъ ведутъ ее въ церковь, при чемъ впереди съ музыкой и плясками идутъ родные и знакомые жениха.

При выходѣ изъ церкви пономарь загораживаетъ дверь молодымъ и пропускаетъ ихъ, получивъ 20 — 30 коп. Процессія съ плясками направляется къ дому невѣсты, при чемъ женихъ ведетъ молодую невѣсту, держа ее за руку; за другую руку держать дѣвушки, рядомъ съ женихомъ идетъ „каворъ“. Всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ и кричатъ ура. Парни то и дѣло подносятъ стаканъ вина ко рту „такавора“, послѣ чего кричать: „такаворъ выпилъ, ура!“ и всѣ подхватываютъ „ура“. Въ дверяхъ каворъ обнажаетъ пашку и держитъ клинокъ и ножны крестообразно надъ головами молодыхъ ²⁾. Затѣмъ садятся завтракать. Послѣ завтрака всѣ расходятся, невѣста остается у своихъ, а женихъ съ друзьями отправляется къ себѣ. Часа въ два гости приглашаются вышеописаннымъ способомъ на обѣдъ къ жениху. За обѣдомъ превозглашаются тосты, при чемъ они вертятся главнымъ образомъ вокругъ молодыхъ, которыхъ называютъ „два друга“ или „такавор и такуи“. Послѣ обѣда передъ священникомъ ставятъ подносъ, рядомъ съ священникомъ садится отецъ невѣсты, и начинается такъ называемый „канцъ“, что означаетъ „зовъ“. Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Ктонибудь изъ публики, обладающій даромъ слова, становится рядомъ съ священникомъ и громогласно заявляетъ: „Общество, слушай! Вотъ уже

1) У армянскихъ крестьянъ существуетъ повѣрье, что если во время вѣнчанья кто-л. на зъ недруговъ запретъ замокъ или одѣваетъ на ниткѣ сѣнь узловъ, то молодые супруги будутъ „заперты, связаны“, т. е. будутъ лишены возможности совокупленія. Запертый замокъ въ карманѣ невѣсты и просо служатъ, такъ сказать, притовождіемъ отъ подобныхъ мнзней. Ковни враговъ разсмыштся, моль, такъ, какъ просо, когда невѣста будетъ снимать башмаки.

2) Какъ нѣкоторые объясняютъ, это дѣлается для того, чтобы нечистая сила не могла испортить молодыхъ.

нѣсколько дней мы разносимъ казну „такавора“, уничтожаемъ, грабимъ,—вѣдь надо же пополнить ее. Больше всѣхъ досталось такавору отъ родныхъ и друзей, вотъ потому пусть они выступятъ первыми. Ну, не медлите! Эй, ты (обращается къ кому-нибудь изъ публики) положижь десять рублей въ карманъ и думаетъ этимъ вывернуться,—нѣтъ, пожалуй 25 р.⁴. Прежде всѣхъ даютъ деньги самые близкіе родственники, затѣмъ каворъ, наконецъ остальные. Жертвуютъ отъ 10 р. до 50 коп., въ нисходящемъ относительно количества жертвуемыхъ денегъ порядкѣ. Получая деньги, дѣлающій „канчъ“ выкрикиваетъ имя давшего и говоритъ: „молодецъ такой-то, пусть удостоитъ его Богъ этой же радости, пожертвовалъ нашему „такавору“ десять рублей кредитными билетами“. Деньги вручаются священнику, который кладетъ ихъ на поднось. По окончаніи „канча“ священникъ сосчитываетъ деньги, объявляетъ дѣлающему „канчъ“ о количествѣ собраннаго и вручаетъ деньги отцу жениха. Глашатай же громогласно произноситъ: „Да здравствуетъ общество, да удостоитъ Богъ всѣхъ холостыхъ того же. Пожертвовано нашему „такавору“ столько то“. Обыкновенно собирается отъ 100 до 500 р., смотря по состоянію и общественному положенію жениха. Жертвуютъ всѣ безъ исключенія: и священникъ, и меликъ, и даже глашатай. Почти весь расходъ, произведенный женихомъ на свадьбу, покрывается подобными денежными взносами. По окончаніи „канча“ зурна играетъ „паша кеочти“, и публика расходится. Остаются священникъ, парни и дѣвицы.

На поднось приносятъ одежду невесты, шашку, кипжалъ и большой, красный шелковый платокъ и ставятъ передъ священникомъ. Этотъ послѣдній обнажаетъ шашку и кинжалъ, кладетъ ихъ на одежду и затѣмъ благословляетъ ее, послѣ чего кинжалъ отдаетъ жениху, который надѣваетъ его на себя, шашку „кавору“, а платокъ беретъ дѣвица, которая отдаетъ священнику коп. 20—50, закручиваетъ его жгутомъ, накидываетъ на шею жениха, а концы крестообразно прикрѣпляетъ на груди. Правую же руку жениха выше локтя подвязываютъ зеленымъ платкомъ, который остается до конца свадьбы. По окончаніи этой церемоніи, зурна начинаетъ играть на дворѣ, а парни и дѣвицы пляшутъ. По звуку зурны публика узнаетъ, что уже время отправляться за невестой. Приготовивъ „хончу“ (см. выше) съ одеждой невесты, даютъ одному изъ парней, который, держа ее на головѣ и приплясывая, идетъ

съ зурной впереди, а за ними женихъ, каворъ и всѣ остальные. Парни и дѣвицы всю дорогу пляшутъ. Хончу относятъ въ домъ, а публика остается на дворѣ, гдѣ продолжаютъ пляски. Жениха сажаютъ на табуретку посреди двора, а если тепло — на крышѣ. Приходитъ цирюльникъ и стрижетъ ему голову; затѣмъ смачиваетъ лицо виномъ и, намыливъ, начинаетъ брить. Сбривъ одну половину, онъ перестаетъ, говоря, что бритва притупилась. Присутствующіе кладутъ въ зеркало цирюльника, которое держитъ въ рукахъ женихъ, отъ 1 до 10 коп., и цирюльникъ оканчиваетъ свое дѣло. Внутри же дома въ это время одѣваютъ невесту. Когда она уже одѣта, приглашаютъ отца жениха, чтобы онъ надѣлъ на нее поясъ. Взявъ за концы пояса, онъ произноситъ: „дай Богъ тебѣ здоровья, счастья, мальчиковъ и дѣвочекъ“, и надѣваетъ на нее поясъ. Въ это время начинаютъ играть „тарсъ ханелу“, т. е. „на выводъ невесты“ изъ отцовскаго дома. Это медленная, грустная мелодія. Невѣста сначала цѣлуетъ край домашняго очага („то-ниръ“), затѣмъ руку отца и матери, эти же послѣдніе цѣлуютъ ее въ лицо, и тутъ начинается громкій плачъ. Хотя многіе изъ присутствующихъ смѣются надъ этимъ, но картина получается истиннѣ трогательная. Женихъ беретъ невесту за руку, и они, окруженные „каворомъ“ и дѣвицами, направляются въ дому жениха. За ними шествуетъ публика, при чемъ всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ. Братъ невесты старается тутъ поцѣловать сестру жениха. Иногда изъ-за этого возникаютъ ссоры и даже драки. Часто невесту изъ дома отца привозятъ къ жениху верхомъ на лошади, и это считается особымъ шикомъ.

Мать невесты приготовляетъ „хончу“ изъ разныхъ печеній, фруктовъ и вареной курицы. Курицу варятъ цѣликомъ, не снявъ головы и ножекъ, во внутрь кладутъ вино и сухихъ фруктовъ, на шею надѣваютъ ожерелье изъ изюма и сажаютъ на тарелку, высоко поднявъ голову. Тарелку съ курицей, съ остальными принадлежностями „хончи“ помѣщаютъ на подносъ, накрываютъ платкомъ и несутъ впереди процессіи. Хонча эта называется „цагъ“. По дорогѣ у многихъ домовъ процессію останавливаютъ и дарятъ что-нибудь невестѣ или угощаютъ публику виномъ. Одинъ изъ парней схватываетъ съ головы отца жениха шапку и бѣжитъ къ его дому, остальные парни стараются отнять ее у него, такъ какъ кто принесетъ эту шапку въ домъ жениха, получить въ награду пла-

токъ. Когда процессія приходитъ въ домъ жениха, навстрѣчу ей выходятъ мать послѣдняго съ близкими родственниками, припавъ сывая подходятъ къ жениху и неvěстѣ и цѣлуютъ ихъ. На порогѣ ставятъ двѣ глиняныя миски, которыя женихъ и неvěста при входѣ разбиваютъ ногой. Какъ объясняетъ г. Акимовъ въ своей статьѣ въ „Этног. Обзор.“, женихъ этимъ какъ бы „освобождается отъ грѣховъ безпутной холостой жизни“. Но чѣмъ же объяснить то, что разбить тарелку должна и неvěста, непорочность которой не должна подлежать ни малѣйшему сомнѣнію? Какъ мнѣ это объясняли сами крестьяне, этимъ, если перевести буквально, „лопается зло“, т. е. оно уничтожается.

Неvěстѣ предлагаютъ войти въ особое отдѣленіе и сѣсть тамъ на подушку. Но неvěста не входитъ, давая этимъ понять, что ей надо заплатить „входную плату“. Отецъ или мать жениха говорить ей: „неvěстка, милая, тебѣ же принадлежитъ весь нашъ домъ, ну возьми хоть нашего такого-то ¹⁾ буйвола“.

Если неvěста не предупреждена, соглашается и входитъ, въ противномъ же случаѣ она отказывается и входитъ только послѣ того, какъ ей заплатятъ золотую монету или серебряный рубль. Подушка, на которую должна сѣсть неvěста, занята мальчикомъ, которому приходится заплатить коп. 20—40, чтобы онъ всталъ. Подойди къ подушкѣ, неvěста отказывается сѣсть. Слѣдуетъ то же обѣщаніе отца жениха, тотъ же отказъ, та же серебряная или золотая монета. Сѣвъ на подушку, неvěста достаетъ мѣшочекъ съ сурьмой и костяную палочку, и дѣвушки подводятъ ей глаза. Въ этотъ вечеръ всѣ родственники и близкія знакомыя присылаютъ „хончи“. Затѣмъ собираются гости, и начинаются пѣсни, музыка и пляски. Въ круговомъ танцѣ „яли“ принимаетъ участіе и неvěста, передъ которой пляшутъ дѣвушки съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ „яли“ публика расходится, и остается только молодежь. Парни въ этотъ вечеръ должны разбить „цагъ“ Они съ „такаворомъ“ и „каворомъ“ садятся ужинать, послѣ чего имъ подаютъ „хончу“ съ курицей, приготовленную матерью неvěсты. Выбирается „хазнадар“ (кассиръ), который и предлагаетъ взять „цагъ“ съ торга. Торгъ начинается съ рубля и доходитъ до 5-ти рублей. Предложившій платить кассиру означенную сумму, беретъ

¹⁾ Каждое животное въ деревнѣ имѣетъ кличку.

курицу, произносить поздравительную фразу, отрывает ножку курицы, заворачивает въ хлѣбъ и кладетъ въ карманъ, другую ножку отдаетъ „такавору“, остальное дѣлитъ на мелкіе кусочки, кладетъ на тарелку и предлагаетъ всѣмъ по-очереди. Кому попадетъ дужка, обязавъ угостить „такавора“ со всей его свитой. Раздавъ мясо, разбившій „цаг“, съ тарелкой въ рукѣ, обходитъ всѣхъ и собираетъ деньги. Каждый платитъ 15—25 коп. Собирается въ среднемъ до 5 рублей, которые, вмѣстѣ съ прежними 5 рублями, хранятся у кассира. Послѣ раздачи „цага“ всѣ расходятся.

Въ воскресенье утромъ „азапы“ вышеописаннымъ способомъ приглашаютъ гостей на завтракъ, послѣ чего кассиръ „азаповъ“, предлагая всѣмъ кусочки куриного мяса, собираетъ деньги въ пользу „азаповъ“. Послѣ завтрака начинаются игры. Парни рядятся, выбираютъ такавора своимъ судьей и начинаютъ приносить ему жалобы. Жалуются, напр., на то, что такой-то вотъ ужъ нѣсколько дней грабитъ безнаказанно казну „такавора“. Такаворъ приказываетъ привести его и послѣ непродолжительнаго суда велитъ привязать его къ столбу и бить до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ „20 тумановъ“¹⁾ штрафа. Приказаніе немедленно исполняется, и виновнаго отпускаютъ только по полученіи съ него 20 коп. Деньги, полученные такимъ образомъ, поручаются „кассиру“ и идутъ въ пользу „азаповъ“. Въ этотъ же день родственницы невѣсты привозятъ ей сундукъ съ ея приданымъ, при чемъ каждая изъ нихъ даритъ невѣстѣ что-нибудь съ своей стороны; ихъ тутъ угощаютъ обѣдомъ. Послѣ обѣда начинаются пляски подъ зурну.

Всѣ вещи изъ сундука вынимаются и выставляются на показъ. Кромѣ вещей невѣсты тутъ бываютъ подарки, сдѣланные рукой невѣсты всѣмъ членамъ семьи жениха: носки, платки и пр. Вечеромъ устраивается чай съ ужиномъ, на который приглашается священникъ: онъ долженъ „развязать вѣнецъ“, „снять наротъ“²⁾. Молодые становятся на колѣни передъ священникомъ, „каворъ“ же держитъ надъ ихъ головами крестообразно обнаженную пашку съ ножами. Прочитавъ подобающія молитвы, священникъ развя-

¹⁾ „Туманъ“—10 рублей.

²⁾ „Наротъ“ есть нити изъ зеленого и краснаго шелка, которыми священникъ во время вѣнчанья накрываетъ на шею и руки жениха и невѣсты и концы закрѣпляетъ воскомъ, придавливая крестомъ. Пока „наротъ“ не снять, новобрачные не имѣютъ права всходить на брачное ложе.

зывается „нарот“, находящійся на рукахъ и шеяхъ молодыхъ, послѣ чего только они могутъ взойти на брачное ложе.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ юридическихъ обычаяхъ, которые связаны съ бракомъ. О возрастѣ брачующихся мною сказано уже выше, скажу о степеняхъ родства между брачующимися, о разводѣ и о приданомъ невѣсты.

Въ вопросѣ о степеняхъ родства армянская церковь руководствуется постановленіями древнихъ церковныхъ соборовъ и, главнымъ образомъ, указаніями требника и „Канонагарка“, т. е. „книги каноновъ“. Что-же касается взгляда народа на этотъ предметъ, то надо замѣтить, что онъ вообще не терпитъ браковъ между родственниками, считая ихъ грѣхомъ. Порицаются даже браки между „кавором“ и дѣтьми супруговъ, у которыхъ онъ былъ „кавором“. Однако нерѣдко мы сталкиваемся съ отступленіями отъ общепринятыхъ правилъ и встрѣчаемъ браки между родственниками.

Что касается развода, то народъ не только не одобряетъ, но даже не признаетъ его, и мужъ скорѣе убьетъ виновную жену, чѣмъ согласится просьбой о разводѣ сдѣлаться „притчей во языцѣхъ“. Кроме того, во многихъ мѣстахъ разводовъ не случается не потому, что нѣтъ къ этому поводовъ, а вслѣдствіе отсутствія у народа убѣжденія въ возможности развода. Въ вопросѣ о разводѣ церковь руководствуется, на ряду съ существующими законами, церковными канонами.

Приданое. Въ строгомъ смыслѣ слова приданого у народа не существуетъ, никогда отецъ не даетъ за дочерью ни денегъ, ни имѣній. Родители, соотвѣтственно со своимъ матеріальнымъ положеніемъ и выкупной платой, даютъ ей платья и вещи, которыя дѣвица съ малолѣтства носила на себѣ, или заготавливала сама для себя или для подарка семьѣ жениха, и сундукъ для этихъ вещей. Все это, вмѣстѣ съ деньгами и предметами, которые она получила до и во время свадьбы („касим-бичим“, „ерестеснелэ“ и пр.), составляютъ ее полную собственность. Вещи, полученные отъ жениха и его родителей, называются „арнегин“, что значитъ „цѣна крови“, т. е. возмездіе за лишеніе дѣвственности ¹⁾.

Липаритъ Назарьянцъ.

¹⁾ См. Землинскій, С. Народно-юридическіе обычаи у армянъ закавказскаго края.

С М Ъ С Ъ.

Нѣкоторые обряды, примѣты и повѣрья крестьянъ Еремѣй-цевской волости Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

I.

Во время родовъ считается нужнымъ засвѣтить лампаду передъ иконой, иначе ребенокъ будетъ постоянно хворать; про больного ребенка часто спрашиваютъ: «вѣрно у васъ родился младенецъ безъ огня?». При трудныхъ родахъ зажигаютъ вѣщальныя свѣчи, занавѣшиваютъ окна, чтобы никто не сглазилъ, просятъ священника отворить царскія врата и т. д.

Послѣ родовъ кто-нибудь изъ старшихъ въ семьѣ топить баню, и туда отправляются роженица съ ребенкомъ и повитуха. Въ баню онѣ идутъ задворками, во избѣжаніе сглаза. Да и раньше повитуху тоже ведутъ къ роженицѣ задворками, а то если увидятъ бабу, идущую на роды, роды будутъ трудные. Въ банѣ повитуха моетъ роженицу и ребенка, растираетъ ей животъ деревяннымъ масломъ, моется сама, а потомъ происходитъ *размываніе*. Родильница и бабка садятся на полоть или на лавку, лицомъ другъ къ другу и протянувъ ноги. Родильница беретъ непчатый кусокъ мыла и кладетъ между ногами, бабка его поднимаетъ и намыливаетъ ими кисти рукъ у родильницы, или всю руку по локоть, иногда при этомъ она дѣлаетъ какіе то наговоры. Потомъ родильница намыливаетъ руки повитухѣ, и все это повторяется до трехъ разъ. Далѣе обѣ женщины поливаютъ другъ другу по три раза руки, и этимъ все кончается. Мыло, употребившееся при этомъ, поступаетъ въ пользу бабки. Многія бабки говорятъ, что онѣ ни за что не пойдутъ въ повитухи къ другой роженицѣ, пока не размоются съ первой. Размываніе дѣлается съ тою цѣлью, чтобы кто-либо не сдѣлалъ зла бабкѣ или родильницѣ, а если зло и сдѣлано, то при размываніи оно снывается. Мѣстное населеніе считаетъ этотъ обрядъ очень стариннымъ и указываетъ при этомъ на икону, изображающую Рождество Пресвятой Богородицы, гдѣ, между прочимъ, изображено лицо, льющее на руки воду изъ кувшина.

Для того, чтобы отбить жениха у чужой невесты, *обираютъ* его *смыдъ* въ то время, когда онъ идетъ на смотрѣніе, или въ какой-нибудь другой моментъ, т. е. срываютъ траву, по которой онъ ступаетъ, или со-

бравать землю. Слѣдъ этотъ бросаютъ въ печь или въ навозъ на дворѣ въ надеждѣ, что парню теперь уже пути не будетъ и что онъ не достигнетъ, чего желалъ. Дѣвушка для того, чтобы приворожить въ себя какого нибудь парня такъ, чтобы онъ нивогда не оставилъ и не забывалъ ея, старается незамѣтно напоить его своею менструаціонною кровью.

При сватовствѣ сваха, или по-мѣстному «ходатиха», отправляясь въ первый разъ съ женихомъ смотрѣть на невѣсту, должна помочиться у нея на порогѣ, чтобы дѣло было сдѣлано. Въ день сговора у невѣсты утромъ топятъ баню, и невѣста отправляется туда съ подругами. Любопытно, что именно въ этому моменту приурочивается благословеніе отцомъ дочери, причемъ послѣдняя обращается къ нему съ такимъ причетомъ:

«Ты благослови-во меня, кормилецъ тятенька,
«Во послѣднѣмъ, во остальнѣмъ,
«Во чужую, дальнюю сторонушку,
«Ко чужому отцу съ матерію».

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту иконою, но въ ноги она ни въ кланяется. Отецъ провожаетъ съ иконою дочь въ сѣни и съ иконою же встрѣчаетъ ее на крыльцѣ по возвращеніи изъ бани, иначе она не войдетъ въ избу.

По окончаніи стоворки, когда гости уже разѣхались и остались только подруги да близкіе родные, невѣста, передъ заплетаніемъ косы, подноситъ свою алую ленту отцу, матери, женатому ¹⁾ брату, крестному отцу, дядѣ, тетѣ и вообще всѣмъ близкимъ родственникамъ. Голова у невѣсты при этомъ покрыта платвою, нахлобученнымъ на лобъ, и, поднося ленту на тарелѣ, дѣвушка причитаетъ:

«Ты кормилецъ, ты мой тятенька,
«Ты прив-во отъ меня во послѣднѣмъ, во остальнѣмъ,
«Изъ русы носы алу ленточку.
«Нагуляться-то я не нагулялася,
«А растеряться-то я растерялася:
«Потеряла я свою дѣвичью красоту».

Отецъ обвиняетъ дочь, беретъ ленту и, подержавъ ее немного въ рукахъ, кладетъ обратно на тарелку вишѣ съ нѣсколькими серебряными монетами, поступающими въ пользу невѣсты.

Гостицы, которые приносятъ жениху невѣстѣ, приходя въ ней въ «побывашки», она не должна ѣсть сама до свадьбы, иначе мужъ впоследствии не будетъ любить ее. Поэтому невѣста обыкновенно раздаетъ гостицы подругамъ.

Ночь наканунѣ свадьбы невѣста не должна спать; утромъ она будитъ ночевавшихъ у нея подругъ такимъ причетомъ:

¹⁾ Изложеніе г. Костоловскаго не отличается точностью, и потому трудно судить, случайно ли онъ упоминалъ именно про женатого брата, или же холостые братья и на самомъ дѣлѣ не принимаютъ участія въ данномъ обрядѣ.

«Вы подруженьки голубушки,
 «Спалась-ли вамъ томная ноченька?
 «Короталась-ли часы-то долги
 «На радости-ли и на весельицъ?
 «Вы меня-то сбываете
 «И просторъ себѣ наминаете.
 «Ужъ вы сбыть-то меня сбудете,
 «А по вѣкъ не забудете.
 «Вы забудете,—вспомните,
 «Вспомните и не воротите.
 «А виѣ-то-ли младшенькой

«Не спалась ночка темная
 «И не лежалась часы то долги.
 Всю я ноченьку я проходила,
 Всѣ я думушки я передумала.
 На зарѣ-то я приуснула,
 На восходѣ краснаго солнышка;
 Нехорошій сонъ пригрезился:
 Будто я, младшенька, заблудилась,
 Въ холодной росѣ обмочилась.
 Обмочилась я во чужихъ людяхъ,
 Обмочилась я въ горячихъ слезахъ.

До вѣнчанія какъ сами женихъ и невѣста, такъ и ихъ родители соблюдаютъ строгій постъ. Бѣ вѣвцу жениха обуваетъ дѣвочка-подростокъ, а невѣсту—мальчикъ; дѣти должны быть изъ замѣтныхъ семей ¹⁾, а не сироты. Жениху кладутъ въ правый сапогъ ласточьиго гнѣздо, въ лѣвый—серебряныхъ денегъ; то же, кажется, дѣлаютъ и съ невѣстой. Молодые, отправляясь въ церковь, захватываютъ съ собою секретно змѣнную чешую, найденную въ лѣсу и засушенную; она должна предохранять отъ всякой порчи. По приѣздѣ молодыхъ изъ церкви, въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ ведутъ въ избу не черезъ крыльцо, выходящее на улицу, а черезъ дворъ, чтобы они жили богато. Когда новобрачныхъ отведутъ спать, молодая раздѣвается сперва сама, разуваетъ мужа, беретъ себѣ положенныя въ сапогъ деньги и ватѣмъ кланяется мужу въ ноги и проситъ у него позволенія лечь съ виномъ въ постель; онъ ей разрѣшаетъ это словами: «ну, ложись къ стѣнѣ». До дня «отводишь» молодые, отправляясь спать, каждый разъ кланяются въ ноги отцу съ матерью.

Особый видъ порчи, которую напускаютъ на молодыхъ — *нестовиха*, или неспособность молодого къ супружескому сожителству. Женихъ не можетъ найти у невѣсты дѣтородныхъ частей, а вмѣсто того ему кажется, что онъ ощупываетъ бутылку или вѣникъ. Лѣчать нестовху знахари, «отчерпалки» и другія лица, а для предупрежденія ея молодые привязываютъ къ кресту «пчелиное маточное мѣсто изъ улья».

II.

Выгонъ скота на поля на лѣтнее пастбище всегда приурочивается къ Егорьеву дню, т. е. къ 23 апрѣля. Утромъ въ этотъ день хозяйка варитъ яйцо, затѣмъ кто нибудь беретъ сваренное яйцо и катаетъ имъ по хребту каждой скотины, начиная съ лошади и кончая овцой. Бьютъ отъ головы къ хвосту и потомъ самое яйцо пускаютъ по навозу. Смыслъ обряда тотъ, чтобы скотъ отгулялся лѣтомъ такъ же кругло, какъ яйцо, и лошади, кромѣ того, бѣгали такъ же быстро, какъ быстро

¹⁾ Г. Костоловскій, нѣсколько разъ упоминающій про этотъ обрядъ, приурочиваетъ его то къ Рыбинскому у., то къ Мышкинскому.

покатилось яйцо по навозу. Яйцо въ заключеніе съѣдается тѣмъ, кто продолжалъ данную церемонію, а для прочихъ членовъ семьи варятся другія яйца.

Если у кого корова убѣгаетъ на прежнее мѣсто, откуда она куплена, то, чтобы отучить ее отъ этого, хозяйка обмываетъ квашню, въ которой творится хлѣбъ, и этою водою поить корову; прежняя же хозяйка должна прогнать ее отъ себя помеломъ; послѣ этого корова уже не будетъ больше убѣгать. Пѣтуху въ подобныхъ случаяхъ обмываютъ водою ноги и поятъ его этою же водою. Купивъ лошадь или корову и выведя ихъ изъ прежней деревни, вырываютъ съ корнемъ первый попавшійся кустикъ, стегаютъ имъ животное и затѣмъ бросаютъ назадъ по дорогѣ. Этотъ обрядъ тоже имѣетъ назначеніе отучить новокупленную скотину отъ возвращенія на прежнее мѣсто.

Ведя корову продавать на ярмарку, останавливаются на самомъ перекресткѣ, даютъ корову и затѣмъ полученнымъ молокомъ обмываютъ ей копыта и дѣлаютъ врестъ на крестцѣ. Дѣлаютъ это въ виду того, что на ярмаркѣ бываетъ всякій народъ, и корову могутъ сглазить, а теперь врестъ на крестцѣ предохраняетъ ее отъ этого.

Когда купить корову, а скотъ уже выгнанъ въ поле, многіе хозяева берутъ кусокъ хлѣба, даютъ его обнюхать всѣмъ коровамъ въ стадѣ, а затѣмъ скармливаютъ его своей коровѣ. Послѣ этого корова будетъ хорошо дѣться все лѣто, и настояй сметаны на молоко будетъ больше обыкновеннаго, такъ сказать, перейдетъ отъ коровъ, обнюхивавшихъ хлѣбъ. Другое средство увеличить «снѣжокъ» сметаны въ крынкахъ, — ставить ихъ, когда онѣ пусты, непокрытыми, а то хозяинъ, или домовый не любятъ покрытыхъ крынокъ.

Чтобы кобыла не жеребилась, хозяинъ запрягаетъ ее въ косулю ранней весной, когда только что сошелъ снѣгъ, и скотъ еще не выгнанъ въ поле, выѣзжаетъ на свою полосу, останавливается тамъ и обѣиваетъ лошадь кругомъ, начиная съ морды, овсомъ. Если продолжать это съ лошадью, которая уже жереба, она непременно скинетъ; обыкновенно же это дѣлается надъ порожними лошадьми. Другое средство съ этою цѣлью состоитъ въ томъ, что относятъ борону на гумно или на огородъ и тамъ внутри ея сѣютъ овесъ. Овесъ этотъ еще зеленымъ скармливаютъ кобылѣ, и до тѣхъ поръ борону нельзя принять съ мѣста. Сверхъ того вобылъ кормятъ солодомъ, ольховыми орѣшками и красной мѣдью, которую соскабливаютъ съ стариннаго пятака и даютъ въ хлѣбъ. Всѣ эти средства противъ того, чтобы лошадь ожеребилась, примѣняются только ранней весной, пока кобыла еще не гуляла въ полѣ съ жеребцами, а нето она «принесетъ борону», т.-е., какъ говорятъ крестьяне, сборонитъ все брюхо, разъ она уже жереба.

При переходѣ въ новый домъ, первымъ во дворъ пускается пѣтухъ, а въ избу кошка. Безъ пѣтуха на дворѣ и скотъ вестись не будетъ, а если и будутъ дойныя коровы, то молоко и масло отъ нихъ получится безвкуснымъ, совершенно «пустымъ». Кошка же первой встрѣтитъ своего хозяина на томъ свѣтѣ.

Съ другой стороны, при переходѣ въ новый домъ сыплютъ во дворъ прямо на землю овса или льняного сѣмени, застилаютъ его соломой и потомъ уже ставятъ ясли. Подъ ясли кладутъ ломоть чернаго хлѣба съ солью и ставятъ стаканъ воды; при этомъ произносятъ слова: «Хозяинъ, батюшка, приходи ко мнѣ въ гости хлѣба-соли кушать и мою скотинушку вѣжить». Вино черезъ ночь должно быть выпито, а хлѣбъ съѣденъ домовымъ. Если послѣдній любитъ скотину и заплетаетъ у лошадей гриву, ему осенью въ благодарность ставятъ еще вина подъ ясли.

Изъ полевыхъ обрядовъ наиболѣе интереса представляетъ *перезимъ поля*, къ сожалѣнію, описанный г. Ыстоловскимъ довольно неясно. Происходитъ онъ въ ночь наканувъ 24 или 26 іюня и совершается надъ озимой рожью. «Лицо, занимающееся пережиномъ, въ 12 ч. ночи должно пережать три поля сосѣднихъ деревень. Для этого пережинчикъ становится у крайняго овина деревни и начинаетъ «пережинать» поле, тонко ведя серпомъ полосу выжина, т.-е. идетъ и подскѣкаетъ рожь. Путь при этомъ держитъ наискось, начиная съ крайняго овина, и выходитъ на край овина другой деревни. Пережиномъ занимаются большею частію тѣ люди, которые слынутъ въ народѣ колдунами, знахарями и т. п.; будто бы, колдунъ или знахарь ничего не можетъ сдѣлать, если онъ не пережигнетъ три поля у своихъ сосѣдей. Еще этотъ обычай дѣлается для того, чтобы у сосѣда было меньше ржи, а у того, который пережигалъ поле, болѣе, такъ какъ вся пережатая рожь перейдетъ къ пережинчику. Въ это пережинчиковъ сторожащіе крестьяне видятъ иногда большого звѣря или человека съ огненными глазами, но въ общемъ за пережинчиками опасаются слѣдить, такъ какъ они могутъ сдѣлать очень много зла. Мельникъ всегда узнаетъ рожь пережинчика, такъ какъ у всякаго съ кончина обкусано или обломано. Данный обычай пользуется очень широкимъ распространеніемъ, и рѣдкое поле остается не пережатымъ.

Такъ какъ предполагается, что къ пережинчику перейдетъ весь хлѣбъ, сжатый въ первый день, то, во избѣжаніе этого, въ каждой деревнѣ нѣсколько дворовъ вакавувъ условленнаго дня для начала жнитвы выходить въ поле и тамъ на дальней полосѣ сжинаютъ по 3 снопа. День, когда начинаютъ жать, называется «*жнивномъ*», а послѣдній день жнитва «*дожиномъ*». Въ доживъ угощаются виномъ, чаемъ и кренделями, поздравляютъ другъ друга съ окончаніемъ работы, а послѣдній снопъ несутъ въ взбу, ставятъ въ переднемъ углу на прилавошникъ и сохраняютъ до Покрова. Тогда его раздають понемногу всей скотинѣ, что называется «закариживаніе скота съ осени».

Когда доживаютъ яровое поле, то оставляютъ небольшую полосу не-сжатой. Съ нею собою сжинаютъ сдѣны снопы, причемъ жница все время приговариваетъ: «два поля дожаниши, третье запахавши, отдай да положь». Сжатый овесъ кладется грудками, а послѣдняя кучка колосѣвъ прямо вырывается изъ земли и кидается за спину со словами: «живно, мое живо, я тебя жала, силу теряла, вотъ тебѣ жививье, а мнѣ отдай мою силу». Послѣ этого жницы куврыкаются ввязъ головой по полю, выражая этимъ радость по случаю окончанія полевыхъ работъ. Сжатая

грудки овса пересчитываются и вря этомъ приговаривается «четъ» и «нечетъ»; если на послѣднюю грудку придется нечетъ, это означаетъ, что кто нибудь въ семьѣ умретъ или выйдетъ замужъ.

Послѣдній день молотьбы называется «замелотки» и его тоже празднуютъ угощевіемъ, какъ и дожинъ.

По матеріаламъ И. В. Костоловскаго.

Толки народа объ урожаѣ, войнѣ и чумѣ.

— Правда ли, что скоро явится антихристъ, что наступаютъ послѣднія времена?—Съ такимъ вопросомъ обратилась ко мнѣ въ началѣ марта н. г. одна изъ знакомыхъ крестьянокъ.—Это кто вамъ сказалъ?—спросилъ я.—Это говорилъ солдатъ. Онъ читалъ въ газетахъ, что одинъ ученый написалъ объ этомъ даже книжку. А развѣ въ вашей газетѣ не было о видѣніи?

— Ничего не было. О какомъ видѣніи вы говорите?—Да о пѣтухахъ, о томъ, что въ настоящемъ году уродить хлѣбъ, а ѣсть его будетъ некому.—Расскажите.

—Въ одной изъ слободъ Курской губерніи, въ полночь, сторожа стали замѣчать въ церкви огонь. Взглянули въ окно,—видать, свѣчи въ ставняхъ предъ алтаремъ горять, царскія врата растворены, и изъ алтаря выходятъ одинъ за другимъ три пѣтуха: бѣлый, красный и черный; вышли и стали кричать. Прокричалъ три раза бѣлый пѣтухъ, за нимъ красный и, наконецъ, черный. Прокричали и ушли въ алтарь, вмѣстѣ съ тѣмъ свѣчи потухли, и въ церкви стало темно. Испуганные этимъ видѣніемъ сторожа побѣжали къ священнику и рассказали ему о видѣніи. На другой день явленіе повторилось. Такъ какъ ни священникъ и никто изъ прихожанъ не рѣшался остаться на ночь въ церкви, то обратились въ ближайшій монастырь въ скимнику, который и остался провести ночь въ церкви. Вотъ этому то скимнику, когда пропѣвшіе пѣтухи скрылись въ алтарь, вышедшій оттуда старикъ (самъ Богъ), объяснилъ значеніе видѣнія, а именно: бѣлый пѣтухъ означаетъ хорошій урожай хлѣбовъ, красный—кровопролитную войну съ китаемъ,—придутъ китайцы, жителей повырѣжутъ, города и селенія пожгутъ. А тѣ изъ русскихъ, которые успѣютъ спастись отъ китайцевъ, попрутъ отъ чумы—это возвѣщаетъ черный пѣтухъ».

П. Ивановъ.

Изъ народныхъ суевѣрій, примѣтъ и обычаевъ Еремѣйцевской волости, Рыбинскаго уѣзда.

Метение избы. Народъ нашей мѣстности ни за что не станетъ вести полъ въ избѣ послѣ заката солнца, хотя бы было много сѣру, такъ какъ вѣрить, будто послѣ заката солнца замести можно счастье или прибыль дона.

Печь. Наши крестьяне съ большимъ вниманiемъ и уваженiемъ относятся къ своей печкѣ въ домѣ. На печкѣ они отдыхаютъ, грѣются, лѣчатся; старики, собираясь умирать, лѣзутъ на печь и ожидаютъ тамъ конца своей земной жизни. «Задорожка» и та имѣетъ значенiе въ обыденной жизни. «Задорожка» это планка, прибитая къ печкѣ съ боковой наружной стороны, однимъ концомъ вдѣланная въ стѣну, а другимъ—къ столбу, на которомъ утверждаются полаты. Задорожка служитъ для того, чтобы удобнѣе было взлѣзть на печку или не упасть съ печи. Чтобы не бояться покойниковъ, за задорожку держатся и, подержавшись, плюютъ на верхъ печи. Весьма многiе для этого открываютъ еще заслонъ отъ устья печи, въ открытую печь поглядятъ недолго и плюнутъ.

Христосовальное яйцо, какъ средство отъ пожара. Первое пасхальное христосовальное яйцо многiе хранятъ на случай пожара. Если поднялся пожаръ, то тѣ, у кого есть такое яйцо, прибѣгаютъ съ нимъ и бросаютъ въ огонь. Вѣрить, что отъ этого перво-христосовальнаго яйца пламень утухаетъ. Обычай распространенный.

Закладка дома. При закладкѣ дома на углы бревенъ перваго ряда кладутъ нѣсколько кусочковъ церковнаго ладану и серебряныя монеты: ладанъ—чтобы домовою не шутилъ, а монеты—чтобы богато жить.

Приобрѣтенiе кошки. Кошка и та въ глазахъ народа служитъ необходимымъ сотрудникомъ человѣческой семьи. Чтобы завести хорошую кошку, поступаютъ такъ: прежде всего уговорить кого-ниб. продать кошку, но плата за кошку идетъ самая малая, а именно одно куриное яйцо. Даромъ ее никто не возьметъ: иначе кошка, говорить, не будетъ вестись. Когда принесутъ кошку въ домъ въ первый разъ, то поставятъ ее на печной столбъ, который всегда строится рядомъ съ дымовой трубой въ избѣ.

Если переселяются въ новый домъ, то въ него первая впускается кошка,—это для того, чтобы не умеръ человѣкъ, если бы онъ первымъ вошелъ въ домъ, чтобы, вмѣсто человѣка, первая умерла кошка.

Кошку никто не станетъ убивать, такъ какъ вѣрятъ, что и на томъ свѣтѣ она первая встрѣтитъ хозяина.

Разводъ куръ. Для развода куръ, особенно хорошей породы, крестьянинъ никогда не дастъ сосѣду яицъ для высиживанiя цыплятъ. Иначе, какъ говорить, переведутся всѣ куры. Для развода покупаютъ насѣдку, такъ называемую у насъ «клуху» и сажаютъ ее. О «переводѣ» выражаются, напр., такъ: «Нуукося, я дала Оксинѣ яицъ подѣ клуху, а она у меня и отвела».

Несеніе яицъ. У крестьянъ куры часто несутъ яйца по чужимъ дворанъ. Такимъ куранъ, чтобы онѣ неслись у себя, остригаютъ въ хвостѣ нѣсколько перьевъ и перья кладутъ въ ея гнѣздѣ.

Племенная овца. Нашъ крестьянинъ никогда не станетъ покупать себѣ овцу «на племя» у сосѣда, но непременно купить ее у мясника изъ-подъ ножа, т.-е. такую, которую мясникъ долженъ былъ зарѣзать. Брестянинъ при этомъ заранѣе проситъ мясника принесть овцу получше, за что платитъ ему дорожѣ копейскъ на 50 и болѣе. При всемъ этомъ сдѣлка сохраняется въ глубокомъ секретѣ какъ со стороны мясника, такъ и со стороны покупателя. Если владѣлецъ овцы узнаетъ, что мясникъ овцу покупаетъ для кого-ниб. на племя, то ни за что не продастъ: продавши ее, онъ продастъ весь «водъ» своихъ овецъ.

Если у какого-нибудь хозяина не ведутся овцы, то прибѣгаютъ еще къ другому средству, а именно, покупаютъ у мясника овцу ва такъ называемые «овсяныя деньги», т.-е. на деньги, вырученныя отъ продажи овса послѣдняго урожая.

Кромѣ того, существуетъ общая примѣта при покупкѣ скота: незаметно для хозяина-продавца покупатель старается, уведя вновь-приобрѣтенную скотину со двора, прихватить небольшую часть навоза, вѣря, что выѣстъ съ навозомъ онъ унести весь «водъ» скота у хозяина-продавца.

О приплодѣ у лошадей. Если у крестьянина лошадка «берѣжа» (жереба) и ему надо узнать, что принесетъ она—жеребчика или вобылку, то замѣчаютъ: если во вторую половину беременности она опускаетъ брюхо книзу, то принесетъ жеребчика, а если подымаетъ брюхо кверху, то—кобылку. Когда лошадь «вымнуетъ» и если будетъ больше правая сторова вымени, то принесетъ жеребчика, а если лѣвая, то—кобылку.

Приводъ скотины-новокупки. При покупкѣ скота держатся слѣдующаго обычая.

Когда корову подведутъ къ дому новаго хозяина, то послѣдній долженъ встрѣтить новопкупку изъ открытаго окна своей избы хлѣбомъ съ солью и скормить его новопкупкѣ. Послѣдняя называется еще «новолитва» отъ обычая «пить новыя литки». Далѣе: когда новопкупленную скотину вводятъ во дворъ, то хозяинъ долженъ у подворотни постлать свой поясъ, который самъ всегда носитъ. Вадется еще и замокъ, которымъ запирается домъ. Новопкупка должна черезъ замокъ (или черезъ желѣзо) и поясъ перешагнуть. Замку, и вообще желѣзу, придаютъ волшебную силу: скотину, перешагнувшую черезъ нихъ, никто не уведетъ со двора.

Сломанный коровій рогъ. Если у кого-либо корова сломаетъ рогъ, то непременно надо рогъ найти в опустить въ свой колодезь. Это связано съ повѣрьемъ, будто бы отъ сломаннаго рога убавляется удои скота.

Повѣрья въ разныя шипшюкы. Шипшю или шипшюкъ есть нечистая сила. Если заблудился кто въ лѣсу, ушелъ надолго изъ дому, то говорятъ: «Ну, запропастился, вѣрно его шипшюкъ увелъ». Лѣсовой шипшюкъ, говорятъ, принимаетъ на себя видъ сосѣда, товарища, подруги, знакомаго, является въ этомъ видѣ къ человѣку въ лѣсу и заводитъ его.

Чтобы избавиться отъ шишка, если онъ завелъ кого въ лѣсъ, дѣлають слѣдующее: выворачиваютъ шубу, которая надѣта на заблудившагося человека, еще выворачиваютъ голицу, т.-е. рукавицу,—въ такомъ одѣяніи выходить будто бы изъ завятаго мѣста. Случается, что заблудится цѣлая партія въ лѣсу, тогда всѣ должны выворачивать верхнія одѣянія, а бабы выворачиваютъ платья наизнанку. Здѣсь же читають и молитвы, какія кто знаетъ. Тѣ мѣста, на которыя заводятъ шишко, называютъ: «нечисто мѣсто». Есть также и свои названія каждому: «Чортово болото», «Кобылья лужа», «Нечистый бочагъ» и т. п.

Близъ г. Углича говорятъ, что лѣсовой, когда станетъ въ лѣсу уходить отъ человека, то станетъ расти и вырастетъ съ большую сосну; здѣсь и догадываются, что это домовой.

Подобно лѣсовому шишку народъ представляетъ себѣ и шишка водяного. Его роль замѣтна больше всего въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ. Многіе представляютъ его себѣ въ видѣ длинноволосой женщины, которая моется въ большихъ бочагахъ. Многіе, когда ѣдутъ вѣнчаться, опоясываютъ себя по голому тѣлу неведомъ, чтобы избавиться отъ шишка водяного. Если вытащать утопленника, покрытаго синяками, то это значитъ, какъ думаютъ здѣсь, что водяной шишко утопилъ человека. Пищей водяного считаютъ рыбу «налимъ».

Въ банѣ тоже есть свой шишокъ, котораго зовутъ «банный шишко». Онъ будто бы живетъ въ банѣ подъ полкомъ,—и баня у народа считается нечистой; въ ней даже и святыхъ иконъ не вѣшаютъ.

Есть шишокъ и въ домѣ. Его называютъ еще хозяиномъ домовымъ; онъ живетъ во дворѣ подъ яслими. Во дворѣ онъ даетъ кормъ скоту или гладитъ скоть. Онъ всегда имѣетъ человѣческій видъ хозяина дома, б. ч. уже умершаго, или старшаго въ семьѣ: дѣда, бабушки и т. д. Если кто увидитъ домового хозяина въ образѣ уже умершаго члена семьи, то это—къ благополучію; если же онъ представится въ видѣ живущаго члена семьи, то это призвакъ неблагопріятный: человекъ, въ образѣ котораго явился домовой, умереть въ этомъ году. Самое явленіе это, говорятъ, съ того уже свѣта. Хорошее дѣйствіе въ домѣ приписывается желѣзу. Не говоря уже о подковѣ у дверей, весьма многіе вообще имѣютъ при себѣ желѣзо, какъ противоѣдствіе худому.

Дорога домовому. Дорога домового, по понятію народа, существуетъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни находился: въ избѣ, въ амбарѣ, въ банѣ и т. д. Въ избѣ, напр., никто не ляжетъ ва пути въ дверяхъ, какъ бы ни тѣсно было въ избѣ; не ляжетъ и посреди избы, суевѣрно опасаясь загородить дорогу домовому, хозяину, который по ночамъ осматриваетъ хозяйство. Вѣрять, что домовой можетъ выпустить хворь на человека, который ляжетъ ему на пути. «Нуко, кормилица», говорила одна крестьянка другой: «ономня я ночевала у свахи да и легла на дорогѣ, а домовый ночью хворь несъ да на мнѣ и оставилъ,—вотъ все и хворю». Спать ложатся всегда головами къ передней стѣнѣ, гдѣ иконы, никогда никто не станетъ ложиться къ переднему углу ногами. Говорятъ, что только покойниковъ ставятъ ногами впередъ и то въ церкви. «Въ

избѣ умершихъ владутъ къ переднему углу, къ образамъ головамъ; вывѣсятъ ногами впередъ.

Синяки „Намноя“. «Намноемъ» зовется у насъ нечистая сила, которая приходитъ къ человѣку, когда тотъ спитъ. Намной дѣлаетъ человѣку во время его сна синяки на тѣлѣ; если синяки эти будутъ болѣть, то значить—къ худу; если—нѣтъ, то все пройдетъ благополучно. Въ Угличскомъ уѣздѣ говорятъ прямо: «ночью меня домовой (а не намной) пещипалъ».

Наваливаніе „стѣни“. Подъ «стѣнію» народъ разумѣетъ нечистую силу и ея бѣтсея. Когда человѣкъ спитъ и на него навалится стѣнь, станетъ давить спящаго, то послѣдній долженъ непременно спросить у стѣни: «къ добру или къ худу?»—Стѣнь будто бы дастъ отвѣтъ человѣку: «къ добру» или «къ худу».

Вѣтеръ-крышешникъ. Вѣтеръ, вихорь, особенно весною, поднимется съ такою силою, что срываетъ все по пути, даже крыши зданій: амбаровъ, избъ и т. д. Крышъ много изъ соломы. Этотъ вѣтеръ называется «вѣтеръ-крышешникъ». Вѣрять, что въ этомъ вихрѣ переносятся нечистая сила съ мѣста на мѣсто; поэтому всѣ крестятся во время вихря, а нечистаго въ немъ зовутъ еще «дѣдушка безрукой»; «дѣдушка безрукой пошелъ, говорятъ, ломать крыши».

Предвѣстники весны. Когда наканунѣ весны снѣгъ еще лежитъ и не показались проталины, но уже прилетятъ жаворонки и запоютъ сверху, то это самый вѣрный признакъ, что скоро откроется весна; на третью сутки будетъ водополь.

Весенній ледоходъ. Жители береговыхъ приволжскихъ деревень утверждаютъ, будто ледъ на Волгѣ всегда проходитъ въ концѣ того времени, когда долгота дня равна 14 часамъ, а долгота ночи 10 часамъ, а также при наступленіи 15-го часа долготы дня. Счетъ часовъ ведутъ по псалтыри, гдѣ ночь седьмымъ числомъ мѣсяца апрѣля говорится, что «день имать часовъ 14, а ночь 10».

Жители береговыхъ селеній говорятъ также: «ледъ не пойдетъ, если на рѣкѣ не утонетъ весною 12 человѣкъ». Повѣріе это далеко протянулось вдоль Волги: около Калазина, Углича, Мышкина, Мологи, Рыбинска и Ярославля.

Сюда же относится и народная поговорка: «Родивонъ—ледоломъ, а Антипа—водополь».

Весенняя примѣта о грибахъ. Когда стаетъ на поляхъ снѣгъ и въ западинахъ, гдѣ лежалъ снѣгъ, образуется плѣсень, то это признаютъ за вѣрный признакъ большого урожая грибовъ лѣтомъ.

Примѣта о первомъ громѣ. Заквакиваніе лягушекъ весною признается за вѣрный признакъ, что уже былъ весною громъ, хотя бы его и не слышалъ никто: безъ грома онѣ, говорятъ, не заквакиваютъ весною.

О хорошей погодѣ. Стелющіяся по землѣ тенета (паутина), говорятъ, вѣрный признакъ къ хорошей погодѣ, къ теплой и продолжительной.

Къ литературѣ „Сна Богородицы“.

Ив. Бас. Костоловскимъ изъ Рыбинскаго уѣзда присланъ въ Этнографическій Отдѣлъ рукописный «Сонъ Богородицы»; при этомъ г. Костоловскій указываетъ, что съ этимъ «Сномъ» въ ихъ мѣстности всѣ вѣнчаются, всѣ въ него вѣрують, читають его у постели умирающихъ.

Критика и библиографія.

Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россіи. (*Библиографическая замѣтка*).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1801-мъ году, Грузія была присоединена къ Россіи. Трудно себѣ представить жизнь болѣе печальную и болѣе богатую кровавыми событіями, чѣмъ жизнь небольшой горсти грузинскаго народа, на долю котораго всегда выпадали первые, наиболѣе сильные удары дикихъ, суровыхъ племенъ Азіи, не признававшихъ въ борьбѣ съ противникомъ никакихъ границъ своей жестокости; трудно себѣ представить условія историческаго развитія болѣе неблагоприятныя, чѣмъ тѣ условія, въ какия была поставлена Грузія: она нѣсколько разъ теряла свою политическую свободу и всю жизнь боролась за вѣру; цѣлые годы у ней часто уходили на то, чтобы возстановить свои развалины и изъ груды пепла снова создать на тѣхъ же мѣстахъ города и деревни, — и всетаки въ этихъ трудахъ и условіяхъ жизни она до послѣднихъ дней не утратила своего національнаго типа, не лишилась своей культурной своеобразности. Въ настоящее время Грузія продолжаетъ свое развитіе въ томъ же направленіи, въ какомъ она шла и сто лѣтъ тому назадъ. Мѣняются только воздѣйствующіе культурные факторы, рамки же ихъ воздѣйствія, основы, такъ сказать, культурнаго развитія народа, осложняясь по мѣрѣ общаго хода развитія въ качественномъ отношеніи, сообразно съ силой и характеромъ воздѣйствующаго фактора, и теперь остаются тѣми же. Грузія при византійскомъ вліяніи и Грузія при совершенномъ по своему характеру западно-европейскомъ вліяніи, черезъ посредство Россіи, въ основахъ своего развитія остается все же Грузіей, прикрывая свою физиономію различною вуалью, то византійскаго, то западно-европейскаго издѣлія. Воздѣйствующій въ извѣстный моментъ историческаго развитія народа культурный факторъ оставляетъ на немъ свой осадокъ, а идущій ему на смѣну другой дѣятель, такъ или иначе воспринявъ въ себя то, что было сдѣлано его предшественникомъ, къ прежней суммѣ прибавляетъ и кое-что свое новое. Такимъ образомъ, осложняясь въ качественномъ отношеніи, основа развитія народа—его физическій и нравственный типъ, созданный условіями историческаго развитія въ данной

иѣтности,—превращается въ культурно-историческій типъ, который составляетъ изъ основы развитія народа плоть известная надъ нею надстройка, созданная временемъ исторической жизни народа. Раскрыть процессы взаимодѣйствія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ культурнаго типа въ связи съ общимъ ходомъ событій исторической жизни народа—вотъ интереснѣйшая задача, рѣшеніе которой представляется историку Грузіи. Въ исторіи Грузіи намѣченные нами элементы развитія выступаютъ, кажется, особенно рѣзко, опредѣленно и законченно, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ ея интересъ для читателя.

Какъ о Грузіи, такъ о ея исторіи, о народѣ грузинскомъ русское общество знаетъ очень мало свѣдѣній. Преминтереснѣйшая исторія политическаго и общественнаго развитія Грузіи—это, какъ мы сказали, упорная борьба ея за свою политическую и религіозную свободу съ народами сосѣдней Азіи, богатѣйшіе памятники древней письменности и искусства, современная литература и языкъ—все это въ большинствѣ случаевъ остается почти невѣдомымъ для русскаго читателя, не говоря уже о томъ, что мы, русскіе читатели, почти ничего не знаемъ даже о такомъ изслѣдователѣ исторіи и языка Грузіи, какъ, напр., нашъ академикъ Марій Броссе, приглашенный въ Россію изъ Парижа въ 1837 г. и въ теченіе болѣе сорока лѣтъ порабатывавшій надъ изаніемъ, комментированіемъ и переводами грузинскихъ историко-географическихъ и литературныхъ памятниковъ.

Чѣмъ объяснить такое невниманіе? Дальностью ли разстоянія, отсутствіемъ ли свѣдущихъ лвъ, недостаткомъ ли энергіи и исторической любознательности въ туземномъ населеніи, которое, казалось, всячески должно было бы содѣйствовать наиболѣе широкому распространенію въ русскомъ обществѣ знаній о своей родинѣ?

Съ 1900 года при Московскомъ университетѣ открыта кафедра грузинскаго языка. Раньше у насъ такая уже существовала на факультетѣ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ унив. и въ Москвѣ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Вмѣстѣ съ открытіемъ новаго курса грузинологіи въ Московскомъ университетѣ, можно надѣяться, значительно расширятся и наши свѣдѣнія по исторіи Грузіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ откроется возможность и болѣе широкому кругу общества знакомиться съ тѣми вопросами по изученію языка, исторіи и этнографіи, которые до сихъ поръ, будучи тѣсно связаны съ исторіей Грузіи, составляли предметъ изученія только небольшого круга любителей и специалистовъ.

Въ самое послѣднее время ознакомленію болѣе широкихъ круговъ русскаго общества съ исторіей и литературой Грузіи въ значительной мѣрѣ содѣйствовала своими работами проф. Лазаревского института и прив.-доц. Московскаго универс. А. С. Хахановъ. По случаю столѣтія со дня присоединенія Грузіи къ Россіи онъ помѣстилъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей по исторіи, языку, отчасти и литературѣ Грузіи. Такъ, напр., въ журналѣ «Кавказск. Вѣст.» за 1901 г., № 2, была напечатана его вступительная лекція, читанная имъ въ Московскомъ унив. 16-го сент. 1900 г.,—

«Грузинологія среди предметовъ историко-филологич. факультета», въ которой авторъ въ общихъ чертахъ знакомитъ читателя съ исторіей изученія грузинскаго языка на Западѣ и въ Россіи, затрогиваетъ вопросъ о мѣстѣ грузинскаго языка среди другихъ языковъ, останавливаясь на мифіяхъ по этому поводу Боппа, Броссе, Макса Мюллера, въяскаго проф. Фридриха Мюллера, проф. университета въ Грацѣ Гуго Шухардта, говоритъ о грузинскомъ алфавитѣ и приводитъ гипотезу краковскаго профессора Абихта о заимствованіи св. Кирилломъ буквъ славянской азбуки изъ грузинскаго алфавита черезъ посредство грузинъ-иноковъ афонскихъ обителей; здѣсь же авторъ даетъ, наконецъ, общую характеристику культурнаго и историко-литературнаго развитія Грузіи въ связи съ краткимъ обзоромъ различныхъ вліяній, которыя переживалъ грузинскій народъ въ различные эпохи своей исторіи.

Въ Юбилейномъ Сборникѣ, изданномъ въ честь Всев. О. Миллера еще въ 1900 г., тотъ же авторъ помѣстилъ статью — «Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи по даннымъ археологій и этнографіи». Въ этой статьѣ проф. Хахановъ говоритъ о древнѣйшемъ мѣстѣ родины грузинъ, о заселеніи ими канказской территоріи, о родовомъ складѣ общественной жизни, родовыхъ отношеніяхъ у древнихъ грузинъ по даннымъ грузинской лѣтописи «Картлисъ-Цховреба» и по Страбону, о родоначальникахъ — Картлосѣ Мцхетосѣ и Уплосѣ, о почитаніи душъ умершихъ предковъ, о расселеніи древнихъ грузинъ и ихъ торговыхъ отношеніяхъ.

Въ первой кн. «Русск. Мысли» за 1901 годъ тѣмъ же авторомъ напечатана статья — «Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи» (Юридическіе акты), въ которой онъ опять затрогиваетъ вопросъ о предкахъ древнѣйшихъ грузинъ и извѣстіяхъ о нихъ и ихъ странѣ у библейскихъ пророковъ Моисея и Іезекииля, у римлянъ и грековъ, говоритъ о роли древней Грузіи въ торговомъ отношеніи среди различныхъ народовъ Востока, о главныхъ моментахъ исторіи объединенія Грузіи и развитія ея политическаго могущества, начиная со временъ Фарнаваза (въ III в. до Р. Хр.) и кончая эпохой Ираклія II (род. въ 1721 г.), въ связи съ развитіемъ дипломатическихъ сношеній между русскимъ правительствомъ и грузинскими царями. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ весьма интересные трактаты 24-го іюля 1783 г. и 23 ноября 1799 г. а также и нѣкоторые другіе юридическіе акты, касающіеся послѣднихъ дней жизни Грузинскаго царства, и говоритъ о ихъ вліяніи на общественную и политическую жизнь грузинскаго народа.

Въ первой же книгѣ «Вѣстника Европы» за 1901 г. имъ помѣщена статья: «Столѣтняя годовщина присоединенія Грузіи къ Россіи». Эта статья отличается наибольшей полнотой, и въ ней даны указанія на литературу по исторіи Грузіи.

Интересную замѣтку о Грузіи по тому же поводу А. С. Хахановъ помѣстилъ и въ «Русскихъ Вѣд.» (январь 1901 г.). Наконецъ, въ журналѣ «Вѣстникъ всемірной исторіи» за 1901 г. № 2 напечатана имъ статья — «Прошлое Грузіи», представляющая краткій очеркъ исторіи Грузіи и по характеру своего изложенія очень близко подходящая къ болѣе

полной его же работѣ, изданной отдѣльной книгой на французскомъ языкѣ — «Histoire de Géorgie, publiée sous la direction de M. Raphaël Isarloff. Aperçu géographique et abrégé de l'Histoire et de la Littérature géorgiennes». Par M. A. Khakhanoff. Paris—Tiflis 1900 г.

Напомнимъ читателю аналогичную работу проф. А. Цагарели въ «Энцикл. Слов.» Бр. в Эер. т. IX-а, стр. 795 — «Грузія», а также исступительную статью въ изданіи — «Georgische Dichter. Uebersetzt von Arthur Leist Dresd. u Leipzig 1900 г.

„Histoire de Géorgie“ какъ читаемъ въ предисловіи, была издана для болѣе близкаго ознакомленія посѣтителей кавказскаго отдѣла на Парижской Всем. выставкѣ 1900 г. не только съ географическими положеніемъ Грузіи и ея естественными богатствами, но также и съ ея исторіей, богатой событіями геройскаго патріотизма и замѣчательными фактами культурнаго развитія. Изданіе снабжено цѣлымъ рядомъ снимковъ съ различныхъ видовъ Грузіи, съ портретовъ извѣстныхъ дѣятелей грузинской исторіи и литературы, а также снимками съ памятниковъ древне-грузинской церковной архитектуры и скульптуры «съ цѣлю дать читателямъ наглядное представленіе о декоративномъ искусствѣ и древнемъ орнаментѣ въ Грузіи». Въ составъ содержанія книги входятъ слѣдующія отдѣльныя части: 1. Географическій очеркъ Грузіи (7—10 стр.); 2. Начало грузинскаго царства и первые его цари (13—15); 3. Введеніе Христіанства и первые его успѣхи въ Грузіи (16—24); 4. Очеркъ исторіи Грузіи съ IV-го до конца VI-го вѣка (25—33); 5. Грузія подъ арабскими владычествами и династія Багратидовъ (34—37); 6. Очеркъ исторіи Грузіи съ IX-го по XII ст. Давидъ Возобновитель (38—46); 7. Вѣкъ Тамары (1184—1212). (47—53); 8. Очеркъ исторіи Грузіи въ эпоху ея раздробленія на нѣсколько независимыхъ государствъ (54—65); 9. Царь Вахтангъ VI (66—74); 10. Очеркъ сношеній Грузіи съ Россіей. XVI—XVIII стол. (77—84); 11. Грузинская литература (85—112).

Полный обзоръ исторіи грузинской литературы данъ А. С. Хахановымъ въ его капитальномъ трудѣ: Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпуски I. II. III (въ общемъ—болѣе 1000 стр.). Москва 1895, 1897, 1901 г.

Не смотря на конспективность изложенія, «Исторія Грузіи» проф. А. Хаханова, останавливая вниманіе читателя на политическомъ состояніи и условіяхъ культурнаго развитія народа въ отдѣльныя эпохи его историческаго существованія, въ общемъ своемъ изложеніи даетъ ясную картину исторіи Грузіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея существованія и кончая обзоромъ ея ближайшихъ къ намъ современныхъ литературныхъ дѣятелей. Исторія Грузіи, говоритъ проф. Хахановъ, «это рядъ превратностей, которыя пришлось пережить народу. Огонь и мечъ сдѣлались самымъ обыкновеннымъ, вполне нормальнымъ явленіемъ въ его жизни. Можно только удивляться тому, какъ эта горсть людей среди раздоровъ и беспорядковъ, среди набѣговъ различныхъ народовъ сохранила не только свою національную индивидуальность, но и свою вѣру, свою литературу и свѣй языкъ. Послѣ столькихъ тяжкихъ потрясеній, этотъ народъ пере-

жаль могущественныя націи древняго міра. Съ весьма оригинальнымъ образомъ своего правленія в своеобразной «феодальной организаціи, безъ какой бы то ни было поддержки и содѣйствія, съ рѣдкими проблесками славы и могущества онъ дожилъ до начала XIX ст. и на порогъ его сложилъ свое оружіе предъ единовѣрнымъ государствомъ, вручивъ его великодушнѣею своимъ судьбы для того, чтобы, обезпеченный возможностью преуспѣвать въ мирномъ благоденствіи для своего интеллектуальнаго развитія, онъ могъ стать причастнымъ европейской цивилизаціи».

Интересные вопросы, связанные съ исторіей Грузін, любопытные факты и событія культурно-историческаго развитія ея народа, общедоступное изложеніе, легкость языка — все это дѣлаетъ «Исторію Грузін» проф. Хаханова весьма полезною и вполне подходящею книгою для общаго ознакомленія съ географіей, исторіей, языкомъ и литературой Грузін.

Н. Державинъ.

И. Стещенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. (*Къ столѣтнему юбилею его Энеиды*). 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтѣ критики. Киевъ. 1898. Стр. 1—232.

Произведенія т. н. творца новой малорусской литературы И. П. Котляревскаго имѣютъ такое важное этнографическое значеніе, что вполне уместно поговорить на страницахъ «Этнографическаго Обзорнія» о книгѣ г. Стещенко. Общая мысль первой части труда г. Стещенко, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чемъ. Форма переложиванной малорусской Энеиды Котляревскаго вполне сходна съ формою переложиванной русской Энеиды Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ Энеидъ, малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а многія — почти буквально; но такъ какъ Энеида Осипова вышла въ 1791 году, а Энеида Котляревскаго ужъ въ 1798 году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполне сходныя съ болѣе ранней пародическою Энеидой Блаумайера (1784), написанной на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блаумайеромъ могутъ объясняться, значить, только тѣмъ, что Блаумайеромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ Котляревскій. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполне научно мотивировать эти положенія; но г. Стещенко сталъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ загроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ склонности опровергать такіе догадки, которыя едва-ли могли кому-нибудь прийти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34—37, гдѣ у г. Стещенко приведены параллельныя выписки изъ Энеиды Котляревскаго и Энеиды Осипова и гдѣ въ числѣ параллелей есть, вапримѣръ, такіа:

Котляр.:

А потім смерть до артикулу
 Їм оддала косою честь,
 На перед стоя казавуру,
 Який у їй мосці єсть.

Предсказанія Сивиллы:

Котляр.:

Борців як три не поденькуш,
 На моторошні засердчить.
 І зараз тяглом захищуш,
 І в буркоті зажендощить.
 Коли ж що напхом з' азинаяш
 І в терєб добре зжннотаєш,
 То на веселі запутриш.

Осиповъ:

Потомъ имъ смерть косою своею
 Отбрыкнула по свойски честь,
 Ведя толпами за собою
 Все, что у ней въ командѣ єсть.

Осиповъ:

Какъ ядкі трон не посутчишь,
 Такъ на тошнѣ заживотить.
 На всемъ нытъ ты пожелудчишь
 И на ворчалѣ забрюшнить.
 А если повзубить жевало,
 Не засердчитъ ужъ тосковаю,
 И все уйдѣло прочь сгрустять.

Описаніе благородной женской красоты:

Котляр.:

Таке дівча—кусочок ласий:
 Заславнишся, як главене раз...
 Що ваші гречеськи ковбаси!
 Що наш первак грушевий квас!
 Завійниці од неї вхопить,
 На голову насяде клопѣт,
 А може тьохне і не там:
 Поставить рогом яєві очі,
 Що не доспим Петрівської ночі,—
 Те по собі я знаю сам.

Осиповъ:

На лакомый такой кусочекъ
 И нехоти разинешь ротъ:
 Зачесться, небось, усочекъ,
 И мигомъ подведешь животь...
 Развѣсишь отъ зѣванья юноя,
 Покажутся на губѣ слюни,
 И позволѣя дрозъ проймасть;
 Заекасть, какъ отъ испуга,
 Сердчишко, будто отъ натуга.
 Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Окончивши вту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стещенко говоритъ: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ—Энеидой *Вергилия*? Но небольшая доза сообразительности (даже очень небольшая! *А. К.*) и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, что небольшая доза сообразительности избавитъ читателей отъ мысли искать у Вергилія военныхъ артикуловъ смерти, шутовского языка Сивиллы и скабрзныхъ описаній дѣвственной красоты, г. Стещенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34—37 доказательствамъ, что серьезный характеръ Вергиліевой національной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшливаго отношенія къ національнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилій не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разъясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ, оно совершенно напрасно занимаетъ немало мѣста въ книгѣ Стещенко, который, занявшись сличеніемъ чисто внѣшней стороны разныхъ Энеидъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ *внутренняго* родства или неродства, т.-е. выясненіе самостоятельности

Котляревскаго. Правда, г. Стещенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энеида Котляревскаго, несмотря на свою подражательность русской Энеидѣ Осипова, есть произведеніе вполне самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, котораго нѣтъ у Осипова. Но *съ чѣмъ же*, собственно, виденъ неталантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревскаго? Отъ литературнаго изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревскій и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на *этотъ* вопросъ. Въ трудѣ П. И. Житецкаго «Энеида Котляревскаго» (вышедшемъ уже послѣ появленія въ свѣтъ книги г. Стещенко) показано фактически, осязательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревскій влагалъ и юморъ и талантъ въ передѣлку бездарнаго сочиненія Осипова. У г. Стещенко этотъ самый существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ то же время изслѣдователь, какъ видимъ, считалъ нужнымъ удѣлять время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать Сивиллу-шутовку у Вергилія.

Совершенно иначе написана г. Стещенкою первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816-го года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ, попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обзорѣнню и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83—151 его книги, т.-е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стещенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ, — напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ, благопріятный для него, г. Стещенко только излагаетъ, а неблагопріятныя сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ, кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ воззрѣній, г. Стещенко старается подвести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго и эстетическія достоинства его произведеній: «Перелицованої Энеиды», «Оды до князя Куракина», «Наталки-Подтавки» и «Мосваля-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151—200) — самая слабая часть въ изслѣдованіи г. Стещенко. Требуется, напримѣръ, прежде всего рѣшить вопросъ, была ли пародированная Энеида Котляревскаго, панегирическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойнымъ, національнымъ проявленіемъ малорусскаго духа, или же, какъ утверждалъ Булишъ, это была антинаціональная балаганщина, предназначенная для потѣхи обрусѣлыхъ пановъ, насчетъ простого народа, и крайне обидная для малорусскаго національнаго самосознанія.

Единственнымъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ фактически, а не априорно, было бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведенное П. И. Житецкимъ) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало бы, что перечисленная Энеида является больше всего прямымъ продолженіемъ литературы «*даків-піворізів*», а драматическія произведенія Котляревскаго, въ частности, — преемственнымъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что, однимъ словомъ, по выраженію Житецкаго — «*корни Энеиды лежать въ ея прошломъ*». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самый вопросъ, патриотомъ ли былъ Котляревскій или непатриотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдованій сознаеть самъ г. Стещенко, и въ заключительномъ отдѣлѣ своей книги онъ настойчиво утверждаетъ, что сочиненія Котляревскаго — преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, во какъ и съ чѣмъ видна эта преемственность — этотъ вопросъ г. Стещенко не выясняетъ; научныхъ изслѣдованій и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стещенко не предпринимаетъ, и такимъ образомъ для доказательства національной серіозности перечисленной Энеиды у него остаются преимущественно априорныя соображенія о малорусскомъ патриотизмѣ Котляревскаго, которые, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ стр. 152—154: «У Осипова, автора русской перечисленной Энеиды, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное *потѣшить публику* ¹⁾ насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ одѣть боговъ и героев ея въ народно-національныя одежды. Чему же приписать появленіе національной ²⁾ формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Далѣе г. Стещенко сообщаетъ, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка дѣйствительно была національная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она поэтому должна была быть и у творца потѣшной «Энеиды», а все предыдущее априорное разсужденіе г. Стещенко прямо-таки несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Булину, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинациональное желаніе поиздѣваться надъ простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примѣненіе Котляревскимъ малорусскаго языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхотворныхъ, перенесеніе боговъ и героев въ малорусскія хаты вложеніе въ ихъ уста мужицкаго языка малорусскаго въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать *суббимый смѣхъ*, служить самымъ сильнымъ доказательствомъ варочитаго презрѣнія къ

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Т.-е. малорусской.

этому языку. Только историческое изучение малорусской литературы XVIII в. может снять съ Котляревскаго укоры въ его антинародности, но, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешевка почти нѣтъ.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилось у г. Стешевка иногда даже въ области чисто-литературнаго пониманія произведеній Котляревскаго. Такъ, по поводу пѣсни Вознаго: «От юних лѣтъ г. Стещенко замѣчаетъ, что она написана по-русски (стр. 188). Но г. Стещенко не высказалъ бы такого мнѣнія, если бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Вознаго: «Ведь кому городу свой нравъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стещенко несомнѣнно знаетъ)—сочиненіе не Котляревскаго, а вроднаго украинскаго философа—Сквороды. Рѣчь ея—книжное семинарско-малорусское язычье; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любви» (читается «Отъ юныхъ лѣтъ не знала я любви») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же языкѣ, характерномъ для круга почитателей Сквороды.—Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешевка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезмѣрной диспропорціею. «Энеида» Котляревскаго, говоритъ онъ, напоминаетъ намъ болѣе всего «Мертвыя Души» Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обомъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи; только наша поэма далеко шире русской и по замыслу, и по исполненію» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусскія «Мертвыя Души» должны быть эпопеями именно украинской націи; отмѣтимъ только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, напечатанныхъ у насъ курсивомъ. «Мертвыя Души» Гоголя можно пересчитывать каждый годъ, — и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвыя Души», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не дочитаешь ея до конца; между тѣмъ, для чтенія Энеиды Котляревскаго во второй разъ, а особенно для чтенія подъ-рядъ—требуется извѣстная доза храбрости: первыя пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше—тѣмъ интересъ ослабѣваетъ, однообразие начинаетъ прѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь специальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще, отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной Энеиды—менѣе талантлива, чѣмъ первая ¹⁾, а Данилевскій, въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энеидѣ заключается порядочная частица снотворности и воды» ²⁾. А ужъ если сопоставлять у автора «Перелицовой Энеиды» и автора «Мертвыхъ Душъ» силу ихъ юмора, то не лишне напомнить тоже извѣстныя г. Стещенко (стр. 101) слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣ-

¹⁾ Новъ, 1884, № 4.

²⁾ Въ своемъ сборникѣ: Украинская Старина, 1886, стр. 198.

наго малорусса-патріота: «Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемси мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя». — Пусть даже считаются всякія такія мнѣнія субъективными, — г. Стещенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, но все-таки еще значительное преувеличеніе является у г. Стещенко въ его напрасныхъ стараніяхъ доказать художественность посредственнаго водевиля: «Москаль-Чарівникъ». Кулишъ (нашедшій въ этомъ пунктѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершенно справедливо и притомъ доказательно, въ томъ числѣ путей сопоставленій съ «Простаконъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положеній въ названномъ водевилѣ Котляревскаго. Г. Стещенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому отрицанію воззрѣній Кулиша: по заявленіямъ г. Стещенко, типы водевиля «Москаль-Чарівникъ» жизненны и естественны. Правда, «нѣкоторую» ненатуральность признаетъ за ними въ концѣ-концовъ и самъ г. Стещенко (стр. 198), но это ему не мѣшаетъ оспаривать при убѣжденіи, что «Москаль-Чарівникъ» есть произведеніе художественное. Все это кажется преувеличеннымъ, особенно потому, что и стилизовано данное мѣсто (стр. 189—198) не совсѣмъ удачно. Изъ дальнѣйшей заключительной главы изслѣдованія г. Стещенко (стр. 202) вполне ясно видно, что г. Стещенко имѣетъ въ виду художественность только относительную, — литературныя достоинства въ «Москаль-Чарівникѣ» онъ усматриваетъ едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто-малорусскій водевиль; появившійся «Москаль-Чарівникъ» *теперь*, въ эпоху полного расцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стещенко, очевидно, считалъ бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ сожалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зрѣнія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (стр. 201—232) г. Стещенко отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ создались поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное вліяніе и значеніе въ вовой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронуто пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ-концовъ для уясненія исторіи малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стещенко имѣетъ несомнѣнную важность. Да и вообще о всей книгѣ г. Стещенко мы должны сказать, что, несмотря на ея нѣкоторые слабыя стороны, отмѣченныя нами, она является чрезвычайно полезнымъ трудомъ, съ которымъ серьезно придется считаться всякому историку малорусской литературы.

А. Крымскій.

Dr. Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. Entwicklungspsychologische Charakteristik der Naturmenschen in intellektueller, ästhetischer, ethischer und religiöser Beziehung. Eine natürliche Schöpfungsgeschichte menschlichen Vorstellens, Wollens und Glaubens. Lps. 1900.

Настоящая книга д-ра Шульце, профессора философии в Дрезденской высшей технической школе, как оказывается, составляет только часть другого, многотомного труда «Vergleichende Seelenkunde», остальные части которого уже вышли в свет раньше под заглавиями: «Nervensystem und Seele» (1892 г.) и «Die Psychologie der Tiere und Pflanzen» (1897 г.). Не знаю, как выполнены автором эти работы, но настоящая книга имеет очень мало научной ценности и прежде всего потому, что в основу ее положен совершенно ложный план. Др. Шульце совершенно не специалист по истории первобытной культуры и по этнографии и всю фактическую основу своего труда берет готовой из вторых и третьих рук, т. е. у Бастiana, Вайца, Клемма, Лейбока, Ратцеля, Тейлора и т. п. авторов. Он несколько не скрывает этого обстоятельства, а наоборот, постоянно подчеркивает его и заявляет, что всю фактическую сторону вопроса он считает уже установленной и что приводимые им факты имеют значение только иллюстраций, а отнюдь не доказательств. Опираясь над этими готовыми материалами, автор только хочет скрыть психологическую основу интересующих его явлений и осветить их с более философской точки зрения. «Der Schwerpunkt dieses Werkes, говорит он, liegt in der neuen psychologischen Bearbeitung des alten Materials» (p. V), и вот тут-то и заключается основная ошибка Шульце.

Для того чтобы подвергнуть старый этнографический материал новой психологической обработке, необходимо иметь два данных, а именно, во первых, необходимо, чтобы материал был уже готов, чтобы вся фактическая сторона вопроса была выяснена с достаточной полнотой и точностью, чтобы сами факты не вызывали сколько нибудь серьезных разногласий, а во вторых, необходимо, чтобы уже была выработанная система психологии, с точки зрения которой можно было бы осветить готовый материал. На самом деле на то ни другое из этих условий в настоящее время не осуществимы. Психология, конечно, сделала громадные шаги вперед за последние десятилетия, но она еще далека от того, чтобы вылиться в стройную и определенную систему. Главная же беда даже не в этом, а в том, что современная психология пока изучает и анализирует преимущественно отдельные, обособленные проявления душевной деятельности и очень мало имеет дела с живым, целостным человеком, одновременно и в разных направлениях мыслящим, чувствующим и желающим. Психология такого целостного человека, или, как ее иногда называют, психология характера, дело будущего и, может быть, даже отдаленного будущего, а та психология, которая пока имеет, очень мало может помочь изучению, напр., первобытной семьи и религии, ношедших из круга вопросов, охватываемых

нашимъ авторомъ. Тутъ въ настоящее время не психологія можетъ помочь народовѣдѣнію, а наоборотъ, народовѣдѣніе—психологіи; тутъ возможна не психологическая обработка этнографическаго матерьяла, или его систематизація подлѣ руководствомъ психолога, а напротивъ того, выведеніе самыхъ психологическихъ законовъ изъ этнографическихъ данныхъ. Эта работа, конечно, въ высшей степени интересна, но она прежде всего требуетъ солидной фактической основы. Пусть бы Шульце попробовалъ воспользоваться хотя бы тѣми данными, которые собраны его предшественниками, пусть бы онъ постарался проанализировать эти факты и вывести присущую имъ закономѣрность. Можетъ быть, эта работа и оказалась бы неудовлетворительною, но извѣстный смыслъ она имѣла бы, и съ принципиальной точки зрѣнія противъ нея ничего бы нельзя было возразить.

Шульце ничего подобнаго не сдѣлалъ и его книга не даетъ даже короткой сводки стараго матерьяла, не говоря уже про обработку; все это онъ замѣнилъ чисто догматическимъ изложеніемъ апріорныхъ положеній, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальныхъ и всегда бездоказательныхъ. Авторъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія и исходитъ изъ того положенія, что духовныя способности современнаго цивилизованнаго человѣка, если и не отсутствовали у дикаря, то находились, но крайней мѣрѣ, въ зачаточной степени, были мало развиты. Руководствуясь этимъ принципомъ, Шульце очень просто реконструируетъ духовную жизнь дикаря, приписывая ему самую низшую форму духовныхъ способностей цивилизованнаго человѣка. Таково основное положеніе разбираемой нами книги, и въ извѣстной степени его можно признать правильнымъ, но только въ извѣстной степени; безъ всякихъ оговорокъ оно приложимо только къ развитію мыслительныхъ способностей. Здѣсь дѣйствительно можно допустить прямолинейное и непрерывное развитіе отъ дикости до цивилизаціи, и здѣсь, кромѣ того, мы имѣемъ болѣе или менѣе бесспорные критеріи для оцѣнки степени достигнутаго развитія. Но, разумеется, духовная жизнь человѣка не ограничивается способностью къ мышленію, да и самъ нашъ авторъ не ограничивается ею одною своею книгою. Развитіе же другихъ сторонъ духовной дѣятельности шло, можетъ быть, и не такъ прямолинейно, какъ представляется Шульце. Нѣкоторыя указанія на это есть и съ ними слѣдовало бы считаться.

Приведу нѣсколько приѣмровъ. Особенно точнымъ показателемъ высоты достигнутаго нравственнаго развитія авторъ считаетъ отношеніе мужчинъ къ женщинамъ и довольно подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Первобытныя отношенія между полами и положеніе женщины въ частной и общественной жизни онъ рисуетъ самыми черными красками. Брака въ смыслѣ сколько вѣбудь постоянныхъ и правильныхъ отношеній между опредѣленными мужчинами и женщинами, по мнѣнію Шульце, не существовало, и онъ почему-то находитъ «мнѣніемъ» приводить «многочисленныя подтвержденія первобытнаго безбрачнаго состоянія непосредственными наблюденіемъ» (р. 198). Но если бы авторъ повнимательнѣе отнесся къ фактамъ, онъ тогда бы считъ нужнымъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что гипотеза безпораднаго сѣмьейнаго полоу, при-

нятая въ началѣ очень сочувственно многими учеными, потомъ стала вызывать противъ себя солидные возраженія. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о подтвержденіи этой гипотезы непосредственнымъ наблюденіемъ соотвѣтственнаго положенія вещей. Это окончательно доказалъ Вестермаркъ, обстоятельно разобравшій всѣ приводимыя другими авторами указанія на безпорядочное смѣшеніе половъ у отдѣльныхъ народовъ; въ результатѣ оказалось, что всѣ эти указанія построены или на ошибочныхъ сообщеніяхъ, или на неправильномъ истолкованіи фактовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ половъ, или агаміей, по терминологіи Шульце. Если Шульце находитъ критику Вестермарка несправедливой, ему слѣдовало бы доказать это или, по крайней мѣрѣ, заявить объ этомъ, но обходить молчаніемъ подобный фактъ можно лишь въ томъ случаѣ, если собственныя апріорныя положенія для автора имѣютъ несравненно большую цѣну, чѣмъ какія-нибудь фактическія доказательства. Шульце называетъ только два народа, у которыхъ будто бы существуетъ агамія, андаманцевъ и апачей, но если бы авторъ повнимательнѣе прочелъ Вестермарка или хотя бы и Либбола, изъ котораго онъ, вѣроятно, заимствовалъ свои свѣдѣнія объ андаманцахъ, тогда бы онъ зналъ, что указаніе одного стариннаго автора на коммунальный бракъ у андаманцевъ оказалось совершенно невѣрнымъ. Что же касается до апачей, то ихъ Шульце, вѣроятно, упомянулъ по недоразумѣнію; мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ основаній утверждать объ отсутствіи у нихъ брака, и до сихъ поръ, кажется, никто не приписывалъ имъ безпорядочнаго смѣшенія половъ. Впрочемъ, отдѣльныхъ ошибокъ у Шульце очень много. Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ (р. 199), что алеуты не видятъ ничего предосудительнаго въ бракахъ между братьями и сестрами, но на самомъ дѣлѣ подобные браки считались тамъ великимъ грѣхомъ и, по мнѣнію алеутовъ, непремѣнно влекли за собой гнѣвъ божества и соотвѣтственное наказаніе (И. Веніаминовъ. Зап. объ остр. Уналашкинск. отд. II. стр. 76, 141; III. стр. 8 и 9). Шульце могъ познакомиться съ отношеніемъ алеутовъ къ кровосмѣшенію у Westermarck'a, *History of hum. mar.*, 2 ed., p. 352). У алеутовъ, правда, бывъ позволительны браки между двоюродными братьями и сестрами, но такихъ браковъ не боялся и современная западная Европа.

Нечего и говорить, что вопросъ о предполагаемыхъ переживаніяхъ агаміи (материнское право, кровосмѣшеніе и т. д.) далеко не такъ простъ, какъ кажется Шульце, и тутъ онъ обнаруживаетъ очень малое знакомство съ предметомъ, хотя и приводитъ въ числѣ своихъ источниковъ книгу Вестермарка, изъ которой могъ бы познакомиться до известной степени съ положеніемъ въ наукѣ этихъ вопросовъ. Между прочимъ, Шульце игнорируетъ тотъ подчеркиваемый противниками матриархальной теоріи фактъ, что у большинства наиболѣе первобытныхъ племенъ мы встрѣчаемся съ довольно прочной патриархальной семьей. Я лично не признаю рѣшающаго значенія за этимъ фактомъ, но Шульце долженъ былъ бы отнестись къ нему иначе. Соотвѣтственные народы (веддовъ, бушменовъ, негритосовъ, андаманцевъ и т. д.) Шульце относитъ къ самой

низшей стадіи развитія, къ низшимъ дикарямъ, и, кромѣ того, онъ утверждаетъ, что «съ ростомъ культурнаго развитія равномерно повышаются всѣ свойства и состоянія (Zustände) челоѵка» (р. 193). Для Шульце, слѣдовательно, данный фактъ имѣетъ очень серьезное значеніе, но онъ или не знакомъ съ нимъ или, можетъ быть, и знакомъ, но предпочитаетъ умалчать о немъ. Съ другой стороны, защитники матриархальной теоріи въ довольно свѣтлыхъ краскахъ рисуютъ положеніе женщины у первобытныхъ народовъ, указываютъ на ея сравнительную самостоятельность и на почетное положеніе въ семьѣ и обществѣ. Нѣкоторые фактическія указанія на это, дѣйствительно, имѣются, во многое говоритъ за противоположный порядокъ вещей. Въ чемъ истина, можетъ показать только изслѣдованіе самихъ фактовъ, но Шульце такого изслѣдованія не проводитъ, умалчиваетъ про разнообразіе относящихся сюда фактовъ и про обусловленное этимъ разнообразіе мнѣній среди ученыхъ, а просто заявляетъ безъ всякихъ оговорокъ, что положеніе женщины на равныхъ ступеняхъ развитія было очень низко и что къ ней относились, какъ къ животному. Такой пріемъ, можетъ быть, и удобенъ для автора, но читателю онъ врядъ ли понравится.

Я взялъ на удачу нѣсколько примѣровъ, относящихся къ вопросамъ о семьѣ и отношеніяхъ между полами, но и другіе отдѣлы обработаны совершенно такъ же. Тамъ, говоря о слабомъ развитіи искусства у дикарей, Шульце приводитъ довольно сомнительный, хотя и общезвѣстный рассказъ Олдефельда объ австралійцахъ, которые не могли разобрать на картинѣ челоѵка и принимали его—кто за корабль, кто за кенгуру. Но при этомъ нашъ авторъ не обратилъ вниманія на не менѣе общезвѣстные, и въ то же время вполне достовѣрные рассказы о живописи австралійцевъ и бушменовъ на скалахъ. Упускаетъ онъ изъ виду и общезвѣстный фактъ музыкальности бушменовъ, такъ рѣзко расходящійся съ его утвержденіемъ о неэстетичности дикарей. Вообще, всѣ факты, противорѣчащія апріорнымъ положеніямъ автора, совершенно игнорируются имъ. Можетъ быть, эти факты ничего не могутъ доказывать по своей исключительности, можетъ быть, ихъ можно какъ-нибудь согласовать съ положеніями Шульце, все это, можетъ быть, и возможно, но надо было показать эту возможность, а не замалчивать противорѣчащіе факты. Кстати стѣбчу здѣсь еще одно положеніе автора, по обыкновенію, очень мало мотивированное имъ: «чисто духовный, а также эстетическій интересъ въ его настоящемъ и истинномъ значеніи образовался и развился только въ связи съ удивленіемъ и связаннымъ съ этимъ удивленіемъ почитаніемъ звѣзднаго неба».

Къ числу слабыхъ сторонъ книги Шульце надо отнести также и нѣкоторую односторонность ея. Авторъ больше всего интересуется мыслью дикаря, а чувству и волѣ его онъ удѣляетъ непропорціонально мало вниманія; эти вопросы онъ затрогиваетъ совсѣмъ кратко, какъ будто, только по необходимости. Въ связи съ этой особенностью стоитъ тотъ фактъ, что Шульце видитъ въ религіи только мировоззрѣніе или философію дикарей и совершенно игнорируетъ тутъ элементы чувства. Я остановился

такъ подробно на этой книгѣ потому, что посвящена она слишкомъ интереснымъ вопросамъ, и потому, что у автора слишкомъ большія притязанія. Предваряя отзывы критики, онъ самъ даетъ такую оцѣнку своей работѣ: *«in jeder der drei grossen Abteilungen der psychologischen Bearbeitung des geistigen Zustandes der Naturmenschen, nämlich seines intellektuellen (einschliesslich ästhetischen), moralischen und religiösen Seelenlebens glaube ich ganz neue Gesichtspunkte gegeben, ganz neue Kriterien der Beurteilung aufgestellt, ganz neue Perspektiven eröffnet zu haben»* (р. V, курсивъ Шульце).

А. Максимовъ.

Альб. Герм. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношений. Очерки по всеобщей сравнительной исторіи государства и права. Переводъ Н. В. Теплова, съ предислов. проф. М. М. Ковалевскаго. М. 1901 г. (Научно-образовательная библиотечка).

Постъ былъ очень трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ ученымъ, но онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ и потому не оставилъ послѣ себя крупнаго слѣда въ наукѣ. Выводы, къ которымъ онъ приходилъ на основаніи своихъ изслѣдованій, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальны, а еще меньше оригинальности мы найдемъ у Поста въ методологическомъ отношеніи. При всей своей широкой эрудиціи онъ не умѣлъ пользоваться имѣвшимся у него матеріаломъ и систематизировалъ его чисто виѣшнимъ образомъ, распредѣляя факты по заранее составленнымъ рубрикамъ и не взвѣсивая предварительно ихъ внутренней цѣнности. Въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и настоящая книжка, Постъ слишкомъ руководствовался предвзятыми мнѣніями и потому очень односторонне подбиралъ только факты, подтверждающіе то или другое уже готовое положеніе. По мѣрѣ расширенія своего фактическаго матеріала онъ постепенно переставалъ закрывать глаза на противорѣчающіе факты и отказался отъ многихъ своихъ прежнихъ теорій, но замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь новымъ не умѣлъ и потому зачастую предоставлялъ самому читателю дѣлать какіе-угодно выводы изъ представленнаго ему авторомъ матеріала. Поэтому въ наукѣ обыкновенно считаются съ собранными Постомъ фактами, но не съ его теоріями.

Для начинающаго заниматься общей культурой настоящая книжка можетъ, однако, дать довольно много, и, по моему мнѣнію, ее смѣло можно рекомендовать для предварительнаго, такъ сказать, знакомства съ первобытнымъ правомъ. Выводами она бѣдна, да и тѣ, которые есть, во многихъ случаяхъ ошибочны, во зато она въ сматой и систематической формѣ знакомитъ съ фактической стороной вопроса и даетъ общее представленіе о томъ, въ какія разнообразныя формы выливается право векультурныхъ народовъ. Особенно полезна книжка Поста можетъ быть тому, кто самъ занимается собираніемъ свѣдѣній о правѣ какого-нибудь народа; тутъ она послужитъ прекрасной программой.

Переводъ въ общемъ сдѣланъ удовлетворительно.

А. Максимовъ.

Собрание малоазійскихъ надписей. (*Библиографическая замѣтка*).
Вѣнская академія наукъ начала издавать, на средства князя І. Фовъ-Лихтенштейна собраніе малоазійскихъ надписей.

«Hufvudstadbladet» сообщаетъ, что недавно вышелъ первый томъ изданія, заключающій ливійскія надписи, подъ редакціей Э. Колинки (а?). Замѣчательная, какъ съ вѣшной стороны, такъ и со стороны ея значенія, работа содержитъ въ себѣ немаловажныя статьи языка, который даже теперь, несмотря на величайшія усилія знаменитыхъ ученыхъ, лишь отчасти понятенъ. Нѣкогда на ливійскомъ языкѣ говорили въ небольшой странѣ, Ливіи. Ливійскій народъ стоялъ на высокой степеніи развитія. Онъ оставилъ много памятниковъ языка, какъ-то: надписи, которые, однако, только въ началѣ XIX вѣка стали извѣстны въ Европѣ; впоследствии, благодаря открытіямъ австрійскихъ ученыхъ (1880—1890), онъ сталъ доступенъ для изслѣдованій. Большая часть надписей сохранилась на камняхъ; нѣкоторыя изъ нихъ двухъязычныя (на ливійскомъ и греческомъ яз.). Среди нихъ важное мѣсто занимаетъ большая историческая надпись, съ о-ва Ксантоса, начертанная на четырехъ сторонахъ столба (отелѣ); на одной сторонѣ находится также греческая эпитафия, относящаяся, какъ можно заключить изъ формы буквъ, къ V стол. до Р. Хр. Къ тому же вѣку принадлежитъ и большая часть ливійскихъ надписей. Буквы ливійскаго алфавита, вообще, сохранили древне-греческую (дорическую) форму; нѣкоторыя буквы были отмѣнены; было внесено также нѣсколько новыхъ звуковъ, среди нихъ два для гласныхъ звуковъ, которые совсѣмъ недавно были точно опредѣлены. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ думало, что ливійскій языкъ не входитъ въ составъ семьи индо-европейскихъ языковъ. Но недавно знаменитые языковѣды скандинавскаго сѣвера: норвежецъ С. Бугге (S. Bugge) и датчанинъ В. Томсенъ (Thomsen) подвергли ливійскій языкъ глубокому изученію и доказали, что этотъ языкъ принадлежитъ къ группѣ индо-европейскихъ языковъ. Къ такому же выводу пришли проф. А. Торпъ (Alf. Torp) и докторъ Г. Педерсенъ (Pedersen).

Работа Вѣнской академіи украшена богатыми рисунками, воспроизводящими башнеобразныя могилы, на которыхъ были надписи. Надписи очень отчетливо переданы фототипіей.

Вл. Г.

Sveriges land och folk. Historisk-statistisk handbok, på offentlig uppdrag utgifven af *Gustav Sundbärg*.

(*Швеція, страна и народъ. Историко-статистическое руководство, изданное по официальному порученію Г. Сундбергомъ.*)

Только что названная работа возникла такимъ путемъ. Въ 1898 г. проф. Э. Карлсонъ возбудилъ въ риксдагѣ вопросъ объ ассигнованіи 30.000 кронъ на изданіе (на шведскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ) статистическаго очерка культуры и промышленности въ Швеціи. Во время печатанія работы явилась мысль придать изданію болѣе красивую, чѣмъ предполагалось раньше, вѣшность, такъ какъ изданія на англійскомъ и французскомъ языкахъ были предназначены для всемір-

ной выставкѣ въ Парижѣ. Тогда неизвѣстное лицо предоставило въ распоряженіе редакціи 10.000 вронъ на иллюстраціи.

Работа распадается на двѣ части. Между тѣмъ, какъ первая обнимаетъ собою духовную культуру (природа, какъ факторъ, создающій народный характеръ, исторія шведскаго народа, государственное устройство и управленіе, образованіе, общественная жизнь), вторая часть посвящена обзору ремесла и промышленности въ Швеціи, торговли, мореходству, путямъ сообщенія, различнымъ банковымъ учрежденіямъ и законодательству о промыслахъ и рабочихъ.

Уже изъ этого сухого обзорѣнія явствуетъ, какъ всесторонне изобразили ученые специалисты культурную и экономическую жизнь въ Швеціи. Матеріалъ, сообщаемый въ работѣ, крайне богатъ и поучителен; мы почерпнемъ изъ него нѣкоторыя свѣдѣнія.

Говоря о смертности населенія, редакція выдвигаетъ, что число умершихъ въ Швеціи доходитъ только до 16,49 на тысячу. Эта цифра—самая низшая во всей Европѣ. Въ Америкѣ и Австраліи обнародывались еще низшія цифры, но онѣ не внушаютъ довѣрія. Для Финляндіи среднія цифры немного выше 20; для Россіи—около 35. Вообще, европейскія государства въ отношеніи количества смертей идутъ въ такомъ порядкѣ: Россія, Венгрія, Италия, Германія, Франція, Финляндія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Шотландія, Англія, Данія, Норвегія и Швеція.

Грамотность является въ Швеціи наслѣдіемъ уже нѣсколькихъ поколѣній. (Обязательность ея введена съ 1842 года). Такимъ образомъ, въ графѣ грамотныхъ, среди людей, подлежащихъ воинской повинности, противъ Швеціи стоитъ «100%» —цифра, съ которой сравнялась одна Германія. (Порядокъ европ. государствъ таковъ: Швеція, Германія, Данія, Швейцарія, Голландія, Финляндія, Франція, Бельгія, Австрія, Венгрія, Италия, Россія и Сербія).

Сравнительная таблица потребленія водки очень утѣшительна для Финляндіи, гдѣ на душу приходится алкоголя (въ 50°) немного больше 2 литровъ, въ Швеціи—около 7 литр. а въ Даніи—14 литровъ.

Среди различныхъ промысловъ особеннаго развитія достигла обработка желѣзной руды. Вывозъ желѣзной руды съ изумительною быстротою возросъ отъ 174.000 тоннъ (тонна=60 пуд.), въ 1891 году до 1,6 милл. тоннъ въ 1899 году. Выработка желѣза еще болѣе увеличится, когда на рынокъ будетъ выпущено желѣзо изъ недавно открытыхъ рудниковъ.

Говоря о государственномъ устройствѣ, авторъ замѣчаетъ: «наряду съ Англіей только въ Швеціи и есть такое государственное устройство, которое вышло изъ самобытнаго національнаго развитія. Это устройство ясно свидѣтельствуетъ о политической зрѣлости шведскаго народа.

Статья О. Н., напечатанная въ финляндской газетѣ «Hufvudstadsbladet», обращена, конечно, къ финляндцамъ. Однако, мы вынуждены были заимствовать изъ нея большую часть свѣдѣній, представляющихъ нѣкоторый интересъ и для русскаго читателя, такъ какъ у насъ подъ руками нѣтъ этой любопытной, глубоко-поучительной книги.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 2—4. *И. Обтемперанскій*. Слѣды извѣстнаго и апокрифическаго литературнаго въ религіозномъ міровоззрѣніи древне-русскаго народа. 2—6. Распространеніе христіанства среди русскіхъ лопарей (Историческій очеркъ). 3, 5. *Ал. Молчановъ*. Матеріалы для исторіи раскола въ Архангельской епархіи. 4. Объявленіе объ изданіи въ г. Самарѣ „Сборника статей по просвѣщенію инородцевъ Россіи“. Просьба присылать матеріалы и статьи въ г. Самару, преподавателю семинаріи К. Казанскому. 7. *П. Н. Пасха* въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ (Изъ „Церкви. Вѣсти.“).

Витебскія Губ. Вѣд. 1900. 2. Корресп. изъ Лепельскаго у. о сѣверѣ среди населенія. 5. Разныя извѣстія. Празднованіе Новаго года у китайцевъ. 7—8, 13, 21, 23, 27, 38, 50, 56, 61. *А. Пш-ако*. Пилипово веселье (продолженіе). Описаніе свадьбы. Приводятся пѣсни. 9. Русская женщина въ старинныхъ пословицахъ и поговоркахъ (Библиографическая замѣтка о книгѣ *П. Симона* „Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.“. 12. Общая хроника. О систематическомъ изданіи произведеній русской словесности до Петровской эпохи, предпринимаемомъ Отдѣленіемъ русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. 15. Общая хроника. О найденныхъ ак. Пыпинныхъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ литературныхъ произведеній Имп. Екатерины II. 17. Смысь. Какимъ раса обладаетъ лучшею памятью? 19. 1899-й годъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Вит. губ. 20. *А. Г-чъ*. Переселенцы (Корр. изъ Томска). 29. *И. Я. Н. Вас. Ник. Типинскій*—переводчикъ Евангелія на бѣлорусское наречіе и издатель (по книгѣ *М. В. Довнаръ-Запольскаго*). 31. Корр. изъ с. Долосны, Себежскаго у. Приводятся заговоры. 32—34. Съ береговъ Западной Двины (о сплавщикахъ лѣса; экономическія условія ихъ жизни). 32. О чистотѣ и нравственности проф. В. Ө. Миллера по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его научной дѣятельности. 34. Среди газетъ и журналовъ. Объ эксплуатаціи сѣв.—русск. инородцевъ (Изъ „С.-П. Вѣд.“). 44. Корр. изъ с. Трехалева. (Отношеніе крестьянъ къ медицинской помощи). 57. *С. А. С.-К.* Мѣрской бюджетъ крестьянъ Лепельскаго у. въ 1898 г. Среди газ. и журн. Отзывы посѣтителей народныхъ театровъ, собранные по особой программѣ (Изъ „Сына Отец.“). 61. Ср. газ. и журн. О безграмотности въ казачьихъ станицахъ Забайкальи (Изъ „Приам. Вѣд.“). 62. Собраніе академиковъ (отчетъ о 1-мъ соединенномъ засѣданіи Отд. русск. яз. и слов. и разряда изянщ. слов. Имп. Ак. Н. („Изъ Пр. В.“). 66. Домикъ Петра Вел. въ Ковыси Могилевск. г. (Изъ „Мог. Губ. Вѣд.“). Разн. изв. Объ отношеніи населенія Бѣжецкаго у. Тверск. г. къ событію 1 марта 1881 года. (Изъ „Русск. Стар.“). 67. Смысь. Продажа дѣвочекъ у гиляковъ, живущихъ на Сахалинѣ. 68. *М. Б.* О дуэляхъ (Нѣск. историч. даннхъ о д. на Руси. Изъ „С.-П. Вѣд.“). 69. *Н. Тихомирновъ*. Преосвящ. Маркеллъ, какъ главн. дѣтель по возсоединенію съ православной церковью хомскихъ унѣтъ (по поводу 50-лѣтія его священства). 80. Некрологъ Л. Н. Майкова. (Изъ „Пр. В.“). 86. Смысь. Индусская легенда о первыхъ людяхъ. (Изъ „С.-П. Вѣд.“). 88. Смысь. Преданіе о паукахъ-крестовикахъ.

92. Разв. изв. Дзвичья башня (изъ бакняскихъ легендъ). Семейный бытъ трансваальскихъ буровъ. 93. Разв. изв. Киргизскій Народный судъ. (Изъ „Сиб. Вѣстн.“). Свидѣнія о писанкахъ (перепечатка изъ „Харьк. Г. В.“). Просьба проф. Н. Ф. Сушкова прислать ему свидѣнія о писанкахъ по выработанной имъ программѣ. 97. Разв. изв. О культѣ бѣлаго слона въ Сямѣ. 98. Библиографія. О выходѣ въ свѣтъ I вып. всероссийскаго органа „Славянский Вѣстъ“, издаваемого въ Вѣнѣ (редакция: Wien, VIII. Beppogasse, 22).

Владимирскій Губ. Вѣд. 1900. 1 4, 13. *Николай Сперанскій*. Крестьянскій бракъ (въ с. Багачевъ, Подольской волости; приводятся пѣсни).

Волинскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 1—12. Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волинской епархіи. Описываются обряды, приводятся пѣсни. 5—7. *О. Фотинскій*. Очеркъ исторіи мелкаго дворянства. Овручско-Житомирскаго въ эпоху польскаго режима (XII—XVIII вв.).

Живописная Россія (еженедѣльно) 1901. 21. *Ушаковъ П.*, Кавтунская область (съ 1 картой). — 21, 23, 24, 25, 26, 27 и 28 *Чаушакскій, В.* Куринскіе очерки. 21. *Олексій П. М.* Промышленность туземцевъ въ Туркестанѣ по Ф. Шварцу (съ рис. Продолженіе). (Оконч. въ №№ 22 и 23). — Рисунки: Крестьянская изба въ селѣ Игнатовѣ близъ Звенигорода. — 22. *Пащенко, С.* Звѣздное небо и небесныя явленія въ представленіи русскаго народа. — 22 и 23. *Павловъ, В.* Къ 700-лѣтію существованія Риги (съ рис.). — 24. *Максимовъ, С. В.*, Недовѣсокъ къ „крылатымъ словамъ“. II. Щелкоперъ. III. Далеко кулику. — *Субботинъ, А.* Хасиды и ихъ значеніе среди русскихъ евреевъ (съ рис.). — Отд. рис.: Типы интеллигенціи и мѣщанъ Подольской губ. — 25. *Миксимовъ, С. В.*, Недовѣсокъ и т. д. (прод.). IV и V. Подкупать и объегорить. VI. Худая трава. — *Васильевъ, П.* Ивановъ день. — 28. *Лукинъ, Пр.* Древніе русскіе изразцы (съ 11 рис.). Отд. рис.: Главныя кувшины въ Бвл. Палатѣ въ Ростовѣ, два рукомоипника въ Новгородскомъ музеѣ. — 29. *Кочетовъ, А. И.* Святотроицкій Александровскій монастырь (съ 9 рис.). — Отд. рис.: Кокошникъ, шитый жемчугомъ, шелковыми четки и серьги въ музеѣ Бвл. Палаты въ Ростовѣ Ярослав. губ. — 30. *Муромова, А. З.* ир., Нарва и ея достопримѣчательности. — Отд. рис.: Старинныя серьги и другія украшенія въ Бвл. Палатѣ. Типъ крестьянки Подольск. губ. — 31. *Корсаковъ, Н.* Средневѣковый нѣмецкій городъ на русской землѣ. Ревель въ его прошломъ и настоящемъ (съ 10 рис.). — *Ушаковъ П.*, Исслѣдователи русской земли: П. И. Семеновъ (съ портрет.). — Отд. рис.: Новобрачные въ Подольской губ.. — 32. Рисунки: Финская крестьянская усадьба близъ Куокола. — 33. *Барановскій, И. Ф.* Среди терскихъ казаковъ. Очеркъ. — *Ушаковъ, П.* Народныя гаданья. — Отд. рисунки: Группа малороссовъ Екатеринос. губ., Уборка хлѣба, Симб. губ. — 34, 35, 36 и 37. *Корсаковъ, Н.* Первый русскій областной съѣздъ наследователей старины. (Ростово-Суздальская область). — 34. Отд. рис.: костюмъ боярыни Нижегородской области XVIII в., образцы древней русской орнаментики. — 35. *Рукавишниковъ, Г.* Карачаевцы. Этнографическая очеркъ. (съ 7 рис.). Страна, происхожденіе, исторія, религія, занятія, численность, жилища и поселенія, управленіе. Авторъ отмѣчаетъ усиливающуюся бѣдность племени и естественное стремленіе къ просвѣщенію. — *Баловъ, А.* Овинныя именьны. Авторъ, пользуясь печатной литературой, описываетъ обычаи проводить ночь наканунѣ первой молотбы возлѣ овиновъ въ пѣни, играхъ, при зажженныхъ кострахъ и т. п.; въ эту ночь всѣ овинны-именинники; обряды совершаются и въ честь „овинника“ (духа-покровителя овиновъ). 36, 37, 38, 39 (не ок.). *Сулма М.*, по Сибирской магистраліи, по Якутскому тракту и по рѣкѣ Левѣ, (съ рис.). — Рис.: Старинныя малороссійскія вышивки изъ музея г. Тарновскаго. Образцы древне-русской орнаментики — подокошники. Старинные пояса изъ музея г. Тарновскаго. — 37 и 38. *Рукавишниковъ, Г.* Городъ Муромъ (съ 5 рис.). — 37. Рис.: старинный деревянный венецъ, Страшный судъ на паперти церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ. — 38. Головные уборы древнихъ русскихъ воиновъ (13 рис.). — Рисунки: Село Карачарово, родина богатыря Ильи Муромца. — Старинныя постройки на Руск (башня Борисоглѣбск. мон. близъ Ростова Ярослав.).

Извѣстія по Казимской епархіи 1900. 6. Членъ — сотрудник. Общества Арх., Ист. и Этн. *Н. Акимовъ*. Программа для составленія чувашскаго словаря. (Просьба присылать рукописные матеріалы для предполагаемаго словаря).

Олонекія Губ. Вѣд. 1900. 45, 49. Укко. Очерки. Повънецкаго уѣзда. 47. Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—1615 гг.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 3. Извѣстія и замѣтки. Нѣсколько словъ о народномъ нравственности. 5, 6. *Иванъ Самойловичъ*. Лѣтопись с. Разбѣшевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Быть крестьянъ, сообщаются повѣрья). — 10. Св. Андрей Бритскій по церковному преданію и народному легендарному связзю. Извѣстія и замѣтки: Христіанское богослуженіе въ Абиссиніи (Ивъ „Душ. Чт.“). Нѣсколько словъ о музыкѣ и ея значеніи въ дѣлѣ воспитанія народа.

Сѣверный Край 1901. 4. А. О. К., Кола. Корреспонденція о занятіяхъ жителями ранней весной: рыбная ловля, лѣсные работы, промышленники. — 13. Палеонтологическія раскопки проф. В. П. Амалинскаго. (По статьѣ *А. Чехова* (А. Свдого) въ „Нов. Времъ“). На Сѣв. Двинѣ вблизи ст. Котласъ. — 19. А. Л. М., Архангельскъ. Съ лѣтнаго берега. Звѣрный промыселъ „шудами“ не могъ быть начатъ ранѣе 9 го января. Звѣрь больше — „лысунъ“. Мѣстами овъ показывался „юромъ“ (стаей), держался б. ч. „на усѣ“, т. е. чуть показывая по водѣ одинъ усы. Юндяный промыселъ продолжается до Срѣтенія, а при обиліи сайки и до Власія (11 февр.). Эти выжиданія съ надеждой на богатый уловъ сложили поговорку: „Морская короушка не всегда довѣ, а всегда быть велить“. — 20. Александровскъ въ Мурманѣ (корр.). Описываются тяжелыя условія жизни мурманскихъ колоній. — 25. Съ р. Печоры. Рождественская ярмарка на Печорѣ у зырянъ (шкура, птица, рыба). — 28. Елка въ зырянской школѣ на Печорѣ. Вся обстановка и литературныя произведенія, исполненныя учениками, свидѣлствуютъ объ успѣхѣ культурнаго обрусенія на далекой окраинѣ. — 33, 36 и 37. *Дружининъ, Н.* Въ волостномъ судѣ и въ сельскомъ сходѣ. (По поводу пересмотра положенія о крестьянскѣхъ авторъ рисуетъ Большевердскій Угличскаго уѣзда волостной судъ и сходъ). — 38. *Алексинскій, Григорій, Н. Ѳ.* Слѣпушкинъ (въ 75-лѣтію его литературной извѣстности). „Досуги сельскаго жителя“, „Похороны жены поселенина“, „Четыре времени года“, „Новые досуги сельскаго жителя“, „Разсказъ дѣтняго отца, бывшаго въ расколѣ перекащенцевъ“, „Изба“, „Утро“, „Пашня“, „Свянокость“, „Жатва“, „Уборка льна“, „Продажа пшеницы“, „Женитьба поселенина“, „Давишникъ“, „Свадьба“, „Крестины“, „Похороны жены поселенина“, „Возвращеніе вояки въ домъ“, „Мірская сходка“, „Троицкыи день“, „Правдникъ“ (встрѣча Пасхи), „Пяръ“, „Посидѣли“, „Святотчны гаданья“, „Сельская наследница“ и другія стихотворенія этого поэта, крестьянина изъ Ярославской губ., а также біографическія свѣдѣнія о немъ живутъ не мало этнографическаго интереса. — 41. Судебная хроника: Колдунья. Встрѣча съ ней боится. Если кошка къ вей бѣжитъ — это нечистый. Началось дѣло отъ богомольцевъ, оставившихся у подсудимой (Марѣ); среди богомольцевъ были „порчевыи“, потому такия же завелись и на селѣ. Обвиняютъ ее, Марѣ. — 47. Экспедиція на Печору. Содержаніе доклада мичм. Новосильцева къ Имп. Русс. Географич. Об-ву — о р. Печорѣ и Печорскомъ краѣ. — 61. Шенкурскій у. Арх. губ. На берегу р. Ваги стоитъ деревушка Городище. Ходитъ крестьянскія преданія, что здѣсь былъ городъ и жила „чудъ благолазан“, ограбившая новгородскихъ купцовъ, шедшихъ на сѣверъ. Разрушенъ городъ новгородской волинцей. Сейчасъ сохранились круглый ровъ и насыпь. Желательны раскопки. — 71. Кемь. Условія сдачи сѣнокосныхъ участковъ отъ городского управленія. Кулаки заѣдаютъ. — 76. А. М. Л., Какъ промышляютъ морскаго звѣря зимою на Балонѣ морѣ лѣтнестороню (промышленники съ Лѣтнаго берега). Когда приготовленія кончатся, устраиваются проводы: блины, угощеніе; бабы причитаютъ; старики даютъ наставленія, запрещаютъ тайно отъ товарищей ѣсть хлѣбъ — отъ этого происходятъ всѣ неудачи промысла. — 77. Засѣданія Общества для изслѣдованія Ярославской губ. въ естественно — историческомъ отношеніи.

Е. А. Блажневичъ, О дикорастущихъ лекарственныхъ растеніяхъ Ярослав. губ. и др. доклады).—84. *Александровъ, Л.*, Очерки охотничьей жизни (въ рыбнскомъ уездѣ Ярослав. губ.). Топографія; дичь; промышленники-крестьяне.—146. *Кализкинъ*. (корр): Странствованіе русскихъ богомольцевъ по монастырямъ въ посѣщеніе кализинскаго монастыря.—150. Письмо изъ Костромы. Въ дер. Глазковѣ воръ приговоренъ къ 50 земнымъ поклонамъ вредъ всѣмъ народамъ.—161. *Ө*. Отъ Архангельска до Норвегіи. (Путевые очерки на бытовые мотивы).—42, 179 и 222. *Христославовъ Асвакумъ*, Письмо изъ деревни (описаніе быта и міропониманія народа).—28 и 190. *Тюлинъ Н.* Изъ Ветлужскихъ краевъ. Крестьянское самоуправленіе.—210 и 213. *Алексинскій, Г. А.* Ростово-Суздальская область и ея историческое значеніе.—211, 212, 213, 214, 215, 216, 217. Областной сѣздъ изслѣдователей вѣстовъ в древностей Ростово-Суздальской области.—228. *Нажиминъ, Ив.* Въ родныхъ краяхъ. VI. Живучая пѣсня (Частушка).—230. *А. М. Л.*, Труженники моря. (Балморскіе промышленники и различные случаи изъ ихъ промысловой жизни).

Тульскія Губ. Вѣд. 1900. 3. Сибирь. Турецкій театр. Употребленіе посоного платка во Франціи. 8. Въ Вухарѣ (Изъ „Русск. Вѣд.“). 10. Сибирь. Новый годъ въ Японіи Описывается обрядъ изгнанія чорта. 11. Сибирь. Изъ жизни буровъ („Изъ Kölnische Zeitung“). 13. Сибирь. Новый годъ у китайцевъ. 16. Какъ отнестися нашъ простой народъ къ церковному пѣнію и проповѣди? 34. Сибирь. Преданіе о паукахъ престолвахъ. 36. Сибирь. Свадьба мертвецовъ въ Китаѣ. („Изъ Н. Messenger“).

Уралъ. 1901. 1212. *Зотовъ, А. Е.*, (учитель), Черемисскій Сабантуй. (Праздникъ передъ посѣвомъ въ Красноуфим. у.).—1216. *Единовъ*, Епископъ у едновѣрцевъ.—1220. *Н-съ*, Тройпа въ старину.—1222. Главный тормазъ кустарничества на Уралѣ (притѣсненія кустаря, какъ конкурента заводъ).—1226. Секта Подгорнаго (изъ „Иссавіор. Обзор.“)—1227. *Жукъ Н.*, Челябинскъ. Чудодѣйственное озеро. Близъ пос. Бѣлоусовскаго цѣлебное озеро Шантровай (600 дес. и глубокое) пользуется славой среди мѣстныхъ жителей.

Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ 1900. 14. Проф. И. Варшавскаго унив. *Ис. Филевичъ*. Программа для собранія свидѣній по этнографіи Холмской Руси.

Новости этнографической литературы.

Аленторовъ, А. Е. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и за-
мѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900. Ц. 6 р. 15 к.

Алмазовъ, А. И. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Одесса.
1901. Ц. 65 к.

Богдановичъ, К. М. Очерки Чукотскаго полуострова, (Съ картой, 2 планами,
2 таблицами автотипій и рисунками въ текстѣ). Спб. 1901. Ц. 3 р.

Богоразъ, В. Г. Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора,
собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть 1-я. Образцы народной словесности
чукчъ. (Тексты съ переводомъ и пересказы). Спб. 1900. 8° X+XXXVI+417
стр. 371, экз. Ц. 3. 60 к.

Богородицкій, В. А. Изслѣдованіе говора деревни Бѣлой (Казанской губ.).
К. 1900. 8°, 40 стр. и 1 таблица. 200 экз. Ц. 50.

Богородицкій, В. А. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе.
Казань. 1901. Ц. 2 р.

Бонъ, В. Г. Матеріалы по археологій христианскаго Египта. Посмертное
изданіе. Текстъ и таблицы, Спб. 1901. Ц. 7 р.

Бржескій, Н. Очерки юридическаго быта крестьянъ. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Будиловичъ, Н. Историческая замѣтка о русскомъ Юрьевѣ стараго времени
въ связи съ житіемъ св. Исидора и 72 юрьевскихъ мучениковъ. Юрьевъ.
1901. Ц. 1 р.

Бурцевъ, А. Е. Обстоятельное библиографическое описаніе рѣдкихъ и замѣ-
чательныхъ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, старыхъ и новыхъ
рукописей, гравюръ, грамотъ, портретовъ, лубочныхъ картинокъ, указовъ и
разныхъ летучихъ листовъ, съ пояснительными замѣчаніями и полнымъ пере-
печатками болѣе рѣдкихъ книгъ и др. библиографическихъ матеріаловъ. Томъ II.
Спб. 1901. 8°. Стр. съ 307 по 644 стр.; 150 экз.

Вакуловскій, Н. И. Памяти П. В. Шейна. („Филол. Зап.“ 1900. IV—V).

Введенскій, А., проф. О законности въ исторіи естественныхъ религій.
Сергіевъ посадъ. 1901. Ц. 40.

Верещагинъ, В. В., Художникъ. Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Шинты
въ Карабахѣ. Батчи и опіумовды въ средней Азии. Оберъ-амергау въ горахъ
Баваріи. Разказы съ рисунками. Москва. 1900. 8°, 90 стр., 1.200 экз. Ц. 60 к.

Веселовская, Е. Д. Б. Амурскій край и наши переселенцы. М. 1901. Ц. 10 к.

Веселовская, Н. Б. Буряты. М. 1901. Ц. 10 к.

Вилинскій, С. Г. Сказаніе черноризца Храбраго писмѣнахъ славянскихъ.
Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Вольпицъ-Смоленская, Г. Еврейская женщина, ея роль и положеніе въ исто-
ріи еврейскаго народа. Вильна. 1900. 8°, 40 стр., 1.500 экз. Ц. 25 к.

Вольтеръ, Э. А. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалскаго губерніи, какъ ма-
теріалъ для историко-этнографической географіи края. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Гагаринъ, Г. Г., кн. Собраніе византийск., грузинск., и древне-русскихъ
орнаментовъ и памятниковъ архитектуры, 2 серіи. Спб. 2°, 2 стр. и 29 таб-
лицъ чертежей. 1.000 экз.

Гейеръ, М. М. Путеводитель по Туркестану. Съ 2 картами и 1 портретомъ, Ташк. 1901. Ц. 1 р. 50 в.

Германъ, М. Маточныя колыба въ народной медицинѣ. („Вѣст. общ. гигиены, судеб. и патолог. медицин.“ 1900. № 10).

Галубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I. Полутомъ I. М. 1901. Ц. 5 р. Гопчевичъ, Спиридонъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое исследование. Издаю съ 38 оригинал. рисунками и 2 планами въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Г. Петровичъ. Спб. 1899. 8°, XV + 364 + XII стр. 1.000 экз.

Де-ла-Грассери, Р. Психологія религій. Пер. съ франц. В. И. Писаревой. Спб. Изд. Д. Павленкова. Стр. 330. Ц. 1 р. 25 к.

Грузинскій, А. Е. П. В. Шейнъ. Некрологъ. („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1900. XII).

Гюнтъ, Р. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. Изд. Суворина. Спб. 1901. 8 д., 352 стр. 2.000 экз. Ц. 1 р.

Дивизелогъ, А. И. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторые новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Изд. магаз. „Книжное дѣло“. Москва. 1901. 8°, 84 стр., 1.200 экз. Ц. 50 к.

Денисскій, Іером. Идеалы православнаго русскаго инородческаго миссіонерства. Казань. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Доничевъ-Басковъ, К. А. Церковно-приходская жизнь въ городѣ Каргополѣ въ XVI—XIX вѣкахъ. Изд. Имп. общ. ист. и древн.-росс. (печ. подъ наблюд. С. А. Блудкова). М. 1900. 8°, 43 стр. 360 экз.

Дурново, Н. Описаніе говора деревни Пареевскъ, Рузскаго уѣз., Московской губ. („Русс. Фил. Вѣст.“ 1900. III—IV).

Исполотовъ, Е. Страна кареловъ, ея природа и жители. („Ест. и Геогр.“ 1900. X).

Карауловъ, М. Говоръ калѣкъ Живдринскаго уѣзда, Калужской губерніи. („Р. Ф. В.“ 1900. I—II).

Карауловъ, М. Говоръ станицы бывшаго Мовдокскаго полка Терскаго казачьяго войска. Докладъ, прочитанъ на 32-мъ засѣд. Лингвистическ. отдѣл. Неоэологическ. Об-ва при С.-Петербургск. университетѣ 23 февр. 1900 г. („Русс. Филол. Вѣст. 1900. III—IV).

Каримъ, „Дикари“ (Изъ жизни обитателей Одесскаго порта), съ иллюстраціями. Одесса. 1901. Ц. 35 к.

Каталогъ 2-й Ковенской выставки нѣмецкихъ искусствъ, древностей и рѣдкостей. Ковна. 1900. 50 стр.

Кирилъ Данилова, Сборникъ. Изд. Имп. Публ. Библіотеки по рукописи, пожертвованной кн. М. Р. Долгоруковымъ. Подъ ред. П. Н. Шенюеръ. Спб. 1901. 8° XLVI+284 стр. (Указатели стр. 221—284). Ц. 1 р. 50 в.

Ковалевъ, С. А. Спутникъ по сѣвернымъ путямъ сообщенія (Архангельскъ-Москва). М. 1901. Ц. 60 к.

Козимъ, Н. Двоевріе народа русскаго, выразившееся въ его духовныхъ стихахъ (Переписъ изъ „Арх. Губ. Вѣд.“ 1900 г.). Архангельскъ. 1900. 16°, 72 стр., 100 экз.

Коновцевъ, М. Поездка въ Соловецкій монастырь (съ 3 рис.). Спб. 1901. Ц. 75 коп.

Кудравскій, Д. (прое.). Четыре стадіи въ жизни древняго индуса. Авторъ рѣчь. („Уч. Зод. Имп. Юрьев. Унив.“ 1900. IV).

Лазаревскій, А. М., Старинные польско-русскіе календари. Кіевъ. 1900. 8°, 22 стр., 60 экз.

Лебединскій, П. М. Краткій историческій обзоръ движенія и развитія еврейскаго законодательства за время отъ Моисея въ XV в. до Р. Х. до Маймониды (Рамбамъ) въ XII в. по Р. Х. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 в.

Линда, М. Манчурія (Географическій очеркъ). Съ картою. Спб. 1900. 8°, 23 стр., 350 экз. Ц. 50 в.

Любавский, М. Литовско-русский сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внешнею жизнью государства. Изд. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. М. 1901. Ц. 4 р.

Марр, Н. Ипполитъ. Толкованіе псалмъ псалмъ. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, перев. съ арм. съ 1 палеограф. таблицей. (Тексты и разсужденія по армяно-груз. енолологіи III. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Мартыновъ, Т. А. Правда о „Камаринской“ и „Барынь“. Исторія двухъ народныхъ псалмъ. („Ист. Вѣст.“. 1900. X).

Милановъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. 3-я. Национализмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901. Ц. 75 в.

Мюллеръ, М. Шесть системъ вѣдѣйской енолологіи. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 1901. Ц. 2 р.

Немеланъ, М. Я. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 1900. 8 д., 31 стр., 50 вкз.

Отчетъ плавильской сельско-хозяйственной и кустарнаго промысла выставки 16—19 сентября 1900 года. Вильва. 1900. 8^о 16 стр., 100.

Пергаментъ, О. Я. Приданое по Бессарабскому праву. Од. 1901. Ц. 1 р. 50 в.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ II: Изъ исторіи старинной русской повѣсти. 1. Служи и толки о патриархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. Спб. 1900. 8^о, 68 стр., 340 вкз. От. изъ изв. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. академіи наукъ, т. V. 1900 г., кн. 1-ой).

Петровъ, Алексій. (перелож.). 50 русскихъ народныхъ псалмъ, трехголосоваго и четырехголосоваго смѣшаннаго хора, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и есловныхъ отношеній въ смутное время). Изд. 2-е. Спб. 1901. 8^о, XII+520 стр. и 1 карта. 2.050 вкз. Ц. 3 р.

Покровский, Александръ. Библийское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библийско-апологетическаго изслѣдованія. Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Поповъ, К. Расколъ и его путеводители. Изд. 2-ое, дополн. М. 1901. Ц. 2 р. Песѣды въ предѣлахъ Западной Монголіи, совершеннаа въ 1899 году Зайсангомъ Малодербетевскаго улуса Астраханской губ. Ледяномъ Арлуевъ и его двумя спутниками. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Переводъ съ англійскаго В. А. Тишираева. Часть 1-я. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. Спб. 1900. Изд. и тп. А. Суворина. 8^о, VI+346 стр. 2.000 вкз.

Риндъ, Ф. Японскія легенды. Съ вѣм. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ 37 рис. Изд. ред. журн. „Муравей“. (Доступная библиотечка). М. 1901. 8 д., 70 стр., 2.500 вкз. Ц. 25 в.

Рогановичъ Іованъ П. „Македонскій вопросъ“ на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Каз. 1900. 8^о, 84 стр., 300 вкз.

Родіоновъ, И. В. Кумышка (Очеркъ) (Перепеч. изъ №№ 108 и 119 „Прилож. къ Вѣст. Губ. Вѣд.“). Вятки. 1900. 12^о, 19 стр., 100 вкз.

Ромодановская, Е. С. Якуты и ихъ страна. М. 1901. Ц. 10 я.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. Спб. 1901. Ц. 2 руб. 50 коп.

Садовниковъ, Д. Загадки русск. народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Изд. А. Суворова. Спб. 1901. 8^о, 304 стр., 8.000 вкз. Ц. 1 руб. 25 к.

Сельскій танецъ и садъ садити. Бытованіе псалмъ Бессарабской губерніи для 4-хъ голосоваго хора (Собственность Ростовской церковно-приходской школы

Бессарабской губернии, Хотинского уезда). 1900 года. Спб. 8°, 5 стр., 100 экз. Ц. 60 коп.

Семеновъ, Вл. На дальнемъ Востоку. Очерки и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Саренинъ, Н. А. Некоторые данныя о нумизмат., приготовляемой ватаками Вятской губернии (перепеч. въ № 94-го „Прилож. къ Вят. Губ. Вѣд.“). Вятка. 1900. 16°, 10 стр., 100 экз.

Старке, Н. Н. Первобытная семья, ея возникновение и развитіе. Спб. 1901. Ц. 1 р. 60 коп.

Сырку, П. А. Отголоски народной пѣсни о свв. Дмитріи и Ахилѣ въ духовной литературѣ южныхъ славянъ (Отт. изъ „Извѣстій отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. академій наукъ“, т. V (1900 г.)). Спб. 1900. 8°, 10 стр., 45 экз.

Сырку, Полихроній. Очерки къ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вв. Житіе св. Николая Нового Соейского по единственной рукописи XVI вѣка. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Тверской, П. А. Новые главы духовоборческой эпопеи. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Тексты и разсказы по архивно-грузинской филологіи III. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Тристравъ, Г. В. Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ. Спб. 8°, 143 стр., 600 экз.

Указатель кустарно-промышленной и сельско-хозяйственной выставки и горнаго ея отдѣла 1900 года въ гор. Тулѣ. Тула. 8°, 122+III стр. и планъ. Ц. 15 к. То-же. VIII+2+49 стр. Ц. 10 коп.

Ханенко *), Б. М. и В. М. Древности Приднѣпровья. Эпоха великаго переселенія народовъ. Вып. IV. Кіевъ. 1900. Ц. 3 р.

Харламовичъ, М. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядчества. Казань. 1900. 8°, 22 стр., 200 экз.

Харузинъ Н. Этнографіа. Лекціи, читанныя въ Имп. Московскомъ университетѣ. Изданія посмертное. Подъ ред. В. и А. Харузиныхъ. Вып. I. Спб. 1901. Стр. X+343. Ц. 2 р.

Червинскій, А. Къ вопросу о суевѣрномъ почитаніи народомъ пятницы. („Земск. Сбор. Черниг. губ. 1900. IV).

Чернышевъ, В. Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уѣздовъ (Отт. изъ VII вып. „Матеріаловъ для изученія великорусскихъ говоровъ“—Извѣстій отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, т. V (1900 г.) кн. 2-я. Спб. 1900. 8°, 21 стр., 120 экз.

Шерстобитовъ, А. С. Какъ сложились старообрядцы на Усѣ. („Ист. Вѣст.“ 1900. XI).

Щеголовъ, В. Г. (прое.), Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ. („Врем. Демид. Лид. 1900. кн 78-я).

Ясанскій, М. Н. Главный литовскій трибуналъ, его происхожденіе, организація и компетенція. Вып. I. Происхожденіе главн. лит. трибунала. Кіевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

*) Въ кн. 49 „Этн. Обзор.“ напечатано ошибочно—Ханенко.

Х р о н и к а.

Освященіе памятниа на могилѣ П. В. Шейна. Какъ извѣство русская этнографія въ прошедшемъ году испытала крупную утрату въ лицѣ П. В. Шейна, скончавшагося одиноко въ Ригѣ. Тогда же Этнографическій Отдѣлъ открылъ подписку для сооруженія памятника на его могилѣ. Теперь памятникъ поставленъ и 19-го августа состоялось его освященіе при довольно торжественной обстановкѣ. Къ часу дня на Иисусовомъ кладбищѣ собралось человекъ 40—50 (въ прошломъ году на похоронахъ Шейна присутствовало всего 4 человекъ). Здѣсь были директоры всѣхъ трехъ рижскихъ гимназій, пять или шесть преподавателей, около двадцати гимназистовъ в рядѣ другихъ лицъ. Законоучитель Александровской гимназіи о. Соколовъ при пѣніи гимназическаго хора совершилъ наизусть и освященіе памятника, сказавъ послѣ церковнаго обряда нѣсколько словъ о заслугахъ покойнаго и о его любви къ всему русскому. Затѣмъ были возложены вѣнки на памятникъ отъ Александровской гимназіи директоромъ ея Е. В. Бѣляевскимъ, и отъ Этнограф. Отдѣла Император. Общ. Любит. Естествознанія членомъ отдѣла А. Е. Грузинскимъ, который при этомъ сказалъ слѣдующее:

„Сейчасъ мы совершали трогательный обрядъ, которому нельзя отказать въ серьезномъ общественномъ значеніи. Сооруженіемъ и освященіемъ памятника мы отмѣтили для будущихъ поколѣній могилу одного изъ выдающихся труженниковъ русской земли. Заботу, которая обыкновенно составляетъ дѣло семьи и родныхъ усопшаго, здѣсь взяло на себя общественное учрежденіе (Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя Этнографическимъ Отдѣломъ). И это не потому только, что у П. В. Шейна не осталось семьи, но потому, что вся жизнь и дѣятельность покойнаго была безраздѣльно отдана на служеніе русскому обществу, русскому народу. Надпись на памятникѣ говоритъ всякому, что почившій былъ собирателемъ памятниковъ народнаго творчества. Здѣсь не мѣсто раскрывать въ подробностяхъ значеніе дѣятельности П. В. Шейна въ этой области: онъ извѣстенъ главнымъ образомъ двумя громадными собраніями бѣлорусскихъ и великорусскихъ пѣсень и обрядовъ; семь большихъ томовъ его матеріаловъ изданы Ака-

деміей наукъ и Географическимъ обществомъ, труды его неоднократно увѣнчивались золотыми медалями отъ разныхъ учевыхъ обществъ, ни одна научная работа по народной лирикѣ не можетъ обойтись безъ собраній Шейна—все это краснорѣчиво свидѣтельствуеетъ о томъ, что имя Шейна не забудется въ лѣтописяхъ русской науки. И дѣйствительно, сколько тысячъ народныхъ пѣсенъ, какія богатства языка и обрядовой старины навсегда охранены отъ забвенія въ его записяхъ и служатъ на потребу настоящихъ и будущихъ изслѣдователей русской народности; трудно даже представить себѣ, когда будетъ вполне разработанъ наукой громадный матеріалъ, скопленный сорокалѣтнимъ неуспыннымъ трудомъ покойнаго. Но если плоды этого труда будутъ долго жить и давать благотворный стимулъ другимъ трудамъ въ научной сферѣ, этотъ памятникъ будетъ напоминать, гдѣ и когда вкусилъ вѣчный покой самъ труженикъ.

Въ его многострадальной жизни есть нѣсколько замѣчательныхъ особенностей. Судьбѣ угодно было, чтобы П. В. Шейнъ, по условіямъ своей работы почти всю жизнь проведеншій въ разъѣздахъ по Россіи и нигдѣ не свивавшій постоянного гнѣзда, былъ наконецъ заброшенъ сюда въ чуждый ему городъ и вдали отъ друзей и знакомыхъ успокоился отъ своего жизненнаго скитальчества. Пусть же будетъ ему легка принявшая его земля.

Затѣмъ ему какъ будто суждено было явить въ себѣ символъ соединенія нѣсколькихъ весьма разнородныхъ элементовъ русскаго государства. Онъ былъ, какъ извѣстно, еврей по происхожденію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, владѣвшій съ дѣтства нѣмецкимъ языкомъ такъ же прекрасно, какъ и русскимъ, и, наконецъ, горячій поклонникъ и служитель русской народности по призванію. Національныя и вѣроисповѣдныя особенности не мѣшали ему идти своей дорогой. Еврейскій, нѣмецкій и народный русскій элементы какъ будто на образецъ сливались въ немъ и объединялись въ высшемъ единствѣ безкорыстныхъ умственныхъ интересовъ и искреннихъ жизненныхъ стремленій.

Наконецъ, послѣдняя особенность Шейна заставляла всѣхъ, знавшихъ его лично, удивляться его дѣятельности.

Надо представить себѣ, что такое значить собирать произведенія устной народной поэзіи. Это значить разъѣзжать по городамъ, селамъ и деревнямъ, преимущественно забираясь въ глухіе углы, въ непроѣзжныя и непролазныя мѣста, гдѣ парить тьма и дичь, но гдѣ живъ до сихъ поръ старый укладъ жизни и съ нимъ старая пѣсня, старый обрядъ. Русскому собирателю приходится обладать энергіей и здоровьемъ исключительными, такъ какъ иногда его дѣятельность прямо напоминаетъ какую-нибудь географическую экспедицію въ глубь неизслѣдованной страны. Мы знаемъ, что Гильфердингъ надорвалъ свои силы и умеръ на второмъ году своихъ энергичныхъ поисковъ за былинами въ Олонецкомъ краѣ.

Теперь представьте себѣ, что подобной дѣятельностью сорокъ лѣтъ подъ радъ занимался человекъ, не имѣвшій для этого никакихъ денежныхъ средствъ, кромѣ сбереженій отъ скуднаго заработка учителя гимназіи, а главное, человекъ, всю жизнь проболѣвшій, полукалѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ лишенный свободного владѣнія руками и ногами. И этотъ человекъ сдѣлалъ въ своей области такъ много, что имя его, какъ собирателя, занимаетъ почетное мѣсто среди извѣстныхъ именъ Кирѣовскаго, Рыбникова, Афанасьева, Гильфердинга и Безсонова. „Работай честно въ мѣру силъ своихъ, какъ бы малы онѣ ни были—этого достаточно для полного нравственнаго оправданія всей твоей жизни“—вотъ принципъ, который можетъ примѣнить къ себѣ каждый человекъ. Жизнь П. В. Шейна даетъ въ этомъ отношеніи высоко ободряющій и поучительный примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, кто опредѣлитъ мѣру силъ человѣческихъ, когда онѣ всю жизнь одушевляются горячей любовью и честнымъ служеніемъ излюбленной идеѣ.

Возлагая на могилу вѣнокъ отъ Этнографическаго Отдѣла, считаю долгомъ выразить отъ имени Отдѣла глубокую благодарность Е. В. Бѣлявскому и С. В. Кузнецову, потрудившимся съ любовью и охотой при сооруженіи памятника“.

Отъ предсѣдателя отдѣла проф. В. О. Миллера была получена телеграмма. Говорили рѣчи Е. В. Бѣлявскій и преподаватель г. Васильевъ. Одна изъ дамъ украсила могилу букетомъ цвѣтовъ. Памятникъ представляетъ изъ себя высокій крестъ изъ прекраснаго темнаго гранита на пьедесталѣ-кубѣ; на одной сторонѣ пьедестала высѣчено золотыми буквами: „П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ русскаго народнаго творчества. 1826—1900“; на другой—„Памятникъ поставленъ въ 1901 году почитателями научныхъ трудовъ Шейна“. Солидный памятникъ, болѣе сажени въ вышину, обошелся около 320-ти р.; денегъ, собранныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ, не хватило на прочную рѣшетку, и могила обнесена временной проволоочной оградой. Е. В. Бѣлявскій въ своей рѣчи заявилъ, что среди рижанъ открывается подписка на устройство рѣшегки и поддержаніе въ порядкѣ могилы, и выразилъ увѣренность, что Рига достойнымъ образомъ будетъ заботиться о могилѣ выдающагося труженика въ области русской этнографіи. Прибавимъ, что съ памятника была снята фотографія, помѣщенная въ одномъ изъ ближайшихъ иллюстрированныхъ прибавленій къ газ. „Новое Время“.

Проектъ международнаго библиографическаго указателя по этнографіи. Разростающаяся съ каждымъ годомъ литература по этнографіи и тѣсно соприкасающихся съ нею наукъ: антропологіи, исторической археологіи, географіи и др., принимаетъ такіе размѣры, что услѣдить за нею занимающимся данной наукой или хотя бы одной отраслью ея становится все болѣе затруднительнымъ.

Отдѣльные ученыя общества, авторы и редакторы спеціальныхъ книгъ и изданій стараются помочь дѣлу, обогащая библіографическимъ матеріаломъ свои изданія и книги. Но едва ли возможно отрицать, что какъ ни великъ трудъ, предпринятый отдѣльными лицами, результатъ ихъ работъ далеко не является совершеннымъ. Поэтому заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка библіотекаря Лондонскаго Anthropological Institute N. W. Thomas'a въ № 3 LXXX тома Globus'a за 1901, г. Указывая на сравнительно малую плодотворность библіографическихъ работъ, предпринимаемыхъ въ отдѣльныхъ странахъ по этнографіи (Thomas употребляетъ наименование: антропологическія науки, слѣдуя принятой многими англійскими учеными терминологіи), на то, что нерѣдко отдѣльные лица съ большой затратой силъ продѣлываютъ одну и ту же работу (онъ приводитъ въ видѣ примѣра библіографическіе указатели по соматической антропологіи Деникера и Риплея)—онъ высказываетъ очень интересную мысль о созданіи международнаго библіографическаго органа. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ту работу, которую берутъ теперь на себя различные ученыя общества въ многочисленныхъ странахъ земного шара, отдѣльные періодическія изданія и пр., не производить сообща, совмѣстными силами. Трудности при составленіи болѣе или менѣе полной библіографіи очень велики. Даже получше обставленныя ученыя общества и редакціи отдѣльныхъ спеціальныхъ изданій въ Западной Европѣ получаютъ далеко не всѣ выходящія новинки, обмѣниваются лишь съ малою сравнительно частью выходящихъ въ свѣтъ изданій, посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ, какъ они. Упомянемъ хотя-бы богатую литературу по этнографіи въ широкомъ смыслѣ слова, появляющуюся въ различныхъ европейскихъ колоніяхъ, образцы которой не всегда можно достать въ библіотекахъ многихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ и редакціяхъ иностранныхъ этнографическихъ журналовъ. Говорить нечего объ ученыхъ обществахъ Россіи, въ которыхъ обмѣнъ съ иностранными, даже европейскими изданіями обставленъ далеко не блестяще. Сознывая, какія трудности, даже въ одномъ матеріальномъ отношеніи, представляло бы для одного какого нибудь ученаго общества созданіе полнаго періодическаго международнаго библіографическаго указателя, N. W. Thomas предлагаетъ соединиться для этой цѣли всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ ученымъ обществамъ. Практически осуществленіе такого указателя представляется ему въ слѣдующемъ видѣ. Каждое ученое общество, членъ предпріятія, вноситъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ на покрытіе расходовъ по изданію. Зато оно получаетъ извѣстное количество экземпляровъ указателя, которое оно, по желанію, можетъ распродавать или раздавать между своими членами. Извѣстное количество экземпляровъ пускается въ продажу отъ главной редакціи; но и каждому ученому обществу разрѣшается заказывать за свой счетъ желательное число экземпляровъ

и продавать ихъ отъ себя, по истеченіи устоявленнаго по взаимному соглашенію съ главной редакціей срока. Каждое ученое общество, принимающее участіе въ изданіи, обязуется слѣдить за текущей литературой въ данной странѣ или частью ея и доставлять въ редакцію международного библиографическаго указателя библиографическія карточки не только по вышедшимъ трудамъ, но и по періодическимъ изданіямъ. Каждая карточка не ограничивается указаніемъ названія сочиненія, года и мѣста изданія, формата и пр. но заключаетъ въ себѣ и краткій перечень содержанія. Не останавливаясь на проектируемой Thomas'омъ внѣшней формѣ указателя, т. е., несмотря на ея тщательность и продуманность, она, быть можетъ, вызоветъ нѣкоторые возраженія и поправки—нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія интересной мысли англійскаго ученаго. Thomas предлагаетъ еще въ видѣ приложенія къ международному антрополого-этнографическому указателю добавить особый отдѣлъ: сообщенія о новыхъ приобретеніяхъ во всѣхъ музеяхъ. Нечего говорить, какую цѣну имѣлъ бы такой отдѣлъ для занимающихся этнографіей. Предложеніе свое Thomas дѣлаетъ отъ лица Anthropological Institute и Folk Lore Society въ Лондонѣ, члены которыхъ изъявили уже свое согласіе на совместную работу въ случаѣ осуществленія плана Thomas'a. Заявленіе о желаніи присоединиться къ названнымъ обществамъ и запросы Thomas просить сообщить по слѣдующему адресу: London, 3, Hannover Square W. Anthropological Institute, N. W. Thomas.

Премія имени М. И. Михельсона. Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, доводитъ до общаго свѣдѣнія, что въ настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до-татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго, и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ за-

имствований, должно имѣть въ виду точное, по возможности, приуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которые представляли тюркскіе говоры ¹⁾. Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго приуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлы эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впоследствии, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть приурочено заимствование этихъ элементовъ. Выясненіе, каковы слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ. — Какими путями шли заимствования изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, каковы изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Примѣчаніе: Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствований, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствования изъ западноевропейскихъ языковъ. — Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (иктовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. *Уменьшительная, увеличительная и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ

¹⁾ Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявленнымъ при началѣ каждого конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Въ Инсбрукѣ, 9-го марта, скончался на 98 году жизни талантливый галицко-русскій писатель и общественный дѣятель, послѣдній могикинецъ славянскихъ дѣятелей начала прошлаго вѣка, при которыхъ началась эпоха возрожденія славянства, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Добрянскій считается начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Своихъ симпатій къ Россіи онъ никогда не скрывалъ и за это былъ вынужденъ бѣжать въ Галичину, откуда вернулся въ 1849 г. въ Венгрію, вмѣстѣ съ русскими войсками, прибывшими для подавленія возстанія мадярь. Добрянскій былъ во главѣ русской депутаціи, заявившей австрійскому правительству желанія своего народа: автономія Угорской Руси, равноправность съ мадярами, учрежденіе русскихъ школъ, университета во Львовѣ и пр. Въ 1864 году имъ было основано „Общество св. Василія Великаго“, поставившее себѣ задачею издавать книги для церкви и школы. Находясь во главѣ этого общества, Добрянскій предпринялъ изданіе руссофильской газеты „Свѣтъ“, которою и руководилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Покойный, несмотря на почетный служебный постъ начальника департамента, до конца дней своихъ состоялъ подъ надзоромъ австрійской полиціи, какъ опасный руссофилъ. („Россія“).

26-го іюля скончался въ Сайгонѣ (франц. Кохинхина) принцъ Генрихъ Орлеанскій (род. въ 1867 г.). Онъ прославилъ

*) Сочиненія на объявленныхъ нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя изъ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непременнаго Секретаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

свое имя трудными путешествіями въ неизслѣдованныхъ мѣстахъ Азіи и Африки. Мысль о путешествіи пробудилась у него случайно, вслѣдствіе неудачной попытки его въ 1889 году вступить въ ряды французской арміи. Вынужденный покинуть Францію, онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Бонвало продолжительное путешествіе въ Среднюю Азію. Въ 1892 году онъ совершилъ поѣздку въ Индокитай и на Мадагаскаръ. Вернувшись оттуда, онъ началъ издавать свои замѣтки, представляющія большой научный интересъ. Полный кишучихъ силъ, молодой принцъ въ 1895 году уѣхалъ въ третье путешествіе, изслѣдовалъ теченіе рѣки Меконга и опредѣлилъ точное положеніе истоковъ рѣки Иравади. Ему удалось также доказать несостоятельность плана англичанъ провести желѣзную дорогу, которая, начинаясь у долины Брамапутры, должна была пересѣчь Бирманъ и, такимъ образомъ, соединить Индію съ южными провинціями Китая. Эти изслѣдованія имѣли большое значеніе для французской колоніальной политики, вслѣдствіе чего Географическое Общество (въ Парижѣ) присудило ему большую золотую медаль; оно ходатайствовало также передъ правительствомъ о награжденіи его орденомъ Почетнаго Легіона, что въ свое время возбудило въ Парижѣ много толковъ. Въ 1897 г. принцъ Генрихъ занялся изслѣдованіемъ Центральной Африки, для чего онъ образовалъ въ Бельгіи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ общество для эксплуатаціи богатствъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи. Неблагопріятныя сужденія его объ итальянской арміи въ Абиссиніи вызвали дуэль съ графомъ Туринскимъ. Въ этомъ году принцъ намѣревался изслѣдовать Манджурію и Корею, преслѣдуя скорѣе политическія, чѣмъ экономическія цѣли. Онъ живо интересовался политическими осложненіями на дальнемъ востоцѣ, такъ какъ думалъ, что Франція, какъ обладательница Индокитая, должна играть главную роль въ ихъ разрѣшеніи. На пути въ Корею онъ остановился въ Авнамѣ, и во время охоты на дикихъ козъ у него обнаружилась серьезная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Наблюденія свои принцъ Генрихъ издалъ въ нѣсколькихъ работахъ: *Six mois aux Indes* (1889), *Une excursion en Indo-China* (1892), *Autour de Tonkin* (1893), *A Madagaskar* (1895). Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр., *Le Figaro*). Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Газета Göteborgs Handelstidning получила отъ Свенъ Гедина изъ Чаркхлика (Tjarkhlik) письмо, отъ 27-го апрѣля нов. ст., въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ послѣднемъ путешествіи и высказываетъ планы о будущемъ. Путешествіе длилось четыре мѣсяца; дорога шла черезъ совершенно неизслѣдованныя части Азіи; увѣнчалось путешествіе многими важными открытіями.

Пройдя насквозь обширную пустыню Гоби въ направленіи къ

западу отъ города Са-джео, путешественники наши очутились на сѣверѣ среди гористой мѣстности въ очень затруднительномъ положеніи: въ теченіе двѣнадцати дней, на протяженіи 36—48 миль не было ни капли воды, и только наконецъ уже въ одномъ ущельѣ сыскали снѣжныя залежи, утолившія жажду. Такъ, благополучно подошли путешественники къ источнику, извѣстному у окрестныхъ жителей подъ именемъ Алтымышъ-булакъ, у котораго Гединъ былъ уже раньше. Оттуда путешественники направились къ открытымъ еще въ прошломъ году развалинамъ. Среди сохранившихся трехъ зданій лежали развалины домовъ, храма, мастерскихъ и громадной башни, расположенной у нѣкогда шумной торговой дороги черезъ Са-джео, между Китаемъ и восточнымъ Туркестаномъ. Эта дорога шла возлѣ сѣвернаго берега озера (теперь высохшаго) Лобъ-норъ, которое Гединъ подвергъ внимательному изслѣдованію. Въ развалинахъ было найдено множество интересныхъ, отчасти цѣлыхъ, отчасти фрагментарныхъ китайскихъ рукописей, 30 небольшихъ палочекъ изъ тамариска, на которыхъ властн опредѣляли налогъ, взскашиваемый съ жителей. Одинъ китаецъ смотрѣлъ рукописи и опредѣлялъ, что это частная переписка; въ письмахъ встрѣчается много географическихъ именъ; кромѣ того, они всѣ датированы. Китаецъ утверждалъ, что они написаны лѣтъ 800 тому назадъ. Въ Чарыликѣ Свенъ Гединъ снаряжаетъ огромный караванъ состоящій изъ 38 верблюдовъ, 24 лошадей, 7 муловъ и 70 ословъ; 20 мусульманъ, 4 казаковъ и 2 ламъ, которые будутъ служить въ Тибетѣ переводчиками. „У меня будетъ пышная свита,“ пишетъ Свенъ Гединъ. „Мы выступаемъ черезъ недѣлю и идемъ черезъ Тибетское плоскогорье къ истокамъ рѣки Инда; вѣроятно, гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ мнѣ и будетъ дано позволеніе перезимовать. Тѣмъ временемъ я думаю ненадолго съѣздить въ Индію. Когда дорога очистится отъ снѣга, мы снова движемся черезъ Ладахъ (Ladah) и Каракорумъ къ Кашгару; тутъ я распускаю свой караванъ и возвращаюсь домой. Вообще, путешествіе черезъ Тибетъ не изъ легкихъ; возможно, что большая часть скота падеть въ дорогѣ, но я льщу себя, что никогда еще не снаряжалось такого каравана въ ту страну, которую, сверхъ того, я довольно хорошо знаю. Въ географическомъ отношеніи это будетъ богатое путешествіе, которое уже теперь обнаруживаетъ важныя слѣдствія. Топографическія карты мѣстности занимаютъ уже 730 листовъ и могутъ быть опубликованы только въ видѣ большого атласа. Я не считаю кромѣ того тѣхъ картъ, которыя выполнены казаками; самъ я не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, но я желалъ собрать свѣдѣнія и о нихъ. Не мало времени потребуется и для обработки научнаго матеріала, собраннаго мною“.

Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ напечатано письмо извѣстнаго путешественника Свена Гедина отъ 19-го Іюля.

Письмо помѣчено подножьемъ Аркатага, въ Сѣверномъ Тибетѣ. Отсюда Свенъ Гединъ намѣревался двинуться дальше по направлению на Ладзку для изслѣдованія истоковъ Инда. Весною будущаго года онъ думаетъ вернуться черезъ Кашгаръ въ Ошъ. Въ Кашгаръ уже прибылъ караванъ изъ 15-ти лошадей, который привезъ туда коллекціи, карты, снимки и дневники Гедина, — результаты его извѣстныхъ изслѣдованій.

„Русск. Вѣд.“

Какъ сообщаетъ парижскій корреспондентъ „Svenska Dagbladet“, финляндскій скульпторъ, Э. Викстрёмъ усиленно работаетъ надъ статуей Лённрота.

Главная фигура, изображающая Лённрота во весь его ростъ въ будничной одеждѣ, правда, еще не готова. Скоро однако скульпторъ начнетъ отливать женскую фигуру, олицетворяющую финскую лирику (Кантелетаръ). Онъ вдохновился легендой о Вейнемейненѣ, встрѣтившемъ въ лѣсу молодую дѣвушку, которая предложила ему свои золотые волосы на струны кантеле. Усѣвшись въ лѣсу, дѣвушка прислушивается къ шуму вѣтра. Голова ея слегка поднята вверхъ; опершись правой рукой о колено, она закручиваетъ свои развѣвающіеся волосы. Дѣвушка одѣта въ древне-финскій нарядъ, обнаруживающій выразительныя, рѣзкія линіи ея тѣла. Отъ всей фигуры, созданной скульпторомъ, вѣетъ тихимъ раздумьемъ. — Съ другой стороны будетъ представленъ, какъ извѣстно, пѣвецъ Вейнемейненъ, простирающій лѣвую руку къ Лённроту.

Изъ „H. bladet.“ Вл. Г.

Финское литературное общество поручило доктору Э. Швиндту приготовить къ печати работу, подъ названіемъ „Финскія ленты“, которая явится продолженіемъ его труда „Финскія украшенія.“ Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ его этнографическая поѣздка въ Западную Финляндію и Эстерботнію.

Учителю I. Хейхе (Häyhä), автору книги: „Очерки изъ жизни восточной Финляндіи“ (въ 5 частяхъ) Финское литературное общество опредѣлило выдать награду въ 400 марокъ.

Изъ „H. bladet.“ Вл. Г.

Въ теченіе трехъ лѣтъ д-ръ Г. Паасоненъ пользовался отъ Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ) стипендіей имени Розенберга (8000 мар. въ годъ). Это время онъ употребилъ на изученіе языковъ финскихъ инородцевъ (моравы, черемисовъ, остяковъ, чувашей, мещераковъ). Съ начала августа 1900 года онъ провелъ около девяти мѣсяцевъ сперва въ Демьянскомъ, затѣмъ въ Сургутѣ, изучая вмѣстѣ съ маг. К. Карьялайненомъ

кондскій и юганскій діалекты остицкаго языка. Усилія д-ра Паасонена направлены были на собраніе словарнаго и фольклорнаго матеріала, увѣнчавшееся богатыми результатами, такъ какъ д-ръ Паасоненъ поручилъ записи грамотнымъ мордовцамъ и чувашамъ, которымъ были вазначены небольшія стипендіи отъ Финско-угорскаго общества. Д-ръ Паасоненъ въ послѣдствіи самъ провѣрилъ извѣстную часть ихъ записей. Лѣтомъ онъ ненадолго заѣзжалъ въ Финляндію, послѣ чего предпринялъ новое путешествіе къ мордвѣ. Консистерія Гельсингфорскаго университета продолжила ему стипендію еще на годъ, до окончанія его изслѣдованій.

Изъ „Finnisch-Ugrische Forschungen“. Вл. Г.

30-го сентября нов. ст. въ Або былъ открытъ памятникъ на могилѣ недавно умершаго секретаря Финскаго литературнаго общества, Ф. В. Рутстена, о значеніи котораго делегатъ Общества, проф. К. Кронъ произвель выразительную, задушевную рѣчь. Ревностный работникъ, Рутстенъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе родинѣ. Молодымъ магистромъ онъ основалъ въ 1862 году среди западно-финскаго студенческаго землечества кружокъ „друзей свободы“, члены котораго обязывались говорить между собою по-фински (права гражданства были дарованы финскому языку Императоромъ Александромъ II въ 1863 году). Избранный въ 1870 году секретаремъ Финскаго литературнаго общества, Рутстенъ неизмѣнно поддерживалъ идею народности, насаждая въ странѣ образованность. Широкий умъ его охватывалъ различныя области знанія; подъ его редакціей вышла большая часть изданій Общества (словари, сборники законовъ, земледѣльческія руководства, произведенія народной литературы). Самъ онъ съ особенною любовью комментировалъ первое дешевое изданіе „Калевалы“, такъ какъ ясно понималъ всю важность для народа этого памятника. Онъ не забылъ свой вародъ и передъ смертью, завѣщавъ Обществу 15000 мар. на народное изданіе „Новаго Завѣта“ и „Псалтири“. Какъ человекъ, Рутстенъ былъ очень отзывчивъ; онъ съ величайшей услужливостью помогалъ и словомъ, и дѣломъ. Онъ былъ также очень скромнень: несмотря на то, что университетъ неоднократно хотѣлъ поднести ему титулъ почетнаго доктора, Рутстенъ упорно отказывался, находя, что его работа слишкомъ ничтожна. Были однако въ характерѣ его странности. Онъ рѣдко являлся въ общество, принимая у себя посѣтителей только въ опредѣленные дни; когда уже кончался срокъ приѣма, Рутстенъ пожималъ плечами и говорилъ: „извините, но время—деньги“, намекая тѣмъ, что какъ ему самому, такъ и гостю торопко...

Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Какъ извѣстно, весною вернулся въ Финляндію магистръ философіи, Г. Рамстедтъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ находился въ Азіи, изучая монгольскій языкъ. Онъ намѣревался теперь издать подробный разсказъ о своемъ путешествіи, принятомъ главнымъ образомъ съ филологическихими цѣлями; но до сихъ поръ онъ еще не можетъ приступить къ работѣ, такъ какъ пропали всѣ веденныя имъ замѣтки, коллекціи и библіотека. Дѣло въ томъ, что незадолго до своего отъѣзда на родину съ дальняго востока, магистръ Рамстедтъ отправилъ изъ Иркутска въ Або посылку, вѣсомъ въ 115 кгр., заключающую въ себѣ его дневникъ, филологическія наблюденія (между прочимъ, матеріалы для словаря монгольскаго языка), фотографіи, фонографическія записи монгольскихъ народныхъ пѣсенъ и т. д. Однако, несмотря на неоднократныя справки, о посылкѣ ничего неизвѣстно; вѣроятно, она пропала на сибирской желѣзной дорогѣ. Магистръ Рамстедтъ обращался уже въ Петербургъ въ управленіе желѣзныхъ дорогъ, и его обнадежили, что посылка будетъ розыскана, хотя пока еще обѣщаніе не увѣчалось успѣхомъ. Поэтому, маг. Рамстедтъ думаетъ предъявить искъ въ размѣрѣ стоимости утерянной посылки (свыше 6,000 рубл.).

„Изъ „H: bladet“. В. Г.

Акціонерная издательская фирма „Сёдерстрёмъ и К^о“ задумываетъ обширный трудъ, подъ названіемъ: „Наша страна. Справочная книга о Финляндіи“.

Какъ ученые общества, такъ и отдѣльныя лица получили отъ фирмы предложеніе содѣйствовать такъ или иначе изданію, потребность въ которомъ давно уже ощущается. Изданіе явится вѣрнымъ путеводителемъ на почвѣ отчизновѣднія, въ развитіи и распространеніи котораго заключается глубокий національный смыслъ. Программа изданія такова: 1) природа Финляндіи (географія, гидрографія, флора, фауна и т. д.), 2) исторія, археологія, этнографія и фольклоръ, 3) государственное устройство, социальное положеніе, статистика, земледѣліе, мореходство, торговля, промышленность, 4) наука, литература и искусство.

Изданіе будетъ выходить выпусками на шведскомъ и, быть можетъ, на финскомъ языкѣ.

Изъ „H: bladet“. В. Г.

Стипендіаты Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ), магистры Поппіусъ и Каяндеръ, отправившіеся весною въ Сибирь для естественно-историческихъ наблюденій, вѣсѣдовали въ теченіе лѣта мѣстности по теченію рѣки Лены, отъ Якутска къ устью. Теперь они уже находятся въ Олекминскѣ на пути изъ Якутска въ Иркутскъ.

Изъ „H: bladet“. В. Г.

Въ началѣ сентабря въ Финляндіи была норвежская публицистка, Альма Хелльсеть (Kjeldseth), которая направляется пѣшкомъ въ Парижъ. Предпринявъ такое тяжелое путешествіе, чтобы доказать выносливость женщины, Хелльсеть внимательно присматривается къ мѣстному быту, такъ какъ по возвращеніи на родину она думаетъ издать свои впечатлѣнія. Какъ жалуются сама А. Хелльсеть, на пути среди финскаго населенія у нея бывали недоразумѣнія, затруднявшія ее.

Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Семья Планеровъ устроила подъ Лютценомъ музей, въ которомъ собраны различные предметы (преимущественно шведскіе), изъ времени тридцатилѣтней войны и битвы при Лютценѣ. Братъ нынѣшняго владѣльца музея, воспитанный въ преклоненіи передъ Сѣверомъ, собирается создать грандіозный музей, посвященный всестороннему изображенію Скандинавскаго края и Финляндіи.

Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Доцентъ Александровскаго университета, докторъ Г. Вихманъ предпринялъ путешествіе въ Россію, для изученія вырѣзскаго языка. Съ этою цѣлью ему назначена т. и. Александровская стипендія.

Изъ „H: bladet“. Вл. Г.

Благодаря большимъ пожертвованіямъ, государственному университету въ Беркелѣ (Berkeley), въ Калифорніи удалось учредить профессуру индѣйской филологіи и антропологіи, занятую нѣмецкимъ ученымъ, докторомъ А. Л. Крёберомъ. Ему поручено собрать пѣсни и легенды разныхъ индѣйскихъ племенъ. Знаменитымъ предшественникомъ въ этой области является докторъ Фр. Боасъ (Franz Boas), работающій при естественно-историческомъ музеѣ въ Нью-Йоркѣ. Докторъ Боасъ въ теченіи многихъ лѣтъ изучалъ индѣйскія племена въ сѣверо-западной части Америки.

Докторъ Крёберъ предполагаетъ начать свои изысканія съ Калифорніи, гдѣ еще живетъ много индѣйцевъ.

Изъ „H: bl“. Вл. Г.

Докторъ А. О. Хейкель производилъ лѣтомъ въ Вазаской губерніи раскопки, увѣнчавшіяся богатыми результатами; было найдено много предметовъ, какъ-то: сельскія орудія, оружіе, украшенія. Въ селеніи Ёвермалаксъ сохранилось до 70 грудъ камней, извѣстныхъ подъ именемъ могилъ великановъ; въ нѣкоторыхъ сложены кучи костей (это, очевидно, курганы), между тѣмъ какъ другія служили, повидному, жильемъ, такъ какъ въ нихъ были найдены очаги. Вообще, Малексъ, какъ думаетъ

докторъ Хейкель, представляет огромное значеніе для опредѣленія доисторическаго быта Финляндіи, бѣдой историческими документами.

Изъ „Н: бл“. Вл. Г.

Надъ могилой общественнаго дѣятеля, ревнителя финскаго языка, проф. Якко Форсмана (1839—1899) „Финское литературное общество“ воздвигло недавно памятникъ, при открытіи котораго сенаторъ А. Генетцъ (бывшій профессоръ) произнесъ рѣчь, набросавъ передъ слушателями обликъ покойнаго. — Какъ извѣстно, Я. Форсманъ завѣщаль Обществу значительный капиталъ, проценты съ котораго будутъ выдаваться въ премію на труды, разрабатывающіе вопросы политической экономіи, и за общедоступныя юридическія изданія.

Изъ „Н: бл“. Вл. Г.

Д-ръ Яльмаръ Аппельгрень посѣтилъ въ мартѣ и апрѣлѣ русскіе музеи, для сравнительно-археологическихъ наблюденій. Главною его цѣлью было сравнить недавнія находки въ Западной Финляндіи съ предметами, хранящимися въ нашихъ музеяхъ, чтобы реставрировать древнее западно-финское одѣяніе. Такую же работу предпринялъ д-ръ О. Швиндтъ въ Карелии.

Изъ „Finn.—Ugr.Forsch“. Вл. Г.

На засѣданіи „Шведскаго общества отчизновѣдѣнія“ (Svenska landsmålsföreningen), происходившемъ подъ предсѣдательствомъ доцента Г. А. Венделя, проф. А. О. Фреуденталь сообщилъ, что онъ окончилъ порученную ему Обществомъ работу о различіяхъ между собственно-шведскимъ и шведскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ въ Финляндіи. Работа будетъ издана „Шведскимъ литературнымъ обществомъ“.

Изъ „Н: бл“. Вл. Г.

Финляндскій сенатъ назначилъ Финскому археологическому обществу пособіе въ 1.500 марокъ на художественно-историческую экспедицію, предполагаемую въ предѣлахъ Або-Вьёрнеборгской губ. (между Або и Раумо).

Изъ „Н: бл“. Вл. Г.

Финскій ученый, докторъ А. О. Хейкель предпринялъ въ началѣ сентября этнографическую поѣздку въ Прибалтійскій край. Путь, намѣченный имъ, идетъ черезъ Rågö (Rågö), монастырь Надисъ, Гапсаль, большія озера, расположенныя по западному берегу Эстляндіи, къ ливамъ, оттуда въ Сетукесень (въ Плеськушъ) и въ Везенбергъ черезъ Дерптъ. Докторъ Хейкель предполагаетъ совершить путешествіе въ два мѣсяца.

Изъ „Н: бл“. Вл. Г.

4-го октября, подъ предсѣдательствомъ проф. І. Р. Аспелина, происходило засѣданіе Финскаго археологическаго общества, на которомъ секретарь, магистръ Ю. Айліо указалъ на многочисленныя археологическія находки, переданныя въ теченіе лѣта въ Общество. Стипендіатъ Общества, маг. Саксёнь сообщилъ о своемъ путешествіи на Аландскіе острова, для изученія названій мѣстностей. Магистръ Саксёнь занять вообще вопросомъ о шведской колонизаціи въ Финляндіи. Другіе стипендіаты Общества: магистры А. Тавастшерка и Я. Кекконенъ, студентъ У. Уллбергъ посѣтили лѣтомъ русскую Карелію. Они привезли съ собой много чертежей, изображающихъ мѣстныя постройки, и орнаменты; кромѣ того, они собрали много старинныхъ предметовъ; между прочимъ, имъ удалось достать монету времени императора Августа. Изъ той же Кареліи народный учитель, М. Туокко, прислалъ коллекцію изъ 159 рисунковъ различныхъ этнографическихъ предметовъ.

Въ общество поступили біографическіе матеріалы о нѣкоторыхъ лицахъ, вышедшихъ изъ народа.

Докторъ Я. Аппельгрень заявилъ, что во время своего лѣтняго путешествія въ Россію онъ завязалъ сношенія съ русскими археологическими обществами.

Магистръ О. Алденіусъ сдѣлалъ на засѣданіи докладъ о нѣкоторыхъ монетныхъ собраніяхъ изъ университетскаго нумизматическаго кабинета. Работая надъ каталогизаціей, онъ открылъ 70 нѣмецкихъ монетъ, до сихъ поръ еще не описанныхъ.

Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

По порученію „Шведскаго литературнаго общества“ ректоръ Э. Лагусъ составилъ каталогъ фольклорныхъ собраній Общества. Всего въ распоряженіи Общества находится 79 собраній, изъ которыхъ 34 записано въ Эстерботніи, 29 — въ Западной Финляндіи и 16 — въ Нюландѣ. Въ собраніи народныхъ произведеній участвовало 28 стипендіатовъ Общества; отъ 14 лицъ Общество приобрѣло нѣсколько этнографическихъ коллекцій. Расходы Общества, — основаннаго въ 1884 году, — на изученіе фольклора достигли 12,722 марокъ (около 5000 рублей).

Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

На происходившемъ недавно засѣданіи Финско-угорскаго общества, предсѣдатель проф. О. Доннеръ заявилъ, что І. Квигстадъ, извѣстный знатокъ лапландскаго языка, прислалъ изъ Тромсё большое собраніе произведеній народной лапландской литературы.

Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

Эстонская газета „Postimies“ сообщаетъ, что д-ръ І. Хуртъ, бывший весною съ членами „Ученаго Эстонскаго общества“, въ

Гельсингфорсѣ, подвѣялъ вопросъ объ изданіи произведеній народной поэзіи эстовъ. Финское литературное общество выразило желаніе принять на себя извѣстную часть расходовъ; точно также Финско-угорское общество намѣревается издать на свой счетъ закликательныя пѣсни. Пѣсни будутъ сопровождаться примѣчаніями на эстонскомъ языкѣ; къ закликательнымъ пѣснямъ будетъ приложенъ ихъ нѣмецкій переводъ. Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

Д-ръ А. О. Хейкель ѣздилъ въ январѣ 1901 года въ Эстляндію. На средства, изысканныя съ капитала имени Антелля, онъ приобрѣлъ для финляндскаго этнографическаго музея эстонскія народныя одежды; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снялъ фотографіи съ предметовъ и срисовалъ узоры на одеждахъ, покрывалахъ и поясахъ; то же самое онъ сдѣлалъ въ Ригѣ съ предметами латышской этнографіи, которая представляетъ много точекъ соприкосновенія съ финской этнографіей. Изъ „Finn. Ugr. Forsch.“ Вл. Г.

Финское литературное общество поручило доктору К. Гротенфельту издать сборникъ рунъ сетукесовъ, — эстонскаго племени, живущаго въ Псковской губ. Сборникъ пожертвованъ Обществу докторомъ І. Хуртомъ. Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

Извѣстный эстонскій публицистъ, докторъ К. А. Германнъ недавно праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего рожденія. Мѣстныя газеты посвятили ему рядъ сочувственныхъ статей, въ которыхъ опредѣляютъ его значеніе. Такъ, одна нѣмецкая газета пишетъ: „среди эстовъ, подвизающихся на общественной службѣ, едва ли найдется еще кто—другой, чья дѣятельность внушала бы такое уваженіе и была бы такъ разностороння, какъ дѣятельность д-ра Германна. Эстонская литература многимъ ему обязана, такъ какъ онъ, между прочимъ, былъ авторомъ эстонской грамматики; онъ преобразовалъ еженедѣльную газету „Postimees“, въ ежедневный органъ печати который началъ оберегать интересы эстонскаго племени. Съ его именемъ связывается также память о большихъ эстонскихъ пѣвческихъ празднествахъ, пробудившихъ среди эстовъ глубокий интересъ къ музыкѣ. Наконецъ, д-ръ Германнъ много работалъ и руководилъ различными эстонскими обществами, имъ же основанными“.

Изъ „Н.: бл.“ Вл. Г.

Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

(некрологъ).

11-го іюля текущаго года скончался въ Алупкѣ академикъ И. Н. Ждановъ, авторъ ряда цѣнныхъ трудовъ въ области старинной и новой русской литературы и народнаго эпоса.

И. Н., сынъ священника, родился въ Шенкурскѣ въ 1846 г., учился въ Архангельской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой поступилъ въ С. Петербургскую духовную академію, а оттуда съ третьяго курса перешелъ въ С. Петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. Оставленный при университетѣ по кафедрѣ русской литературы, И. Н. въ 1878 г. защищалъ диссертацию (pro venia legendi) „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“ (напечат. въ Ж. М. Н. П. 1876, іюль и августъ) и получилъ званіе приватъ-доцента. Съ 1879 по 1882 г. Ждановъ былъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ исторіи русской словесности при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, откуда перешелъ въ С. Петербургъ и д. экстра-ординарнаго профессора въ Историко-филологическомъ институтѣ. Съ этого времени (1882 г.) вся остальная преподавательская дѣятельность И. Н. Жданова протекла въ Петербургѣ. Одновременно съ преподаваніемъ въ институтѣ онъ занималъ кафедру русской литературы въ Александровскомъ Лицеѣ, читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, а съ 1896 года занялъ кафедру русской словесности въ С. Петербургскомъ университетѣ въ званіи ординарнаго профессора. Въ 1899 году Ждановъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ И. Академ. Наукъ.

Общее свойство трудовъ покойнаго академика—тщательность изслѣдованія, богатство матеріала, всестороннее его освѣщеніе и изящество въ изложеніи. Таковы его работы въ области старинной русской литературы: „Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху“ (Кіевск. Унив. извѣст. 1879), „Церковно-земскій соборъ 1551 года“ (Истор. Вѣстн. 1880), „Литература Слова о Полку Игоревѣ“ (Кіев. Унив. изв. 1880), „Палей“ (тамъ же 1881). Изъ статей, посвященныхъ исторіи русской литературы XVIII и XIX в., всегда освѣщающихъ предметъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, отмѣтимъ этюды: о Фонвизинѣ (въ Словарѣ Русск. Ист. Общества),

о „Русалкѣ“ Пушкина („Русалка“ Пушкина и „Das Donauweibchen“ Генслера. Спб. 1900), о драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (Спб. 1892), „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1900) „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (Спб. 1900) и др. Но особенный интересъ для любителей и изслѣдователей русской народной словесности представляютъ труды И. Н. въ этой области, его магистерская и докторская диссертация. Чуждый увлеченій нашей миеологической школы, Ждановъ, идя по слѣдамъ А. Н. Веселовскаго, къ разработкѣ памятниковъ русскаго эпического творчества прилагалъ тотъ же историко-сравнительный методъ и останавливался на вопросѣ о вліяніи книжной словесности на народную. Въ своей магистерской диссертации „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“ (Кіевъ 1881 г.) онъ разбираетъ три памятника: „Преніе живота со смертію“, стихъ объ Аникѣ Воинѣ и былины о Самсонѣ и Святогорѣ—памятники, повидимому, имѣющіе мало общаго между собой въ основѣ. Но связь между ними открывается тогда, когда мы обратимъ вниманіе на факты ихъ позднѣйшей литературной исторіи. „Преніе живота со смертію“ оказало несомнѣнное вліяніе на стихъ объ Аникѣ Воинѣ. Народные пѣвцы, какъ доказываетъ авторъ, вносили въ стихъ то, что узнавали изъ „Пренія“. Далѣе: въ нѣкоторыхъ спискахъ „Пренія“ встрѣчается указаніе на Самсона сильнаго, которому приписывается похвальба перевернуть весь свѣтъ. Та же похвальба повторяется потомъ въ нѣсколькихъ памятникахъ: въ стихѣ объ Аникѣ Воинѣ, въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ, въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины объ Ильѣ Муромцѣ. Съ похвальбой же повернуть землю въ народной поэзіи связывается рассказъ о подниманіи земной тяги. Этотъ рассказъ опять находимъ и въ стихѣ объ Аникѣ, и въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ. Такимъ образомъ памятники первоначально разнородные сближаются и объединяются общностью эпизодовъ и подробностей. Разъясненіе ихъ взаимныхъ отношеній и составляетъ содержаніе диссертации И. Н. Жданова, среди приложеній къ которой находимъ въ видѣ экскурса сопоставленіе былины о Дюкѣ Степановичѣ со сказаніемъ о Дигенисѣ Акритѣ (впрочемъ неубѣдительное). Изслѣдованіе представляетъ главнымъ образомъ интересъ для характеристики значительнаго вліянія памятниковъ письменности на устную словесность, и литературнаго общенія между книжнымъ и некниж-

нымъ людямъ: такъ былина о Самсонѣ-Святогорѣ восходитъ отчасти къ апокрифическому сказанію о Самсонѣ, стихъ объ Аникѣ отчасти къ одному переводному нѣмецкому поучительному діалогу. Эти разысканія Жданова въ свое время были новымъ словомъ въ пріемахъ разработки русской былевой пѣсни. Къ достоинствамъ его работы, вызвавшей критическую статью акад. А. Н. Веселовскаго, не раздѣлявшаго взгляды Жданова въ отдѣльных случаяхъ, относится полнота матеріаловъ, критическое къ нимъ отношеніе и ясность изложенія. Еще болѣе цѣнный вкладъ въ разработку нашего былевого эпоса представляет докторская диссертация Жданова, вышедшая въ 1895 г. подъ заглавіемъ: „Русскій былевой эпосъ, изслѣдованія и матеріалы“. Авторъ собралъ въ этомъ обширномъ трудѣ (стр. XII+631) въ переработанномъ видѣ нѣкоторыя свои раньше напечатанныя статьи (Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князяхъ Владимірскихъ“, Повѣсти объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразсказанный сонъ“, Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ, Пѣсни о князѣ Романѣ, Пѣсни о князѣ Михаилѣ) и издалъ въ приложеніи къ нимъ рядъ интересныхъ памятниковъ старинной русской литературы. Авторъ обнаруживаетъ обширное знакомство съ западными средне-вѣковыми памятниками и является отличнымъ знатокомъ русскаго былевого эпоса и старинной книжной литературы. Специальная критика указывала, напр., на неубѣдительность сопоставленія Василія Буслаева съ Робертомъ діаволомъ, на излишнее увлеченіе исторической стороной въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ и проч. Но нѣкоторыя увлеченія, вызванныя желаніемъ дать всестороннее разъясненіе разбираемымъ памятникамъ народной словесности, искупаются обиліемъ и интересомъ новаго матеріала, пущеннаго авторомъ въ научный оборотъ, тщательностью и детальностью разработки, подкупающимъ остроуміемъ въ комбинаціяхъ и прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ. Особенно цѣннымъ представляется историческій комментарий къ былинамъ о Василіи Буслаевѣ, не теряющій своего значенія, даже если мы не согласимся съ гипотезой автора о происхожденіи фабулы быliny...

Обширная эрудиція и критическій тактъ позволяли ожидать еще многихъ цѣнныхъ трудовъ отъ даровитаго изслѣдователя, и преждевременная смерть его представляетъ тяжелую утрату для русской науки.

В. М.

О П Е Ч А Т К И.

Въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ“. („Эгн. Обзор.“ кн. XLVIII, 1901, № 1):

Страница	Строка сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	27	назадъ	на западъ
"	1 прим. 3	примѣчаніе 3	примѣчаніе 4
"	1 прим. 4	4	3
6	7 прим. 2	1897 г.	1797 г.
8	1 прим. 1	персидское	лезгинское
"	1 прим. 3	Законы	Законъ
10	8	крупныя	болѣе крупныя
"	2 прим. 3	адаты	адаты
12	3	съ оговоркой (mutatis сь оговоркой mutandis)	съ оговоркой
"	7	XIII в.	VIII в.
"	1 прим. 4	Les prairies	prairies
"	2 прим. 7	жидами	изядами
14	3 прим. 3	п. I, 79	т. I, 79
"	3 прим. 4	принадлежали	привадежалиъ
"	24	Хлебелель	Хлебелялъ
15	13	Кубано	Кубаю
"	14	5 ословъ	6 ословъ
16	17	Дагестанскіе	дагестанскіе
18	4 прим. 2	выбирается	выбирался
"	6 прим. 2	дударакскій	дударакскій
"	9 прим. 2	Усита	Усиша
"	" "	Кораки	Хюраки
"	18	караги-беками	карачи-беками
"	19	Шикарты	Ишкарты
"	"	Эрпели	Эрпели
19	2	массумомъ	массумомъ
"	"	казникумхскимъ	казникумхскимъ
"	1 прим. 3	межгулинскіе	мехтулинскіе
20	16	джамагъ	джамаатъ
21	14 прим. 2	Мехгулы	Мехтулы
22	13	Гайшъ	Гапшъ
"	2 прим. 2	Гапшъ	Гапшъ
24	21	Саѣи	Раѣи
"	22	Зборы	сборы
25	4 прим. 2	изъ женитбы	при женитбѣ
27	15	чагаръ	сборовъ съ чагаръ
"	1 прим. 1	Кубагахъ	Кубачахъ
30	6 прим. 1	Шикарты	Ишкарты
33	9	Казъ	Кахъ
34	18	членовъ	членаятъ